

# С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР



АКАДЕМИЯ НАУК  
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР



◆  
БАКУ - 1983

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР.

---

# С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

*ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ*

*Выходит 6 раз в год*

*№ 3.*

*МАЙ—ИЮНЬ*

БАКУ—1983

### **РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСҚАҚОВ, М. З. ЗАКИЕВ,  
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕЗ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,  
М. Қ. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,  
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,  
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

**Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ**

---

*Адрес редакции:* 370143, ГСП Баку-143, просп. Нарнманова, 31. Академгородок

## СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Р. Г. СИБАГАТОВ

### ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДИКАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ

(ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ)

Положение о том, что предикативное отношение базируется на актуальном (по другому: коммуникативном, логико-грамматическом) членении предложения имеет, на наш взгляд, принципиальное значение; отношение предложения к действительности устанавливается путем противопоставления компонентов актуального членения (темы-субъекта и ремы-предиката)<sup>1</sup>. При этом по характеру выражения предикативного отношения предложения разделяются на две основные группы: 1) предложения, актуальное членение которых совпадает с их синтаксическим членением; 2) предложения, актуальное членение которых не совпадает с их синтаксическим членением. С особенностями соотношения актуального и синтаксического членений предложения, в конечном итоге, связан характер его предикативной структуры в целом<sup>2</sup>. В первом случае, когда актуальное и синтаксическое членения предложения совпадают, в качестве членов предикативного отношения (выразителей темы-субъекта и ремы-предиката) выступают соответственно подлежащее и сказуемое (или группы их). Отношения между ними характеризуются как средства актуального членения (такие субъективно-модальные средства, как логическое ударение, частицы, модальные слова), так и средства, обнаруживаемые в составе сказуемого (такие объективно-модальные средства, как наклонение и время). Это, на наш взгляд, наиболее оптимальный (и, пожалуй, генетически первичный) способ выражения предикативного отношения. В предложениях же, актуальное и синтаксическое членения которых не совпадают, создается довольно сложная логико-грамматическая ситуация: в них члены

<sup>1</sup> Сказанное, разумеется, вовсе не означает, что предикативное отношение выражается одним лишь актуальным членением предложения. По справедливому замечанию И. П. Распопова, «...предшпринирование представляет собой двусторонний акт, который состоит в расчленении высказывания на определенные коммуникативно значимые элементы (что и выражается в актуальном членении предложения) и одновременно установлении связи между ними, объединении этих элементов в единое целое, причем, эта связь квалифицируется в модальном плане: как реальная, возможная, желательная и т. д., а также в плане временном: как осуществляющаяся в настоящем, будущем и прошедшем». (См.: И. П. Распопов. Актуальное членение предложения. Уфа, 1964, стр. 36). Теория актуального членения предложения, освещая один аспект акта предикации, то есть выделение и противопоставление двух коммуникативно (логически) значимых частей, не учитывает второй, то есть их субъективно характеризующее отношение.

<sup>2</sup> См.: Р. Г. Сибгатов. Основные признаки предложения (на материале татарского языка). Уфа, 1980; *его же*. Атрибутивные и предикативные конструкции в плане содержания. — «Вопросы языкознания», 1982, № 2.



предикативного отношения (тема-субъект и рема-предикат), с одной стороны, и главные синтаксические члены (подлежащее и сказуемое), с другой, выступают как совершенно различные, противопоставленные друг другу категории; в то же время модальный аппарат конструкций данного (второго) типа оказывается разделенным на два: объективно-модальные средства всегда остаются в сфере сказуемого, независимо от логической (непредикативной) функции последнего, а субъективно-модальные средства притягиваются преимущественно к реме-предикату, хотя, конечно, частично могут входить и в состав других членов.

По-видимому, именно такая осложненность предикативной структуры предложений, актуальное и синтаксическое членения которых не совпадают, усиливает тенденцию к созданию и употреблению целого ряда синонимических форм их, в которых рема-предикат, выраженная не сказуемым, а другими членами предложения, переоформляется как сказуемое, в результате противопоставление ремы-предиката и сказуемого снимается. Тем самым, в конечном итоге, преодолеваются структурные осложнения, возникающие в связи с расхождением актуального и синтаксического членений предложения. Ср., например, предложение татарского языка: *Әткәйнең кызуы шуның өчен икән* (Г. Ибраһимов) 'Отец, оказывается, горячился из-за этого' (с логическим ударением на сказуемом *шуның өчен икән* 'оказывается, из-за этого'), являющееся синонимом конструкции: *Әткәй шуның өчен кызган икән* (с логическим ударением на обстоятельстве *шуның өчен* 'из-за этого'). Сопоставляя эти две формы предложения, можно вполне определенно сказать, что первая из них возникла на основе преобразования (трансформирования) второй. При этом рема-предикат (*шуның өчен* 'из-за этого'), выраженная обстоятельством исходной конструкции, поставлена в положение сказуемого трансформированной конструкции.

Приведем еще несколько примеров: в трансформированной конструкции *Икенче мәртәбә минем тере язучыларны күрүем Арча педучилищесында укыганда булды* (Г. Ахунов) 'Второй раз я видел живых писателей, когда учился в Арском педучилище' переоформлена, как группа сказуемого, рема-предикат (развернутый второстепенный член) исходной конструкции *Икенче мәртәбә мин тере язучыларны Арча педучилищесында укыганда күрдәм*. Место группы сказуемого в трансформированной конструкции *Зур мәҗлес алдында Сабираның чәнчүе — менә шуңа таянып иде* (Г. Ибраһимов) 'Придирки Сабиры при гостях были основаны на этом' занимает рема-предикат (развернутый второстепенный член) исходной конструкции *Зур мәҗлес алдында Сабири менә шуңа таянып чәнчә иде*.

Следует учитывать, что трансформируемые в сказуемое члены предложения (здесь, например: *шуның өчен, укыганда, таянып*) сохраняют свое логическое ударение. И это является главным условием того, что даже при значительном синтаксическом преобразовании конструкции тема-субъект и рема-предикат не меняются: и в том и в другом случае выражаются одними и теми же комплексами лексических единиц.

Речь, таким образом, идет об особом синтаксическом варьировании, усовершенствовании способа выражения предикатного отношения, что имеет место не только в татарском, но и в других тюркских языках<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> Е. А. Поцелуевский отмечает случаи аналогичных трансформаций в туркменском языке, как одно из условий образования и употребления описываемой им трехчленной определительной конструкции, причем он их (эти случаи) называет «трансформациями логического выделения». (См.: Е. А. Поцелуевский. Тюркский трехчлен. М., 1967, стр. 118—119).

Такие разновидности сказуемого, как приводившиеся выше в примерах *шуның өчен икән, укыганда булды, таянып иде*, являются не совсем обычными. Формы и лексико-грамматические значения основных частей подобных сказуемых прямо указывают на их соотносительность с другими членами предложения (в данном случае — с обстоятельством). В действительности же рема-предикат, преобразуемая в сказуемое, приобретает все объективно-модальные значения, характерные для сказуемого. То есть данный член предложения становится сказуемым именно потому, что «обретает» названные сказуемостные категории трансформируемого предложения. Ср., например, оформление сказуемых исходных и трансформированных конструкций: *шуның өчен кызган икән — кызуы шуның өчен икән; укыганда күрдём — күрүем укыганда булды; таянып чәнчә иде — чәнчүе таянып иде*. Основное модальное значение сопоставляемых единиц (значение реальности), выраженное с помощью формы времени, остается неизменным.

В трансформированных конструкциях имеет место не простое совпадение понятий «предикативный член» и «сказуемое», характерное для случаев, когда актуальное членение предложения совпадает с его синтаксическим членением. Предикативный член и сказуемое в этих конструкциях совмещены потому, что синтаксическая структура этих конструкций приведена в соответствие с актуальным членением исходной конструкции. Поэтому правомерно считать, что актуальное и синтаксическое членения трансформированных конструкций не противопоставляются друг другу, а, наоборот, одно из них предполагает другое, тем более, что эти конструкции, по нашим наблюдениям, не употребляются в других коммуникативных вариантах, хотя, конечно, такая возможность или, точнее, перспектива дальнейшего развития в данном направлении не исключается полностью.

Трансформированные конструкции различаются прежде всего в зависимости от того, какой член исходной конструкции переформирован в них как сказуемое. С этим, в свою очередь, связан характер переформирования того состава исходной конструкции, который выражает тему-субъект.

Основными формами трансформированных конструкций татарского языка являются нижеследующие.

**Трансформированные конструкции, имеющие сказуемое, соотносительное с дополнением исходных конструкций.** Это сказуемое может быть выражено:

1) существительным или другой субстантивированной частью речи в основной форме (без аффикса); Ср., например, предложения:

трансформированное: *Әйткәннәре, чыннан да, кирәкле нәрсәләр иде* (А. Расих) 'Говорил действительно о нужных вещах'; исходное: *Чыннан да, кирәкле нәрсәләр әйтте*.

трансформированное: *Сукырның теләгәнә ике күз* (пословица) 'Слепой желает видеть'; исходное: *Сукыр ике күз тели*.

2) существительным или другой субстантивированной частью речи в косвенных падежах; ср., например, предложения:

трансформированное: *Шомлы тынлыкның уянуы безнең файдага гына* (Ә. Маликов) 'Нарушение тревожной тишины — только в нашу пользу'; исходное: *Шомлы тынлык безнең файдага гына уянды*.

трансформированное: *Минем монда писарь булып утыруым һич тә үземнән түгел* (Ә. Еники) 'Я сижу здесь писарем вовсе не по своей воле'; исходное: *Мин монда һич тә үземнән (үзлегемнән) писарь булып утырмыйм*.

3) существительным или другой субстантивированной частью речи с послелогом и послеложными словами, ср., например, предложения: трансформированное: *Хээр, эшлэвем дэ инде... бары Сэетгарэй аркасында гына* (Р. Төхфәтуллин) 'Впрочем, и работаю только благодаря Сантгарею'; исходное: *Бары Сэетгарэй аркасында гына эшлим.*

При постановке ремы-предиката, выраженной дополнением исходной конструкции, в положение сказуемого трансформированной конструкции одновременно происходит переоформление темы-субъекта. Имеется несколько основных способов передачи его.

1) Тема-субъект, выраженная сочетанием подлежащего и сказуемого в исходной конструкции, переходит во вновь образуемую трансформированную конструкцию в форме изафета:

а) с господствующим компонентом — именем действия с аффиксом принадлежности; ср., например, предложения:

трансформированное: *Шомлы тынлыкның уянуы безнең файдага гына* (Ә. Маликов) 'Нарушение тревожной тишины только в нашу пользу'; исходное: *Шомлы тынлык безнең файдага гына уянды.*

б) с господствующим компонентом-причастием прошедшего времени с аффиксом принадлежности; ср., например, предложения:

трансформированное: *Килүчеләрнең кигәнне — киндер күлмәк, алача ыштан, тула оек белән чабата* (Г. Ахунов) 'Приезжие были одеты в полотняные платье, пестрые штаны, суконные чулки и лапти'; исходное: *Килүчеләр киндер күлмәк, алача ыштан, тула оек белән чабата кигәннәр.*

в) с господствующим компонентом — причастием будущего времени с аффиксом принадлежности; ср.: например, предложения:

трансформированное: *Хәзер сөйләячәгем повесть та, роман да түгел* (М. Рафиков) 'То, что я расскажу сейчас, это и не повесть, и не роман'; исходное: *Хәзер повесть та, роман да сөйләмәячәкмен.* Здесь зависимый компонент (минем 'мой') изафетного словосочетания сокращен, надо полагать, ввиду избыточности его, так как значение субъекта действия передано формой лица господствующего компонента.

2) При господствующем компоненте изафетного словосочетания появляется местоимение *нәрсә* или какое-либо существительное, имеющее более общее (родовое) значение по отношению к сказуемому трансформированной конструкции; ср., например, предложения:

трансформированное: *Аның, язмак булып, кулына алып утырган нәрсәсе — корбан иде* (Г. Ибраһимов) 'То, что он взял в руки, когда сел писать, — был коран'; исходное: *Ул, язмак булып, кулына корбан алып утырды.*

Трансформированные конструкции, имеющие сказуемое, соотносительное с обстоятельством исходной конструкции. Наиболее часто встречаются следующие разновидности сказуемого трансформированной конструкции, в своей основной части совпадающего с обстоятельством исходной конструкции:

1) выражается существительным или другой субстантивированной частью речи в косвенных падежах; ср., например, предложения:

трансформированное: *Әти, әни, сезне дәшеп алуым шуңа... — дил, юаш кына үзенең гозерен гйтә башлады* (Г. Бәширов) 'Папа, мама, я пригласил вас для того, ... — начал он излагать со смиренным видом свой замысел'; исходное: *Әти, әни, сезне шуңа дәшеп алдым, ... — дил, юаш кына үзенең гозерен гйтә башлады.*

трансформированное: *Яшьтәш белән соңгы очрашу яңа 1972 нче елны каршылаганда булды* (М. Мәһдиев) 'Со сверстником

моим встретились, когда встречали новый 1972 год'; исходное: *Яшьтәш белән яңа 1972 елны каршылаганда очраштык;*

2) выражается существительным или другой субстантивированной частью речи с послелогам и послеложными словами; ср., например, следующие предложения:

трансформированное: *Хатын-кызга якын бармаска дип нәзер айтүем дә шуның өчен иде* (Г. Ибраһимов) 'И поэтому дал себе зарок, чтобы близко не подходить к женщине'; исходное: *Шуның өчен хатын-кызга якын бармаска дип нәзер айттем дә;*

трансформированное: *Хәтта сәйләшүе дә тигарчл өйрәнгән рус хатыннарыныкы кебегрәк* (Ә. Еники) 'Даже произношение ее как у русских женщин, научившихся говорить по-татарски'; исходное: *Хәтта татарча өйрәнгән рус хатыннары кебегрәк сөйләшә;*

3) выражается наречиями; ср., например, предложения:

трансформированное: *Әкият Мөхәммәтнең авылдан чыгып киткәнә нә бик күптәп бугай шул инде* (Ж. Рәхимов) 'Этот чудакватый Мухамет уехал из деревни, кажется, уже очень давно'; исходное: *Әкият Мөхәммәт авылдан бик күптән чыгып киткән иде бугай шул инде.*

4) выражается числительными; ср.: например, предложения:

трансформированное: *Фатыйма тутинең болай «Донбассларга йөрүе» беренче түгел* (М. Рафиков) 'Тетя Фатима, таким образом, «едет на Донбасс» не впервые'; исходное: *Фатыйма туту болай Донбассларга беренче йөрми.*

По способам переоформления темы-субъекта трансформированные конструкции данного типа существенно не отличаются от таковых предыдущего типа.

Встречаются трансформированные конструкции, сказуемое которых соотносительно с определением исходной конструкции; ср., например, предложения:

трансформированное: *Мәрхүмнең хатыны Гайшә артыннан Паларусовның кәргән өе — менә шул иде* (Г. Ибраһимов) 'За женой покойного Гайшей Паларусов вошел в этот дом'; исходное: *Мәрхүмнең хатыны Гайшә артыннан Паларусоз менә шул өйгә керде.* Употребление таких конструкций ограничено.

Трансформированные конструкции, сказуемое которых соотносительно с подлежащим исходных конструкций. Основная суть трансформации в этом случае состоит прежде всего в том, что происходит переоформление главных синтаксических членов предложения, в результате чего синтаксическая структура предложения приводится в соответствие с его коммуникативным (=логическим) строем. Подлежащее (существительное в основном падеже) исходной конструкции, выражающее рему-предикат, принимает форму именного сказуемого трансформированной конструкции, а глагольное сказуемое исходной конструкции, выражающее тему-субъект, занимая при этом позицию подлежащего трансформированной конструкции, субстантивируется; ср., например, предложения:

трансформированное: *Жырылаучы — хатын-кыз иде* (М. Мәһдиев) 'Пела женщина'; исходное: *Хатын-кыз жырлыи иде* (с логическим ударением на подлежащем).

Сказуемое трансформированных конструкций данного типа, в своей основной части совпадающее с подлежащим исходной конструкции, не отличается разнообразием форм: повторяет одну и ту же форму исходного члена (основного падежа). Подлежащее трансформированных кон-



струкций, соотносительное со сказуемым исходной конструкции, выражается несколькими способами:

1) субстантивированным причастием настоящего времени; ср., например, предложения:

трансформированное: *Өйрэтүче без Молоканов дигэн абый иде* (М. Эмир) 'Нас учил дяденька по фамилии 'Молоканов'; исходное: *Безне Молоканов дигэн абый өйрэтэ иде;*

2) субстантивированным причастием прошедшего времени; ср., например, предложения:

трансформированное: *Котны алганы — билгесезлек, иртэгесе көнгө өметсезлек* (Ж. Рэхимов) 'Пугает неизвестность, неверие в завтрашний день'; исходное: *Билгесезлек, иртэгесе көнгө өметсезлек котны ала;*

3) с помощью местоимения *нэрсэ* или существительного с родовым по отношению к сказуемому значением; ср., например, предложения:

трансформированное: *Аның ачуын кузгаткан нэрсэ — гармун тавышы* (Г. Ахунов) 'Его раздражала игра на гармошке'; исходное: *Аның ачуын гармун тавышы кузгатты;*

трансформированное: *Чоланны каккан кеше Гаделия икэн* (М. Мәндиев) 'В веранду стучала, оказывается, Гаделия; исходное: *Чоланны Гаделия каккан икэн;*

трансформированное: *Закирга тигэн ат ике яшь ярымлык кечкенә бия генә иде* (Г. Ибраһимов) 'Закиру досталась только маленькая кобыла двух с половиной лет'; исходное: *Закирга ике яшь ярымлык кечкенә бия генә тиде.*

Наряду с предложениями глагольного типа могут быть трансформированы также именные предложения. При этом тема-субъект трансформированной конструкции выражается:

субстантивированным прилагательным: *Авилның бертуган өч бае арасында иң эшәкесе Сапый иде* (Ш. Маннур) 'Самым отвратительным среди трех братьев-богачей деревни был Сапый' — *Авилның бертуган өч бае арасында Сапый иң эшәкесе иде;*

субстантивированным наречием: *Иң авыры ит иде* (Г. Ибраһимов) 'Самым трудным было мясо' — *Ит иң авыры иде;*

существительным: *Беренче укытучым минем Заки абый булды* (Г. Ахунов) 'Мойм первым учителем был Заки-абый' — *Заки абый минем беренче укытучым булды.*

Трансформированный характер первых предложений устанавливается не по их форме, а по содержанию, точнее: по логико-семантическому соотношению главных членов: «распределение имен по синтаксическим позициям подлежащего и сказуемого всегда учитывает их логико-семантическое соотношение»<sup>4</sup>. По мнению Н. Д. Арутюновой, имена с абстрактным (признаковым) значением тяготеют к функции сказуемого, а имена с конкретным (предметным) значением, напротив, занимают позицию подлежащего<sup>5</sup>. Этим условиям удовлетворяют наши вторые предложения, и на этой основе мы рассматриваем их как исходные. А в трансформированных (первых) предложениях имеет место обратное соотношение: признаковое имя — в позиции подлежащего, предметное имя — в позиции сказуемого.

Произведенная трансформация именных предложений внешне напоминает известную в логике операцию обращения, «когда из данного суждения образуется новое суждение, в котором субъектом становится предикат исходного суждения, предикатом — субъект исходного сужде-

<sup>4</sup> Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976, стр. 322.

<sup>5</sup> Там же.

ния»<sup>6</sup>. В действительности, однако, это сходство только внешнее. Здесь, как видно, налицо обращение на синтаксическом уровне, подлежащее и сказуемое как главные синтаксические члены меняются функциями, но логическое содержание предложения после этой операции остается неизменным, так как взаимной замены субъекта и предиката не происходит. В этом глубинная специфика и значение описываемого явления.

**Модальное оформление предикативного члена трансформированной конструкции.** В данном случае предикативный член трансформированной конструкции перенимает объективно-модальное значение исходной конструкции, то есть значения времени, наклонения из сферы логически не выделяемого сказуемого исходной конструкции переходят в состав трансформируемого в сказуемое члена. В то же время этот предикативный член удерживает при себе те субъективно-модальные средства (логическое ударение, частицы, модальные слова), которыми отличался до трансформирования. Объективно-модальные и субъективно-модальные средства, функционировавшие в исходной конструкции разъединены (первые — в сфере сказуемого, а вторые — в сфере других членов), оказываются сосредоточенными, объединенными в составе трансформированного предикативного члена (сказуемого).

Средствами объективно-модального оформления предикативного члена (сказуемого) трансформированной конструкции являются синтаксические формы времени, обусловленные именованным характером данного члена.

Сказуемое трансформированных конструкций встречается, главным образом, в двух значениях: настоящего и прошедшего времени.

Настоящее время, как и при других случаях употребления именованного сказуемого, выражается значимым отсутствием показателя времени; например: *Тыңлаучы — мин, докладчылар — сез* (Ж. Рэхимов) 'Я слушаю, вы докладываете'.

Прошедшее время образуется путем введения в состав предикативного члена (сказуемого) вспомогательных глаголов *ир-*, *бул-*:

а) предикативный член (сказуемое) с вспомогательным глаголом *иде* выражает значение прошедшего незавершенного, длительного времени; например: *Барыбызның да курыкканы — буран иде* (А. Гыйлажев) 'Все боялись бурана';

б) предикативный член (сказуемое) с вспомогательным глаголом *булды* выражает значение прошедшего категорического; например: *Жавапка беренче чакырылган кеше — Фэхринсң хатыны Гайшә булды* (Г. Ибраһимов) 'На допрос первой вызвали жену Фахри — Гайшу';

в) предикативный член (сказуемое) с вспомогательным глаголом *булган* выражает значение прошедшего результативного; например: *Жырылап үтүче — карт ялчы Шаһи бабай булган икән* (Г. Ибраһимов) 'Оказывается, пел старый батрак Шаги-бабай';

г) предикативный член (сказуемое) с вспомогательным глаголом *була иде* выражает значение преждепрошедшего; например: *Анасыннан сләп рөхсәт алучы, анасын үзе ашыктырып киендерүче ул була иде* (Г. Ибраһимов) 'Это она со слезами просила разрешения матери, сама торопила ее одеваться'.

В составе предикативного члена (сказуемого) трансформированных конструкций употребляются все разряды субъективно-модальных средств: частицы, модальные слова и их комбинации; ср., например, предложения:

с частицей: *Ходайның язганы шул дыр* (Г. Ибраһимов) 'Видать воля божья такова'; *Иң тирән эз калдырганы Ватан сугышы булды бит*

<sup>6</sup> Н. И. Кондаков. Логический словарь-справочник. М., 1975, стр. 398.



(А. Расих) 'Ведь Отечественная война оставила глубочайший след'; *Минем белгәнем — шул качагәр инде* (Г. Ибрагимов) 'Я уж знаю только этого кочегара';

с модальными словами, употребляемыми в составе сказуемого и в функции вводных слов: *Сугышның бетүе шушы икән* (М. Мәһдиев) 'Это, значит, конец войне'; *Атын камчылап, бөтен кузтәң чабып баргачы — офицер, күрәсең* (Ә. Маликов) 'Тот, который бил кнутом лошадь и скакал во всю мочь, — наверно, офицер';

с комбинацией модальных слов и частиц: *Таштугай дигәне, мөгаен, Ык буедыр* (Г. Бәширов) 'Таштугаем называют, видимо, долины реки Ик'; *Белмим, болай сөйләүгәре, бәлки, уйдурма гынадыр* (Ш. Маннур) 'Не знаю, эти разговоры, возможно, только обман'.

Следует особо подчеркнуть одно обстоятельство. Наряду с трансформированными конструкциями нами были приведены и соотносительные исходные варианты их, потому что именно на фоне последних лучше раскрывается трансформированный характер первых. Однако не следует полагать, будто каждое конкретное предложение, рассматриваемое как трансформированное, в своем образовании обязательно проходит два этапа: сначала имеет обычную конструкцию, представленную как исходная, а затем трансформируется. Речевая практика употребления трансформированных конструкций отнюдь не двухэтапна: как любые другие предложения, трансформированные тоже создаются в процессе речи по готовым, уже известным схемам, возникшим в результате преобразования традиционных схем. Таким образом, речь может идти о трансформированном характере общей схемы (модели) однотипных предложений, а не каждого отдельного конкретного предложения.

В то же время не для каждой трансформированной конструкции может быть найден строго соответствующий исходный вариант, ибо структурные схемы трансформированных конструкций, раз возникнув, стали видоизменяться, все более отдаляясь от исходного состояния. Некоторые конкретные предложения, относящиеся по своим основным признакам к типу трансформированных, включают в свой состав те или иные лексические единицы, которых не могло быть в исходных конструкциях. Такова, например, частица *иң* в составе подлежащих, выражающих тему-субъект следующих трансформированных конструкций: *Иң шаккатканы, элбәттә, мистер Шандор иде* (М. Хәсәнов) 'Особенно удивлялся, конечно, мистер Шандор'; *Иң кузгә ташланганы — китаплар* (Р. Төхфәтуллин) 'Особенно бросаются в глаза книги'; *Миңа иң ошаганы семинардагы фикер алышу тәртибе булды* (Г. Ахунов) 'Мне особенно понравился порядок обмена мнениями на семинаре'. Эти предложения свободно могут быть «возвращены» в исходное состояние только без частицы *иң*; ср.: *Элбәттә, мистер Шандор (иң) шаккаты; Китаплар (иң) кузгә ташлана; Миңа семинардагы фикер алышу тәртибе (иң) ошады*. Употребление частицы *иң*, вполне приемлемое при подлежащих, выраженных субстантивированными причастиями (ср.: *иң шаккатканы, иң кузгә ташланганы, иң ошаганы*), не допускается при сказуемых, выраженных глаголами изъявительного наклонения.

В заключение необходимо подчеркнуть: трансформированные конструкции являются одним из освоенных в тюркских языках способов выражения предикативного отношения. Их изучение не только способствует выявлению новых структурных типов предложения, но также проливает свет на природу других синтаксических явлений.

## ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Д. С. СЕТАРОВ

### ТЮРКСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУССКИХ НАЗВАНИЯХ ПТИЦ

Подавляющее большинство названий птиц в русском языке восходит к общеславянской лексике: в четырехтомном академическом словаре русского языка из 180 наименований птиц 138 являются исконными и лишь 42 заимствованными (23%). В этих названиях получил отражение преимущественно лесной ландшафт прародины славян.

В доисторические времена славянам, естественно, не были известны все существующие птицы, в том числе и некоторые представители степной, морской и горной фауны. В процессе исторического развития, в результате контактов с соседними народами лексика русского языка, относившаяся к названиям птиц, обогатилась рядом заимствований, в том числе и из тюркских языков<sup>1</sup>. Часть этих заимствований не получила повсеместного распространения и имеет лишь локальный характер.

*Ангиц* — обл. (вост.-сиб.) «водящаяся у восточных берегов Сибири утка морянка: её называют также *аулык, ауляк*» [Даль, I, 16]. «Ср. тур. *апуит* 'черная лысуха' (род большой утки), чаг. *апуит* — то же [Радлов, I, 236]. Затруднительно в звуковом отношении» [Фасмер, I, 55]. Ср. также др.-тюрк. *аңит* 'водоплавающая птица красной окраски, напоминающая угку', *аң* 'птица, жир которой используется как лечебное средство' [ДТС, 47], чаг. *аңка!* 'фламниго', алт. *аңаг* 'вид водоплавающей птицы', якут. *анду аппу* 'турпан', *аңуг* 'выпь', тув. *аңуг* 'турпан', кирг. *аңуг* 'огарь', узб. *аңгит* 'красная утка атайка', уйг. *hangit* 'казарка', туркм. *апк* 'огарь', кумык. *һаңкут* 'цапля', азерб. *аңут*, тур. *апуит* 'огарь' [Будагов, I, 102]; бурят. *аңгиг* 'турпан', эвенк. *аң-аң-аң* 'подражание крику гусей'.

Из приведенных примеров видно, что это название восходит к эпохе тюрко-монгольской языковой общности и является звукоподражательным. «Огарь — птица крикливая, на полете которой постоянно слышен её громкий гортанный крик *анк, аанг*» [ПСС, IV, 360].

Терминологическое название этой птицы «морянка» [БСЭ, XVII, 5] указывает на образ жизни и место обитания: в гнездовое время она встречается на море, иногда на озёрах. Птица имеет ещё несколько народных названий: «каменушка» (по месту гнездования) [Даль, II, 81 на слово: камень] и «дьячок» (по звонкому крику). Что касается назва-

<sup>1</sup> См.: Д. С. Сетаров. Тюркизмы в русских названиях птиц. — «Советская тюркология», 1970, № 2.

ний *аулык, ауляк*, приводимых В. И. Далем [Даль, I, 16, 29], то они могли быть образованы от тюрк. (азерб., крым., тур.) *au~aŋ~av* 'дичь', 'охота' [Радлов, I 636]+аффикс *-lyk~lik*, указывающий на назначение предмета, и буквально означать «птица, дичь, на которую охотятся». Известно, что с древнейших времен на протяжении многих веков для тюркоязычных народов охота (в том числе и охота на птиц) была одним из основных источников существования. Однако не исключено звукоподражательное происхождение названия: «морянка „говорливая” птица, голос её звучит как хриплое „а-ауэ”; шум, издаваемый стаями морянок, слышен далеко» [Флинт, 115].

Относительно ещё одного названия промысловой дичи *аклей*, причисляемого к тюркизмам, следует признать, что этимология его недостаточно ясна: «обл. (сиб.) вид утки, малая чернеть» [Даль, I, 8]. «По мнению Миклошича из сев.-тюрк. *uklaj* 'дикая утка'» [Фасмер, I, 66].

*Атайка* — «беломорская и камчатская пестрая утка, пегаш, турпан» [Даль, I, 27]. Название соотносится с др.-тюрк. *adaŋ, alaj* 'птенец' [ДТС, 8, 66] или *ata-* 'звать, кричать'. Возможно, оно связано с тат., ног., башк. *ata* 'самец' или общетюрк. *ata* 'отец', 'дядя'. [Ср. обл. русск. *ата, атай* (<тат.) 'дядя', 'дедушка' (Даль, I, 27)]. Птица могла получить такое название по той причине, что у пеганок птенцов водят оба родителя, собирая иногда по несколько выводков [Флинт, 84].

*Баба-птица* — «„пеликан” белый или серобурый на Каспийском и Черном морях. Толкуй баклан с бабой» [Даль, I, 32]. Название птицы к русскому (прост., обл.) «баба» (женщина, жена) отношения не имеет, а является полужалкой тюркского (алт.) *baŋa qıŋı* 'пеликан' (букв. птица-старик) [Будагов, II, 81] <тюрк. *baŋa* 'отец', 'дед', 'старик'+*qıŋı* 'птица'. Пеликан мог получить такое название по своему белому или серобурому цвету, напоминающему седобородого старца, и за медленную, вперевалку, походку. Ср. русск. обл. (новорос., оренб.) «баба», «бабай» (дед, дедушка, старик) (<тат.) [Даль, I, 34], а также *Бабадаг* и *Бабатаг* — названия вершины Большого Кавказа и горного хребта в Средней Азии, возникшие аналогичным с сочетанием *баба куши* 'пеликан' способом и имеющие в основе тот же мотив: вершины гор, покрытые снегом, ассоциируются с седой головой старика (тюрк. *baŋa* 'отец', 'дед', 'старик' и *daŋ, taŋ* 'гора').

*Баран, барашек, баранчик* — «птица отряда куликов, бекас» [СРНГ, II; Даль, I, 47]. Л. А. Булаховский писал, что «к названию относительно частому относятся случаи наименования птиц по млекопитающим» [Булаховский, 165]. Птица бекас получила такое название за то, что она издаёт особые, напоминающие бляение овец крики [БСЭ, III, 96]. «Заблеял дикий барашек, кружась в голубой вышине весеннего воздуха, падая из-под небес крутьми дугами кинзу и быстро поднимаясь вверх...» [Аксаков]. В сноске писатель поясняет: «Так народ называет бекаса, потому что он, быстро и прямо опускаясь вниз, подгибает одно крыло, а другим машет так часто, что от сильного удара в воздухе происходит звук, подобный бляению барашка». (Ср. укр. *баран* 'бекас', эст. *baevakats* 'бекас', букв. 'небесная коза')<sup>2</sup>. Как орнитоним в тюркских языках данная лексема не употребляется.

*Большурук, бульдурук* — «рыжая куропатка, степная, киргизская» [Даль, I, 141]. «На Баян-бульке держалось довольно много мелких птичек и ежедневно по утрам прилетали сюда на водопой большие стада большуруков»<sup>3</sup>.

<sup>2</sup> См.: Д. С. Сетаров. Тюркизмы в русских названиях домашних животных. — «Советская тюркология», 1978, № 1.

<sup>3</sup> Н. М. Пржевальский. От Кяхты на истоки Жёлтой реки. М., 1948, стр. 46.

Название птицы является звукоподражательным и заимствовано из тюркских языков: чаг., каз., кирг. *bulduq* 'степной рябок' [Радлов IV, 1854], узб. *bul'durik* 'чернобрюхий рябок'. Ср. кирг. *baldyr*, *byldyr*, *buldur* «звучание неясного, неотчетливого разговора», *bul'durukta* 'говорить невнятно, бормотать', *baldyrak* 'человек, говорящий невнятно'; др.-тюрк. *buldur-buldur* 'глухой звук, издаваемый падающим предметом' [ДТС, 122].

*Бугай* — обл. (южн.) «болотная птица из семейства цапель; выпь» [ССРЛЯ, I, 664; Даль, I, 135]. «Кричит где-то в камышах какая-то таинственная птица, которую трудно увидеть и которую здесь зовут бугаем»<sup>4</sup>. Птицу трудно увидеть по той причине, что она обычно скрывается в зарослях по берегам водоемов, а в случае опасности затаивается и, вытянувшись вертикально среди растений, становится похожей на старый заостренный кол или на отмерший пучок камыша. Это делается столь умело, что она исчезает прямо на глазах охотника, «будто под сказочной шапкой-невидимкой» [Язвицкий, 70—71]. За эту способность затаиваться, вытянувшись вертикально, малая выпь получила и другое название — *волчок*.

Появление семемы «выпь» у восточнославянского слова тюркской этимологии *бугай* 'племенной бык' объясняется тем, что выпь издает звуки в чем-то напоминающие рев быка, бугая. Сходство заключается в резких и глубоких басовых звуках, вроде рева, которые звучат как грубое «о» или «бу-бу» (ПСС, I, 475). Сравните типологически схожие названия выпи в других языках: русск. «водяной бык», нем. *wasserochse*, башк. *һуи буһаһу* (букв. 'водяной бык'), узб. *kulbuqa*, тат. *külbuqa*, кирг. *köl büga* (букв. 'озерный бык'), венг. *padibika*, эст. *vee, soo, -merehärg* (букв. 'водяной, болотный, морской бык'), фр. *butor* <лат. *butio, -ire* 'реветь' + *taurus* 'бык'. Многие названия выпи в различных языках образованы от звукоподражательных глаголов. В. И. Даль приводит народные названия выпи *бухало*, *бухалень*, *бучень* [Даль, I, 146 на слово: *бухатъ*] <*бухатъ* 'кричать глухо, отрывисто', *бучать* 'издавать глухой звук'. Ср. серб.-хорв. *букавец* 'выпь' <*бука* 'гул, сильный шум, рёв', *букати* 'реветь, мычать'; лит. *bukas*, эст. *hüür* 'выпь'.

По мнению специалистов, слово *бугай* 'бык' в русский язык вошло еще в домонгольский период (Мелиоранский, 1905). Н. М. Шанский относит слово к древнерусским заимствованиям из татарского языка [Шанский, 209]. А. М. Щербак, напротив, считает тат. *bugaj* заимствованием из русского языка, где *бугай* <тюрк. *buga* 'бык' + *й* [Щербак, 82—172]. Но на русской почве такое преобразование вряд ли могло произойти. А. Н. Кононов полагает, что татарское и ногайское *bugaj* есть уменьшительная форма на *j* от *buga* 'бык' (Кононов, 1963, 133—141). Мы разделяем это мнение, так как наращение *aj* вместо «а», образующее звательную или ласкательную формы, весьма распространено в татарской народной речи: *baba~babaj* 'дед', 'отец', *apa~apaj* 'мать', *aga~agaj* 'дядя'.

В тюркских языках название быка *buga* звукоподражательного происхождения. Форма *бугай*, кроме русского, имеется в белорусском, украинском и в польском языках (польск. *буһај* 'племенной бык' из украинского). Из русского языка слово проникло в диалекты языка коми: *бугуй* 'сова, филин'.

*Бельгун* — обл. (сиб.) «вид совы» [Даль, I, 141; СРНГ, III]; *Бельгун* — «болотная сова, жёлтый сыч». Темное слово» [Фасмер, I,

<sup>4</sup> Из письма А. П. Чехова И. Л. Леонтьеву (Щеглову) от 10 мая 1888 г. — «Собрание сочинений», т. III. М., 1966, стр. 225.



149]. Е. Н. Шипова название птицы соотносит с каз. *mälg'ün* (<араб.) «злой дух, чёрт» [Радлов, IV, 210]» [Шипова, 77].

В тюркских языках сова могла получить такое название за издаваемые ею в ночной темноте пугающие звуки. К тому же птица, скрываясь в развалинах и ведя ночной образ жизни, очень редко попадалась людям на глаза. Негативное отношение человека к сове, как к символу несчастий (ср. эст. *onnetuselind* 'сова', букв. 'птица несчастья'), послужило причиной появления в ряде тюркских языков у названия совы переносного значения: азерб., калп., кирг., башк., каз. и др. *bajguš*, *bajquš*, *bajquš* 'сова', 'сыч', реже 'филин'; перен. 'бедняга, несчастный'. Ср. *байгуш* — обл. (оренб., урал., самар., дон., тер.) 'бедняк, нищий, бродяга'; (оренб.) 'ленивый, неуклюжий человек' [Даль, I, 38; СРНГ, II, 53] (см. *див*).

*Бурнастый* — обл. (сиб.) «о голубях, курах и других птицах: хохлатый и мохноногий» [Даль, I, 143; СРНГ, III, 295]. Е. Н. Шипова полагает, что «значение этого слова каким-то образом связано со словом *бурнастый* и *бурлатый* 'рыже-бурая масть', восходящим к тюркским языкам: тур., чаг. *boğuldaı* 'птица пепельного цвета' [Радлов, IV, 1664]. Ср. также казан. *börik*, *bürük* 'шапка, хохол (у птиц)', *börikli* 'имеющий шапку, хохластый' [Радлов, IV, 1887]» [Шипова, 98].

*Бусел*, *бусол*, *бусель* — обл. (зап.) «аист, черногуз» [Даль, I, 145]; «„бусел, бусел долгоногий, не ходи моей дорогой" (Лит. ССР — об аисте)» [СРНГ, III]. «Названия аиста в славянских языках сплошь попадают в число слов, в том или ином отношении загадочных. Над всеми ними тяготеет подозрение заимствования из других языков» [Булаковский, 165].

«Укр. *бусель*, *бусько*, бел. *бусел*, польск. *busiel*, *busko*, *bus*, *busek* 'молодой аист' связано с *бусый* 'темно-серый, пепельный'» [Фасмер, I, 251]. Все эти названия аиста, как и *бузан* 'белый аист' [Фасмер, I, 232], даны по цвету оперения и этимологически восходят к тюркскому *boz*, *buz* 'серый': казан. *buz* 'серый, беловатый', тур. и др. *boz* 'серый, пепельного цвета', каз. *hoz* 'бледный' [Радлов, IV, 1861, 1866]. В словаре В. В. Радлова приводятся названия аиста в диалектах карачмакского языка *busul*, *busäl*, *bisol* [Радлов, IV, 1865], но это, по-видимому, обратное заимствование из польского языка.

*Девякуш* 'страус'; только др.-русск. Из тюрк., ср. тур., крым.-тат., азерб. *dävä* 'верблюд' и *kuš* 'птица' [Фасмер, I, 492]; *девякуша* 'страус': «Да слоны рождаются, да продают в локоть, да девякуши продают в весь»<sup>5</sup> [СлРЯ, IV, 199]. Ср. также др.-тюрк. *teväquš* [ДТС, 557], тур., крым.-тат., азерб. *dävä* 'верблюд', *dävä kušu* 'страус' [Радлов, III, 1692, 1693]. Аналогичное название страуса было в греческом языке *struphokamelos* 'птица-верблюд'. Такое название страуса, несомненно, объясняется тем, что он является самой крупной из всех птиц, живет в пустыне и, как и верблюд, может длительное время обходиться без воды.

*Джек* — «вид драхвы в южной киргизской степи» [Даль, I, 434]. «Из каз. *зек* — то же» [Фасмер, I, 510]; каз. *зек* 'птица драхва' [Радлов, IV, 67]. Следует отметить, что в казахском языке *зек* чаще употребляется в атрибутивном значении: *зек duadaq* (*duadaq* 'дрофа'). По-видимому, название имеет звукоподражательное происхождение: крик птицы напоминает «частое, сухое, отрывистое „трэ́кк-трэ́кк"» [Флинт, 204].

*Див* — «зловещая птица; вероятно, пугач, филин» [Даль, I, 435 на слово: *диво*]. «Возможно, через какой-то из тюрк. яз. из ср.-перс., ноз.-

<sup>5</sup> «Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 г.г.», М.—Л., 1958, стр. 21.

перс. *dēv* 'демон, дьявол', авест. *daēva* 'злой дух' [Фасмер, I, 512]. Ср. тур. *udev* 'злой дух', *dev* 'великан; демон, сатана'. В значении мифологического существа др.-русск. *дивъ* встречается в «Слове о полку Игореве»: «Дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаеме» [СлРЯ, IV, 243].

Появление семемы «филин» у слова *див* можно объяснить существовавшим в народе поверьем, что «филин да ворон зловещие птицы, и крик их к несчастью»; «пугач (филин) не к добру кричит» [Даль, IV, 535 на слово: *пугать*]. Ср. описание крика этой птицы П. И. Мельниковым, приведенное М. Фасмером: «пискливый крик, будто человек в отчаянном борении со смертью зовет к себе на помощь» [Фасмер, III, 400].

*Карга* 'ворона' («как ни вертись ворона, а спереди карга и сзади карга»), обл. (астрах.) *золотая карга* 'золотой щур' [Даль, II, 91]; *карга* обл. 'ворона' <тюрк. *qaγa* 'ворона' от *qaγa* 'черный'; разг. пренебр. 'злая старуха, ведьма' [ССРЛЯ, V, 813]. «Заняв. из тур., крым.-тат., каз., кирг., алт., тат., кыпч., уйг., чаг. *kaγa* 'ворона' [Радлов, II, 191]» [Фасмер, II 196]. «Слово есть у Махмуда Кашгарского, в *Codex Sumanicus* и во многих новых тюркских языках, в частности — турецком и татарском. Употребляется в значении „ворона“, это же значение отмечается и в некоторых диалектах русского языка» [Дмитриев, 9, 25].

Тюркское название вороны *qaγa* исследователи долго выводили из тюрк. *qaγa* 'черный' [Вамбери, 84; КрЭС, 188—189]. Однако наличие в тюркских языках таких наименований как тур., тел. *qaγa qaγa* 'ворон' (букв. 'черная ворона'), *ala qaγa* 'сорока' (букв. 'пестрая ворона'), тар. *qaγa* 'ворон' [Радлов, II, 71, 191], азерб. *gagagaγa* 'ворона' (букв. 'черная ворона'), уйг. *qaγa* 'ворона обыкновенная', 'грач', 'галка', *alaqaγa* и *toγqaγa* 'ворона', *qaγaqaγa* 'ворон', *kōkqaγa* 'сизоворонка' позволяет усомниться в правильности предположения, что название птицы связано с ее цветом. Очевидно, это название является звукоподражательным: карканье в тюркских языках передается звуками *qa*, *γa* (ср. уйг. *γaγa* 'звукоподражание крику вороны') или *qaγ-qaγ*. Ср. татарскую поговорку: *qaγa qaγ-qaγ digōnda, tartar da tar-tar di* 'когда ворона говорит «кар-кар», тогда и коростель говорит «тар-тар»'; русское «кар-кар» также воспроизводит крик вороны, отсюда *каркать* (о вороне) 'издавать звуки, похожие на «кар-кар»'. В пользу звукоподражательного происхождения названия птицы говорит, на наш взгляд, и тот факт, что во многих языках других систем название ворсны также ономастического характера: лат. *cornix* 'ворона', *carvas* 'ворон', англ. *crow* 'ворона', дат. *kraai*, швед. *kråka*, др.-инд. *kākas* 'ворона' (от крика *kā*, *kā*) [Фасмер, IV, 311]; эст. *koagep* 'ворона', коми *кырныш*, удм. *кырныж*, фин. *kaagne* 'ворон'. Ср. также укр. (диал.) *кракун*, болг. *кроконъ* 'ворона', польск. *krak* 'ворон'. С другой стороны, в некоторых языках аналогичное название имеет другая птица, чаще всего не черного цвета: морд. (мокш.) *qaγa*, саам. *guogga* 'журавль'. И эта птица получила свое название по громкому трубному крику.

Х. Вамбери предпологал этимологическую связь между тюркскими словами *qaγa* 'ворона' и *qaγu*, *qaγa* 'проклятие'. В их основе он выделял *qaγa* 'черный' ('чернить' > 'проклинать'). По нашему мнению, значение «проклинать» у слова *qaγa* 'ворона' могло появиться как результат суеверного представления о вороне, карканье которой может накликать беду: «филин да ворон зловещие птицы, и крик их к несчастью» [Даль, IV, 534 на слово: *пугать*]. Ср. переносное употребление слова *каркать* в русском языке: «говорить, предвещая что-нибудь неприятное». Контаминация слов *qaγa* 'ворона' и *qaγa* 'проклятие' с тюрк. *qa-*



гу, қағууап, қағуап 'старый (по возрасту)' могла явиться причиной появления у слова *карга* значения «злая старуха, ведьма». Эта гипотеза объясняет также и возникновение выражения «старая карга», первоначально, по-видимому, в двуязычной среде: «старый, старая» ~ қағу, қағуап > «старая карга».

*Карчая* — «название, данное малорослым заморским орлам» [Даль, II, 95]. «Вероятно, из крым.-тат., тат., *kağşuğa* 'ястреб', тел. *kağşığa*, чар., сар. *kağşuğai*, *kağşığai* — то же [Радлов, II, 204 и сл.]» [Фасмер, II, 205]. Ср. также кирг. *kağşuğa*, ног. *kağşuğa* 'ястреб', якут. *kağşuğa* 'сарыч', туркм. *kağşuğaj* 'тетеревиатник', узб. *kağşuğaj* 'ястреб', хакасск. *kağşuğa* 'ястреб', тув. *kağşuğa* 'сокол, ястреб', монг. *kağsağa* 'ястреб'. Из приведенных примеров видно, что название птицы является древним тюркским словом, восходящим к эпохе тюрко-монгольской общности. Общеизвестной убедительной этимологии название не имеет. Возможно, оно образовано от звукоподражательного *qağ* и морфологических наращений *şu* и *ğa* (ср. *qağğa*, *şotğa*). Однако мы не исключаем и этимологической связи с глаголом *kağşıldas* (кирг.) 'схватиться, вступить в драку, в бой' [Юдахин, 354]. И в этом случае *ğa* следует рассматривать как словообразовательный аффикс. И, наконец, допустимо предположение, что название имеет отношение к тюрк. *kağşu* 'против', 'напротив', *kağşuğa* 'навстречу'. Известно, что ястребы (*kağşuğa*) используются в качестве ловчей птицы, и охотники выбрасывают их из всех сил прямо на жертву с расстояния 100—150 м [Айманов, 61, 63, 66].

*Качарка* 'вид малой морской чайки'; *качура*, *качурка* — «морская птица из семейства чаек, буревестник (малая бурая птица, тело с жаворонка)» [Даль, II, 99—100]. «Качарка 'морская ласточка'. Фонетически невозможно родство с *касатка*, вопреки Горяеву [ЭС, 137]. Неясно» [Фасмер, II, 213]. «Русское название „качурка“, образованное от одного корня с глаголом „качуриться, окочуриться“ (умереть) восходит к широко распространенному у европейских народов поверью, по которому качурки — перевоплощенные души погибших в море матросов» [ПСС, II, 327]. Однако вряд ли души погибших могли получить подобное грубо-просторечное название. Перед нами, скорее всего, пример народно-этимологического осмысления слова.

«Возможно, от сл. *качка* (см.). Ср. также Радлов *kuığaşun* (сар.) 'чайка' [Радлов, II, 692]; *kuığuşun* (шор.) = *kuığaşun* 'чайка' [Радлов, II, 694]. Ср. *качка*, *кашкалдак*» [Шипова, 175]. По нашему мнению, название птицы образовано от тюркского глагола *qaç* [ДТС, 400] 'убегать, бежать' при помощи аффикса *-ğ* (*p*), образующего причастия от основ глагола: *qaşağ*, *qaşığ* 'убегающая'. Это название птицы могла получить за способность хорошо бегать или за легкий, быстрый полет.

*Качка* — обл. (южн., зап., волог.) 'утка'; *качур* (новорос.) 'селезень' [Даль, II, 99—100]. «Качка — 'утка' (Гоголь), укр. *качка*, чеш. *kačka*, польск. *kaczka*, в.-луж. *kačka*, н.-луж. *kasca*. В укр. заимств. из польск. Зап.-слав. слово образовано от уменьш. собств. польск. *katagzupa*» [Фасмер, II, 214]. Однако выведение названия птицы из польского собственного имени, на наш взгляд, неубедительно. В. И. Даль название птицы приводит в одном словообразовательном гнезде со словом «качать» как однокоренное. Аналогичное объяснение названия птицы находим у С. Т. Аксакова: «По-малороссийски *утка* называется *качка*. Имя тоже очень выразительное: идет ли *утка* по земле — беспрестанно покачивается то на ту, то другую сторону; плавает ли по воде во время ветра — она качается, как лодочка по волнам». По нашему мнению, этот пример также может служить иллюстрацией народной этимологии в осмыслении слова.

Е. Н. Шипова название утки связывает с тюрк. *kaška* 'лысый, с белой отметиной на лбу'. (Ср. кирг. *kaška* = *kaska*; каз., саг., койб. *kaska* = *kaška* 'белое пятно на лбу лошади'; каз. 'лысый' [Радлов, II, 341, 352]. «Утка названа так по белому пятну над клювом и поэтому в русском её называют лысухой. Ср. *кашкалдак*» [Шипова, 175].

*Колпица* — «птица семейства ибисовых» [БСЭ, XII, 459]; *коль*, *колпица*, *колпик* «чубатая птица из разряда цапель, чачура; белая, нос ложкою, перья идут на казачьи султаны» [Даль, II, 143]. М. Фасмер считает, что «несмотря на своеобразные звуковые особенности, связано — как звукоподражание — с лит. *gulbis*, *gulbė*, *gulbe* 'лебедь', *gulbas* 'лебедь-самец'» и приводит: «*колпица* 'молодая самка лебедя', укр. *колпець* 'род пеликана', в.-луж. *kołp* 'лебедь', кашуб. *kełp*, словен. *kõp* — то же» [Фасмер, II, 297]. Е. Н. Шипова пишет: «Судя по описанию, *колпица* ничего общего с лебедем не имеет [ср. также БСЭ, XXII, 58—59]. Скорее всего это заимствование из тюркских языков: ср. кирг. *kõip̄i*, *kõip̄ük* 'важно, плавно двигаться', также *kolpokdo* 'двигаться тяжело, неуклюже' [Юдахин, 420, 398]» [Шипова, 192]. По нашему мнению, название птицы может иметь генетическую связь с тюркизмами *колпа*, обл. (пск.) 'зад головы, затылок' или *колпак* (<тат. 'шапка') [Даль, II, 142]. Птица могла получить свое название по желтоватому чубу, хохолку на затылке.

*Коршун* — «крупная хищная птица семейства ястребиных» [БСЭ, XIII, 225]. Название является восточнославянским и общепринятой этимологии не имеет. Наиболее распространена версия о том, что название «образовано с помощью суф. *-ун* от основы *кори-*, родственной авест. *karš* 'тащить'. Буквальное значение — 'таскающий, вор' [КрЭС, 214]. По поводу этой этимологии М. Фасмер выразил свои сомнения [Фасмер, II, 342].

Заслуживает внимания этимология Г. Касумбейли, который выводит русское название птицы из тюрк. *šupqoq* 'кречет', заимствованного русским языком с обратным порядком следования слогов [Касумбейли, 24]. В тюркском названии птицы этот автор выделяет элемент «шун», который, по его мнению, когда-то означал птицу вообще и словообразовательный аффикс «-кор». Элемент «шун» или его варианты «чин», «син», «шын», «цин» можно обнаружить во многих названиях птиц: азерб. *kõkârçin* 'голубь', сугурчун 'скворец', *hildigçin* 'перепел', *laçin* 'сок-кол'; монг. *harašun* 'бекас'; арм. *çin* 'коршун'. Д. Х. Базарова тюркское название птицы в структурном отношении делит на звукоподражательную основу *šupk* и аффикс *-oq* [Базарова]. Тюркская этимология русского названия птицы *коршун* заслуживает внимания, однако, на наш взгляд, она нуждается в дополнительных исследованиях.

*Саджа* — «копытка, птица подотряда рябков. Распространена в СССР в Казахстане, на Иссык-Куле, в юго-восточном Алтае и в Тувинской котловине» [БСЭ, XXII, 489]; «степная или киргизская трехпалая куропатка» [Даль, IV, 127]. В словаре М. Фасмера данное слово отсутствует. Е. Н. Шипова название соотносит с монг. *saralžin*, *ojn saralžin* 'вальдшнеп', *butyn saralžin* 'кулик болотный', *hadyn saralžyn* 'бекас горный' [Шипова, 270]. Однако это в фонетическом и, главное, в семантическом отношении малоубедительно.

*Соксун* — «утка, широконоска, плосконоска» [Даль, IV, 263]. «Вероятно, иноязычное. Ср. каз. *soksug* 'вид утки' [Радлов, IV, 526]» [Фасмер, III, 709]. «Данное наименование из тюркских языков заимствовано русским (Сибирь) в качестве специального охотничьего термина и имеет форму соксун» [ПСС, IV, 461]. Ср. также каз., кирг., чаг. *suksug*

‘порода уток’, чяг. sokur ‘дикая утка’, каз. soksur, soksur ördäk ‘род уток’ [Радлов, IV, 521, 526, 755]; кирг. suksur ‘пеганка (утка)’, узб. suq-suq, suqsun ‘широконоска (утка)’.

*Тарбазин* — «забайкальский орел» [Даль, IV, 391]. «Из монг., ср. калм. tarbadzi ‘небольшой черный орел’, монг. tarbaži» [Фасмер, IV, 23]. Ср. алт., тел. tarbaljun ‘какой-то вид орла’ [Радлов, III, 972].

*Толмач* — «птица; пигалица» [Даль, IV, 412 на слово: *толмачить*]; «толмач — переводчик с языка на язык: устный, словесный переводчик» (там же). «Слово *тѣлмачъ* является древним заимств. из тюрк., ср. кыпч. *tylmaç*, каз. *tilmäç*, тел., алт. *tilmaç*, тур. *dilmaç*, уйг. *tilmaži*» [Фасмер, IV, 72]. И. И. Огиенко определяет *толмач* как заимствование от татар [Огиенко, 34]. «У Ибн-Муханны *tilmas*, в Codex Sumapicus *тылмац*, алт. *тилмеш*, тат. *телмач*, азерб. *дилмандж*, тур. *dilmaç*, туркм. *дилмач*, якут. *тылбас* (ср. также венг. *tolmács*, рум. *talmăciu*, нем. *Dolmetsch*). Слово восходит к корню *тил/тел/дил* ‘язык’ и означает ‘переводчик, истолкователь’» [Дмитриев, 32].

Перенос наименования *толмач* ‘переводчик’ на птицу *пигалицу* (иначе *чибиса*) можно объяснить тем, что птица издает крики, напоминающие «чиби», «чиви», которые русскими воспринимались как «чи вы, чи вы?» [Аксаков].

*Чяграва, чеграва* — обл. (касп.) «маленькая чайка; большой черноголовый, алоклювый крячек» [Даль, IV, 580]. «Зaimств. из тюрк., ср. чяг. *çegär* ‘буланный (о лошади)’, каз. *şagär* ‘сероглазый’, алт. *şokur* ‘пестрый’, чув. *tşagär* ‘желтоватый, бурый’» [Фасмер, IV, 310]. Ср. также тур. *çakir* ‘голубой’, *çakirdogan* ‘сероватый ястреб, перепелятник’, *çakirkapat* ‘вид утки’, тат. *çagur* ‘пестрый’, ккалп. *şegir* ‘серый (о глазах)’ [Шипова, 370]. Птица получила свое название по цвету оперения.

*Чайка* — «водоплавающая птица с мягким густым оперением» [ССРЛЯ, XVII, 748—749]; «лапчатая водяная птица»; обл. (южн.) «птица луговка, пигалица, настовница, чибез» [Даль, IV, 581]. В форме *чайцами* слово употреблено в «Слове о полку Игореве»: «Стрежаше е (князя) гоголем на воде, чайцами на струяхъ» («Ты стерег его гоголем на воде, чайками на струях»).

Убедительной этимологии слово «чайка» не имеет. Исследователи сводят название птицы к различным мотивирующим признакам и номинативным способам (ономатопозитический, функциональный, метонимический). «Праслав. \**čajька* произведено от подражания крику \**kē*» [Фасмер, IV, 311]. «По происхождению — звукоподражательное: *чай* передает крик птицы (ср. латыш. *kaija*, эст. *kajak* — ‘чайка’)» [КрЭС, 487]. В орнитологической литературе крик чайки имеет следующее описание: «хохочущее „ха-га-га” (в полете), звонкое „йах-йах-йах” или горловое „кьяуу” (в воздухе при тревоге)» [Флинт, 298]. Ср. узб. диал. *çaglak* ‘чайка’ от звукоподражательной основы «чар», каз. *şayala* ‘чайка’ < *şayıla, çayıla, žayıla* ‘шуметь, кричать’, др.-тюрк. *çay* ‘шум, сума-тоха’.

И. И. Огиенко предполагал заимствование из турецкого [Огиенко, 35]. Е. Н. Шипова также придерживается тюркской этимологии и допускает, что в основе названия лежит глагол *чайка-*, *шййка-*. Ср. тат. *çaikaļu* ‘плескаться, качаться, покачиваться (о воде и о предметах на воде)’, *çaika* ‘качать, махать (крыльями, рукой)’, алт., леб., тар., чяг., казан. *çaika* в тех же значениях [Радлов, III, 1825] [Шипова, 372]. Русское название «чайка» фонетически можно сопоставить также с тат. *çäykä* ‘галка’. По мнению А. Н. Кононсова, «наиболее вероятно, что слово *чайка* восходит к тюркскому слову *чай/сай/шай* ‘река, речка’. Боль-

шинство тюркологов в суффиксе *-ка* видят суффикс уменьшительности-ласкательности» [Кононов, 1972, 153—154].

*Чеглок, чоглок, чеглик* — «малый сокол; самец соколий, который, как у всех ловчих птиц, поменьше самки» [Даль, IV, 586]. «Чеглок, обл. (архан.) „маленький сокол“. Возможно, связано с др.-русск. чегль 'исконный, подлинный' и далее — с щегол, цегль» [Фасмер, IV, 323]. Н. А. Баскаков название птицы связывает с тюрк.  $\text{çoq} \sim \text{ço\u028a}$  'с хохолком и колпачком на голове' + аффикс наличия или изобилия  $-\text{ly}/-\text{lu} \sim -\text{lyq}/-\text{luq}$ :  $\text{çoql\u028a} \sim \text{ço\u028alu} \sim \text{çoqluq} \sim \text{ço\u028aluq}$  > чеглок. Ср. кирг.  $\text{çoq}$  'холка у жеребца', 'кисточка', 'небольшой чуб на голове мальчика'. Равно вероятным, по мнению ученого, может быть образование от другой производной основы:  $\text{ço\u028a} \sim \text{çoq}$  >  $\text{ço\u028aol} \sim \text{ço\u028aool}$  'вспыльчивый, сердитый, забияка, задира, драчун' + уменьшительный аффикс  $-\text{oq}/\text{ço\u028aol} + -\text{oq}$  > чо-голок > чеглок [Баскаков, 56].

*Чекан* — «птица семейства дроздов» [ССРЛЯ, XVII]; *чеканчик*, обл. (волог.) 'воробей, а иногда и другая иташка с резким голосом' [Даль, IV, 587 на слово: *чека*]. Птица получила свое название, по нашему мнению, за резкие, четкие, выразительные крики, напоминающие чеканку: «тун-чек-чек». Русское *чекан* 'инструмент, которым чеканят', согласно М. Фасмеру, является тюркским заимствованием: «чекан, чеканить — древнее заимствование из тюрк., ср. чаг.  $\text{çakan}$  'боевой топор', каз.  $\text{çakan}$  [Кунош, Радлов, IV, 1833], которое связано с тур. и др.  $\text{çaktak}$  'бить, чеканить'» [Фасмер, IV, 324].

Однако не исключено, что название птицы случайно совпало по звучанию с тюркизмом *чекан* и образовано от звукоподражательного *чек-чек* + аффикс *-ан* по аналогии с другими названиями птиц (орлан, пеликан, фазан и т. п.).

*Чивиль* — «воробышек, воробей, по крику его» [Даль, IV, 603]. «Вероятно, звукоподражательное, ср. тур.  $\text{çivil}$  'бормотать, щебетать',  $\text{çivildä}$  — то же [Радлов, III, 2157]» [Фасмер, IV, 358]. Голос воробья орнитологи определяют как громкое «джив-джив» [Флинт, 589].

*Чирок* — «некрупная водоплавающая птица семейства утиных» [ССРЛЯ, XVII, 1047—1048]; «меньшая из наших уток» [Даль, IV, 606 на слово: *чирикать*]. М. Фасмер также связывает название как звукоподражательное с «чирикать» [Фасмер, IV, 366]. «Вероятно, это имя дано ему по его крику. Чирок чирикает, то есть голос его похож на звуки чирк, чирк» [Аксаков]. «Возможно, что *чирок* заимствовано из тюркских (ср. в шор., тел., тат.)» [Шипова, 395]. Так как родственные названия имеются во многих неродственных языках, на наш взгляд, допустимо предположить независимое звукоподражательное образование в этих языках. Ср. укр. *чирка*, чеш.  $\text{čirka}$ , польск.  $\text{czyrka}$ , н.луж.  $\text{sugka}$  'чирок'; коми  $\text{čirak}$  'чирок (разновидность утки)', эст.  $\text{tũgak}$ , фин.  $\text{liiga}$ ; кирг.  $\text{çirgõq}$ , узб.  $\text{çirgac}$  'чирок', туркм.  $\text{çärig}$  'водяная курица', тат.  $\text{çirgäkäi urdek}$  'чирок (вид дикой утки)', ккалп.  $\text{šurekei}$  'чирок (утка)' [Радлов, III, 2194; IV, 1109].

*Чумичка* — обл. «длиннохвостая синичка» [Моисеева, 96]. Название дано за длинный хвост и округлую форму тельца, которые напоминают круглую ложку с очень длинной ручкой — ополовник или чумичку. Чум, чумич, чумичка — «уполовник, долгостеблый ковш или большая ложка» [Даль, IV, 614 на слово: *чуман*]. М. Фасмер название производит из тат.  $\text{çituç}$  'посуда для питья', чаг.  $\text{çitça}$  'черпак',  $\text{çituiš}$ ,  $\text{çitšuk}$  'большая ложка', кыпч.  $\text{çititš}$  'шумовка' [Фасмер, IV, 381]. Длиннохвостая синичка имеет и другое, исконно русское название «ополовничек».



В заключение хотелось бы внести некоторые уточнения в этимологию орнитонимов, рассмотренных нами в первой статье<sup>6</sup>. Название птицы семейства фазановых турач мы связывали этимологически с тюркской глагольной основой *tur-* 'стоять' и предполагали, что птица могла получить это название за обычную для нее стойку на одной ноге. Ныне эту этимологию следует считать устаревшей, более убедительной представляется звукоподражательное происхождение названия: птица издает громкие, ликующие крики «туу-рр-а! туу-рр-а!». Конечный согласный в названии птицы является аффиксом с уменьшительно-уподобительным значением.

С большими трудностями связана этимологизация названия беркут. Словари ограничиваются лишь сведением названия к тюркскому источнику без его этимологизации: Д. Х. Базарова, обнаружив сходство формальной структуры тюрк. *burgūt* с звукоподражательным названием одной из уток *añit, angut*, пишет: «Имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет с достаточной аргументированностью утверждать, что в основе названия лежит звукоподражательность. Однако по отдельным данным можно высказать такое предположение в качестве рабочей гипотезы» [Базарова, 48]. Мы склоняемся к другой этимологии этого орнитонима: тюрк. *bürküit* является производным от глагола *bür-* 'хватать добычу когтями' (кирг., каз). + -qa, -qu (показатель учащающе-интенсивной формы) + аффикс (a)t в значении носителя действия [ЭСТЯ, 300]. Известно, что у беркута очень большие, сильные когти, а в Казахстане и Средней Азии он используется в качестве ловчей птицы.

В первой статье мы рассматривали названия крупной птицы с длинной шеей и сильными ногами дрофа и дудак. Тюркское происхождение названия *дудак* не вызывает сомнения, но при его этимологизации возникают разногласия. Л. А. Кубанова название птицы возводит к широко распространенному в тюркских языках корню *tu-, tü-, to-, tok-* 'родить, родиться' и малопродуктивному аффиксу *-dak*, образующему имена существительные со значением предмета действия. Однако в таком случае остается не совсем ясным мотив номинации птицы и, как справедливо замечает Д. Х. Базарова, «в других языках не удалось обнаружить типологически схожей модели в названиях птиц, которая была бы связана с семантикой „родить“».

Мы разделяем мнение о звукоподражательном происхождении названия дрофы в тюркских языках, в котором можно выделить звукоподражательный корень *tu/du*. «Крик молодых дроф напоминает долгий, протяжный стон с трелями, как бы издаваемый дудкой» [ПСС, II, 165]. Ср. чаг., крым., тур. *düdük* 'свирель, флейта, свисток', узб. *dudula* 'дудеть, гудеть', кирг. *tütük* 'камыш, тростник, труба', азерб. *tütäk, tütä* 'пастуший рожок', чаг. *tütä, tütäk* 'пастуший рожок', каз. *tutik* 'трубка' [Радлов, III, 1571, 1572, 1574, 1811]. Много споров было по поводу происхождения названия дрофа. Одни ученые отстаивают исконно славянский характер этого названия, другие считают его тюркским заимствованием. Сопоставление мотивации названия в славянских и тюркских языках с этимологией (образом жизни, поведением) птицы делает предпочтительной славянскую этимологию. Название птицы в славянских языках, по мнению многих ученых, восходит к *дрѣпы, дрѣпызе* (родительный падеж), которое со временем изменилось в *дрѣхва*, а затем в *дрофа*. Название птицы буквально могло означать 'бегунья, бегающая птица' (ср. русское просторечное *дропать* 'убегать'). Этот же мотив в названии дрофы мы находим и в некоторых других языках: лит. *ėinis* 'стрепет', 'дрофа' (<*eiti, eipa* 'идти, ходить'), узб. *juḡatuvaloq* 'дрофа-

<sup>6</sup> См.: Д. С. Сетаров. Указ. раб.

красотка' (juɣa 'иноходь'+tuvaloq 'дрофа'). Дрофа могла получить свое название по способности быстро бегать: «спугнутая дрофа-красотка бежит быстро, делая по степи большой полукруг, и лишь затем поднимается и улетает» [ПСС, II, 156].

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ

- Айманов** — Ш. Айманов, С. Бегалин. Памятка охотника (на казахском языке). Алма-Ата, 1967.
- Аксаков** — С. Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. — «Собрание сочинений», т. 5. М., 1966.
- Базарова** — Д. Х. Базарова. История формирования и развития зоологической терминологии узбекского языка. Ташкент, 1978.
- Баскаков** — Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
- БСЭ** — «Большая Советская Энциклопедия».
- Будагов** — Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869; т. II. СПб., 1876.
- Булаховский** — Л. А. Булаховский. Славянские наименования птиц. — «Вопросы славянского языкознания», т. I, Львов, 1943.
- Вамбери** — H. Vambery. Etymologisches Wörterbuch der turko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878.
- Даль** — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I—IV. М., 1956.
- Дмитриев** — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», вып. III, М., 1968.
- ДТС** — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
- Касумбейли** — Г. Касумбейли. По поводу одной этимологии у Потебни. — «Труды Института языка АН Азербайджанской ССР», т. I, Баку, 1947.
- Кононов, 1963** — А. Н. Кононов. (Рецензия на книгу) «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961. — «Вопросы языкознания», 1963, № 2.
- Кононов, 1972** — А. Н. Кононов. От чайки до шайки. — «Русская речь», 1972, № 2.
- КрЭС** — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
- Кубанова** — Л. А. Кубанова. Тюркизмы в диалектной лексике русского языка. Автореф. канд. дисс., М., 1968.
- Мелиоранский** — П. М. Мелиоранский. Заимствованные восточные слова в памятниках русской письменности домонгольского времени. — ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 4.
- Моисеева** — Л. Ф. Моисеева. О чем говорят названия птиц. — «Русская речь», 1974, № 4.
- Огненко** — И. И. Огненко. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.
- ПСС** — «Птицы Советского Союза». Тт. I—IV. М., 1951—1954.
- Радлов** — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Тт. I—IV. СПб., 1893—1911.
- СЛРЯ** — «Словарь русского языка XI—XVII вв.». Вып. I—VII. М., 1975—1980.
- СРНГ** — «Словарь русских народных говоров». Под ред. Ф. П. Филина. Вып. I—XVI. Л., 1965—1980.
- ССРЛЯ** — «Словарь современного русского литературного языка». Тт. I—XVII. М., 1950—1955.
- Фасмер** — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Тт. I—IV. М., 1964—1973.
- Флинт** — В. Е. Флинт и др. Птицы СССР. М., 1968.
- Шанский** — Н. М. Шанский. Этимологический словарь русского языка. Вып. I—VII. М., 1963—1980.
- Шипова** — Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- Щербак** — А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных. — В кн.: «История развития лексики тюркских языков». М., 1961.
- ЭСТЯ** — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978.
- Юдахин** — К. К. Юдахин. Кавказско-русский словарь. М., 1965.
- Язвицкий** — В. И. Язвицкий, М. А. Гремяцкий. Жизнь животных по А. Э. Брему. В 3-х томах. Т. 2. Птицы. М.—Л., 1930.



## ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Х. КОРОГЛЫ

### ТУРЕЦКАЯ АШЫКСКАЯ ПОЭЗИЯ

Ашыкская<sup>1</sup> поэзия в Турции восходит к древней устно-поэтической традиции, но в отличие от других жанров фольклора, она — плод индивидуального творчества и во многом обусловлена степенью мастерства того или иного автора — ашыка.

Ашык является одновременно и сочинителем, и исполнителем своих произведений, и искусным музыкантом. Ашыки в прежние времена в большинстве своем были неграмотными и слагали стихи-песни обычно экспромтом, исполняя их в собственном музыкальном сопровождении. Перезезжая из города в город, из села в село, они зарабатывали на жизнь своими выступлениями в кофейнях, на семейных торжествах и народных празднествах. В средние века и позднее, вплоть до XIX века, ашыки часто сопровождали войска в военных походах, обращаясь наряду с лирическими стихами к эпическим мотивам, воспевая доблесть полководцев и предводительствуемых ими воинов.

Ашык и его творчество неотделимы от народной жизни. Обязательным атрибутом ашыкского искусства является музыкальный инструмент *саз*, что объясняет и распространенное прозвание ашыка — *saz şairi* ('поэт, играющий на сазе'). Свои стихи и песни ашыки слагали и слагают обычно народно-силлабическим размером, хотя некоторые из них используют и классическую арабо-персидскую квантитативную систему *аруз*. К последней группе турецких ашыков относятся: Омер (XVII в.), Дертли (1772—1843), Эрзрумлу Эмрах (ум. ок. 1854), Суммани (1860—1915) и др.

Ашыки обычно исполняют не только стихи-песни собственного сочинения, но и произведения своих предшественников и современников. В последнем случае требования к точности воспроизведения чужого текста весьма велики и являются свидетельством мастерства исполнителя. За точностью воспроизведения чужого текста ревностно следят сами слушатели, без труда обнаруживающие любые самые незначительные отклонения от него. Однако, изустный способ передачи текста все же приводит к его трансформации. Поэтому со временем песни перепевают определенные изменения, хотя ашыку, еще в бытность его учеником, настойчиво внушают неукоснительное правило: не вмешиваться в текст стихов.

<sup>1</sup> Написание *ашык* является более правильным применительно к тюркоязычной поэзии, нежели общепринятое ныне неточное написание *ашуг*. (Прим. автора).

Исполнительское и в известной степени поэтическое мастерство ашык осваивает, проходя длительное обучение у признанного мастера (*устада*). Причем ученику, находящемуся в беспрекословном подчинении у учителя, приходится многое претерпеть и вынести, жить в нужде и даже голодать. В результате проявленного им великого терпения ученик получает, наконец, благословение своего учителя и право на самостоятельные выступления перед публикой. Почти с первых дней ученичества будущий ашык сопровождает устада на пиры и сборища, наблюдая за исполнительским мастерством учителя и стремясь перенять его опыт. Будущий ашык получает прозвище *чыраг* ('ученик', 'подмастерье', букв. 'лампада', 'светильник'). Иногда учитель даже позволял ученику ненадолго заменить себя.

Турецкие фольклористы делят ашыков по типу творчества на четыре категории<sup>2</sup>:

1. Ашыки, знакомые с классической литературой и умело использующие ее в своих импровизациях. Как правило, такие ашыки выступают перед грамотной аудиторией. В прошлом они приглашались на пиры, устраиваемые знатью, вплоть до двора пашей. Вместе с тем они часто выступали в городских кофейнях перед ремесленниками, мелкими чиновниками, янычарами. В последнем случае ашыков наделяли даже специальным названием — *уепіçегі азікліг* ('янычарские ашыки').

2. Ашыки, выступающие перед деревенской публикой и редко появляющиеся даже в небольших городах. Основным слушателем их была деревенская беднота. Изредка они приглашались на пиры богачей или феодалов, живущих в своих имениях.

3. Ашыки, кочевавшие вместе с полукочевниками или кочевниками. К последним принадлежали, главным образом, ашыки Восточной Анатолии. Творчество их получило в XIX веке наибольшее развитие. Часто эти ашыки находились на службе у племенных вождей. Помимо лирических стихов-песен, они сочиняли и исполняли панегирики в честь мятежников, боровшихся с центральной властью, воспевали героические поступки вождей племен. Этнически эти ашыки восходили к малоазийским туркменам (например, популярный ашык XVI века Караджаоглан).

Творчество ашыков всех трех групп объединяет светская тематика, главным образом, любовная и пейзажная лирика, моралистические наставления, чужбинные (*гариб*) стихи-песни, стихи на злобу дня. Социальные и политические мотивы ашыками затрагивались крайне редко. Начиная с XVI—XVII веков, ашыки выступали как авторы так называемых народных повестей (*Halk Hikâyeleri*) — сочинений о злоключениях и трагической любви того или иного ашыка. Эти произведения были по форме прозаическими, но содержали немало лирических стихотворных включений, часто принадлежавших ашыку — герою произведения.

4. Особо следует остановиться на творчестве суфийских ашыков, последователей различных толков и сект ислама, главным образом шиизма. В отличие от ашыков первых трех групп, их называли *абдал*, что означает «странствующий дервиш». К числу подобных ашыков относятся, например, Кайгусуз абдал (XIV—XV вв.), Пир Султан абдал (XVII в.) и др.

Суфийские ашыки принадлежали к различным толкам ислама. В сельской местности большей частью ашыки были последователями су-

<sup>2</sup> «Türk Dili. Türk Halk Edebiyatı Özel sayısı», sayı 207, aralık 1968. стр. 343 и след.

фийского толка *алеви* — *кызылбашей* (шииты). Тогда как представители шиитских толков *бекташи*, *халвети*, *руфайи* и других жили в больших городах при мечетях. Стихи первой группы ашыков по языку и образной системе близки народной поэзии. Язык стихов второй группы ашыков заметно сложнее — в нем много заимствованной арабо-персидской лексики. Отличительной особенностью поэзии суфийских ашыков является также: насыщенность ее религиозно-мистическими идеями о бренности земной жизни, выражение вечной любви к создателю, стремление слиться с ним (*висал*), что требовало от ашыка отрешения от земных чувств и соблазнов, ведения подвижнической и аскетической жизни.

Странствуя и терпя лишения, ашыки-суфии достигают якобы духовного совершенства, или, выражаясь суфийской терминологией, постигают всеобъемлющую истину — познают самих себя и становятся «истинными ашыками» — *hakik aşik*. Это — одна из основных догм пантеистического суфизма, составляющая его мировоззренческую основу.

К специальным религиозным знаниям адепты (мюриды) приобщались под руководством наставников (мюршида, шейха), живя при них в своего рода общежитиях (монашеских кельях), называемых *рибат*, *завийа*, *ханака*, *текке*. Прохождение учебы суфийскими ашыками было полностью аналогичным описанной выше подготовке ашыков вообще: те же лишения, то же беспрекословное подчинение воле наставника. Таким мюридом был и впоследствии знаменитый турецкий поэт-суфий, основоположник турецкой ашыкской поэзии Юнус Эмре (1240—1320). Ученичество он прошел у известного шейха Таптыха, которому посвятил много хвалебных строк. Кайгусуз абдал был таким же адептом у другого знаменитого шейха — Абдала Мусы, которого он называл *шейхим* 'мой шейх'. В турецкой действительности ашыки-суфии (*абдалы*) группировались вокруг определенных суфийских сект; наиболее популярными из них считались: секта мевлеви, основателем которой был персидско-таджикский поэт, живший в XIII веке в Турции, — Джалаледдин Руми; секта бекташи, основанная шейхом Бекташ-и Вели в XIII веке; секта алеви и др. Шейхи также пользовались огромной популярностью среди населения. Е. Э. Бертельс пишет: «По мере того, как росли дервишские организации, они становились все более и более грозной силой. Хотя цели суфийских шейхов и вели их в потусторонний мир, но не нужно забывать, что аскетическое движение первоначально имело выраженную демократическую установку и в значительной степени сохраняло ее и в дальнейшем. Владея помыслами широких городских масс, шейх, если он только в чем-либо не одобрял деятельность правящих кругов, становился для них крайне опасным противником»<sup>3</sup>.

Мы подробно остановились на турецкой народно-суфийской традиции потому, что она вплоть до XVI века составляла ведущее направление ашыкской поэзии и сохраняла свое влияние в дальнейшем. Исполняя произведения такого рода, сочетающие в себе соответствующую музыку и текст, ашык доводил себя до экстатического состояния. Этот процесс именовался *сама* ('слушание'). Примером таких произведений могут служить многочисленные *илахи* ('божественные') Юнуса Эмре, Кайгусуза абдала и многих других ашыков-абдалов, вплоть до живших в XX веке. Однако в творчестве ашыков-абдалов все же преобладали рационализм и гуманистическое начало. Они часто не придерживались ортодоксальных установлений ислама, например, подвергали

<sup>3</sup> Е. Э. Бертельс. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965, стр. 41.

сомнению веру в божественную справедливость, некоторые предписания Корана, были излишне вольны в своих обращениях к богу. Так, известное положение ислама о существовании «на том свете» моста, который тоньше волоса и острее меча, и по которому должен пройти каждый мусульманин после смерти, чтобы попасть в рай, подвергается сомнению многими суфийскими ашыками (абдалами) и в первую очередь самим Юнусом Эмре. Он говорит:

Kıl gibi köprü yaparsın geç diyü,  
Gel, seni sen tuzagımdan seç diyü  
Kıl gibi köprüden âdem mi geçer?  
Ye düşer yâ tayanur, yahud uçar<sup>4</sup>.

‘Строишь мост толщиной с волосок и говоришь: «Проходи»,  
«Попробуй-ка разберись в моем капкане», — говоришь.  
Может ли пройти человек через мост, толщиной с волосок?  
Или упадет, или застынет на месте, или полетит (вниз)».

Эту же тему затрагивают и другие ашыки-абдалы. Кайгусуз абдал в своем неверии идет еще дальше:

Kıldan köprü yaratmışsın, gelsin kulum geçsin diyü  
Hâlâ biz şöyle duralım, yigît isen geç e Tanrı<sup>5</sup>

‘Построил мост из волоска и говоришь: «Пусть мой раб пройдет по нему!»  
Что говорить о нас! Если у тебя есть мужество, сам пройди по нему,  
о господин!»

Ашык Азми (XV в.) вторит своим предшественникам:

Hafâya çekilüp seyrana durdun;  
Aklı yetmezlerin aklını urdun  
Kıldan ince köprü yaptın da kurdun;  
Akar suyun mu var, bostancı mısın?

‘Укрывшись в темноте, ты наблюдаешь,  
Разум даже отнимаешь у глузцов.  
Соорудил мост тоньше волоска, зачем?  
Не простой ли ты хозяин воды и огорода?»

Юнус Эмре говорит:

Sen hod bize bizden yakın, görünmezsın hicab nedür?  
Çün aybı yok görklü yüzün üzerinde nikab nedir?

‘Ты хоть и близок к нам, как мы сами к себе, почему же тебя не видно,  
зачем ты скрываешься?  
Твое лицо безупречно, зачем же ты носишь на нем покрывало?»

Или:

Sen ayıtdun iy pâdişâh Vehdillâhu li men yeşâ  
Şerikün yok senün iy şâh, suçlu kimdür, azab nedür?

‘Ты говоришь: «Я — вездесущ, все во мне!»  
Тебе подобного нет, о добрый шах. Откуда же тогда виноватые,  
зачем наказания?»

Или:

Terzi kurarsın hevâset dartmağa,  
Kasdidersin beni oda atmağa,  
Terezi ana gerek bakka! ola  
Ye bazergân, tâcir ü attar ola<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> «Türk Dili», стр. 368.

<sup>5</sup> Там же, стр. 369.

<sup>6</sup> Там же.

‘Поставил весы, чтобы взвесить мои поступки,  
 Вознамерился бросить меня в огонь.  
 Весы ведь нужны лишь бакалейщикам,  
 Да купцам, торговцам и москательщикам’.

Автор имеет в виду весы, на которых, по утверждению мусульманского духовенства, будут на том свете взвешивать добродетели и грехи каждого покойного, чтобы послать его в рай или в ад. Ашык Азми вторит Юнусу Эмре:

Bu kışlara bedel bu yazı yaptın;  
 İlk bahara karşı bu güzü yaptın;  
 Mîzani iki göz terâzi yaptın,  
 Bakkal mısın, yoksa dükkâncı mısın?

‘В противовес зиме создал ты лето,  
 В противовес весне — осень.  
 Поставил весы из двух чаш,  
 Разве ты бакалейщик или лавочник?’

Он же говорит:

Cebraîl'e perd'ardından söylersin,  
 İnüb Beytullâh'a kendin dînlersin;  
 Bu âteş-i cehennemi neylersin?  
 Namamın mı var, ya külhancı mısın?<sup>7</sup>

‘С Гавриилом говоришь ты через занавес,  
 Спускаешься в мечеть подслушивать,  
 (Тогда) зачем тебе сгонь в аду?  
 Разве ты банщик или истопник?’

Эти «кошунственные» строки сами говорят за себя.

Однако основное содержание творчества ашыков-суфиев, также как и «светских» ашыков, составляла светская эротическая (любовная) поэзия. Разница между первыми и вторыми заключалась в том, что «светские» ашыки адресовали любовные стихи конкретным лицам, чаще всего своим возлюбленным. Суфийские же ашыки преследовали совершенно иную цель. Они использовали аналогичные образы как символы. Так, например, обращаясь к возлюбленной, они в ее образе общались с самим богом, а говоря о стремлении соединиться с ней, имели в виду единение с богом (*висал*).

Обе группы ашыков сочиняли лирические, пейзажные, социальные, гражданские и морально-этические стихи. Для ашыковской поэзии в целом характерно единое структурно-стилевое оформление, присущее устно-поэтическому творчеству, а по типу творчества она во многом родственна *тюркю* — народно-силлабической форме тюркского стиха, исполняемого как песня в сопровождении музыки. В ашыковской поэзии представлены почти все разновидности *тюркю*: любовно-лирические, ностальгические стихи о разлуке, пейзажные, воинские и т. п.

Метрические стихи турецких ашыков — это четверостишия, написанные восьми- и одиннадцатисложниками. Восьмисложники делятся цезурой на 4+4, редко на 3+5 или 5+3. Одиннадцатисложники, в свою очередь, разделяются цезурой после шестого (6+5) или пятого (5+6) слога. В редких случаях цезурная структура одиннадцатисложника имеет схему 4+4+3. Рифмовка производится по газельной системе. В первом четверостишии строки рифмуются по схеме а b a b (перекрестная рифма) или а b c b, остальные четверостишия по схеме а а а b,

<sup>7</sup> «Türk Dili», стр. 369.



то есть в последнем стихе каждой последующей за первым четверостишием строфы повторяется рифма последнего (или второго и четвертого, если рифма перекрестная) стиха первого четверостишия. Вот схема рифм одного пятистрофного стихотворения — первая строфа: *a b a b* или *a b c b*; вторая строфа: *a a a b*. Последующие строфы рифмуются по схеме второй строфы.

Помимо этого, турецкие ашыки, главным образом суфийские, как уже отмечалось, пользуются также формой *сама'и*, которая может быть как силлабической, так и квантитативной. Своеобразие формы *сама'и* заключается в том, что два восьмисложных стиха могут соединяться, создавая впечатление шестнадцатисложника. При этом меняется и сама строфа: четверостишие как бы выступает в форме двустишия, однако с двойной рифмой в стихе — внутренней и конечной, появляющейся после каждого восьмого слога, что позволяет преобразовать двустишие в четверостишие с перекрестной рифмовкой *a b a b* в первой строфе и *a a a b* в последующих строфах — рифмовка, характерная для всех видов тюркского народного стиха, в том числе и ашыкской поэзии. Приведем одно двустишие из пятистрофного стихотворения ашыка XVII века Омера:

Efendim sevdigim sizde kadimî bû mudur âdet  
Cefâ vü cevriniz bizde nedendir koymadı tâkat.<sup>8</sup>

'Госпожа моя, любимая моя, у тебя это давняя привычка,  
Мучение и терзание [творимые тобой] нет сил терпеть.'

Первая часть обоих стихов имеет рифму *a a* перед цезурой, которая делит стих на две равные половины — 8+8 слогов, а также рифму *b b* в конце каждого стиха. Разделив двустишие на четверостишие без ущерба для содержания и рифмовки, мы получим четырехстрочную строфу с перекрестной рифмой:

Efendim sevdigim sizde  
Kadimî bû mudur âdet  
Cefâ vü cevriniz bizde  
Nedendir koymadı tâkat.

Точно такую же структуру имеют второс и последующие двустишия, с той лишь разницей, что после преобразования их в четверостишия получится рифмовка *a a a b*:

Ne mâdendir âcep kânın  
Ki tutmuş âlemi şânın  
Peri-rûlarda akrânın  
Bulunmaz ey sehi-kamat.<sup>9</sup>

'Какое богатство собрано в тебе!  
Весь мир наполнен твоей славой.  
Среди красавиц не найти тебе  
Равной, о, станом, как купидис!'

Турецкая ашыкская поэзия как индивидуальное устно-поэтическое творчество не теряет своего культурно-эстетического значения и в наши дни. Хотя современные ашыки по-прежнему в большинстве своем остаются неграмотными и сочиняют стихи экспромтом, исполняя их публично с музыкальным сопровождением, их творчество испытывает неизбежную трансформацию, в особенности в плане донесения его до слушате-

<sup>8</sup> «Türk Dili», стр. 280.

<sup>9</sup> Там же.



лей. Радио, телевидение, кинематография и другие средства массовой информации меняют и содержание, и тематику стихов ашыков. Обще-ственно-политические и социально-гражданские темы составляют теперь значительную часть их репертуара, заметнo тесня считающуюся обязательной для ашыкской поэзии любовную лирику. Примером могут служить стихи одного из популярнейших ашыков современной Турции. Вейсея (1894—1974).

Что же касается ашыков-абдалов, то тематика их творчества, начиная с XVI века, обретала все большую светокую окраску и к началу нашего века почти полностью вошла в общее русло ашыкской поэзии. Ныне во всей Турции лишь отдельные абдалы, живущие еще в суфийских кельях, продолжают в какой-то степени придерживаться старой традиции.

Ашыкская поэзия — одна из интереснейших художественных традиций турецкого народа — оказала большое влияние на последующее развитие турецкой культуры в целом и, в частности, богатой письменной литературы. Символично, что основоположником турецкой письменной поэзии является Юнус Эмре, открывший своим творчеством историю ашыкской поэзии.

---

## ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. З. ЗАКИЕВ

### АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

1. В рубрике «Дискуссии и обсуждения» журнал «Советская тюркология» опубликовал статью В. Г. Адмони «Сложносаянное предложение в тюркских языках. (Заметки нетюрколога)»<sup>1</sup>, в которой автором предлагается переименовать тюркские сложноподчиненные предложения синтетического типа в сложносаянные предложения. Действительно, наименование тюркских сложноподчиненных предложений синтетического типа до сего времени является предметом научной дискуссии. Предлагаемое переименование тюркских сложноподчиненных предложений синтетического типа в сложносаянные, а синтетических придаточных — в саянные, можно сказать, решает эту проблему. В. Г. Адмони в своей статье предлагает ввести трехчленную парадигму сложного предложения: сложносочиненное предложение (паратаксис), сложноподчиненное предложение (гипотаксис), сложносаянное предложение (гипертаксис). В этой связи он пишет: «Предпринятая нами попытка введения новой классификации сложных предложений вносит определенные изменения в раздел общей теории грамматики, посвященный сложному предложению... Что же касается непосредственно тюркских языков, мы попытались лишь в общеграмматическом структурно-системном плане определить и терминологически обозначить явления, тюркологами уже глубоко изученные, но не включенные в общеграмматическую перспективу» [1, стр. 36].

Полностью соглашаясь с выводами В. Г. Адмони, хотим внести некоторые необходимые, как нам кажется, с точки зрения общей теории грамматики уточнения в характеристику определяющих черт тюркских сложных предложений, особенно заметных с позиции тюркско-русских (индоевропейских) контрастивных исследований. С самого начала подчеркнем, что мы считаем вполне приемлемой для тюркских (и вообще алтайских) языков предлагаемую трехчленную парадигму сложного предложения. В тюркском синтаксисе можно считать уже доказанным наличие системы не только сложносаянных предложений (по существующей терминологии: сложноподчиненных предложений синтетического типа), но и сложноподчиненных предложений (традиционно: сложноподчиненных предложений аналитического типа), по всем основным параметрам напоминающих индоевропейские сложноподчиненные предложения. Что же касается сложносочиненных предложений, то об

<sup>1</sup> См.: В. Г. Адмони. Сложносаянное предложение в тюркских языках. (Заметки нетюрколога). — «Советская тюркология», 1982, № 3.

их наличии в тюркских языках серьезных споров между специалистами никогда не возникало.

Чтобы прийти к окончательным выводам, необходимо прежде всего уточнить названия разновидностей сложных предложений и их частей. По-видимому, это целесообразнее всего сделать на основе противопоставления парадигмы цельных (независимых, самостоятельных) и нецельных (зависимых, несамостоятельных) предложений. У В. Г. Адмони первые названы цельными предложениями, вторые — элементарными предложениями. Очевидно, слово «элементарное» здесь употреблено в значении «нецельное, несамостоятельное, являющееся элементом другого, цельного». Если так, то вряд ли оправдано включение простых самостоятельных предложений в обе парадигмы, как это делает В. Г. Адмони в названной статье и в другой своей работе [1, стр. 32; 2, стр. 6—18]. В этом, как нам представляется, нарушается логика и смысл всего противопоставления. Итак, парадигму самостоятельных предложений составляют: простое самостоятельное предложение, сложносочиненное предложение, сложноподчиненное предложение, сложноспаянное предложение, многочленное сложное предложение. В составе которого обычно имеются три или более простых несамостоятельных предложений, и где скрещиваются сочинительная, подчинительная или сверхподчинительная (спайка) связи. В эту же парадигму можно включить также текст, в составе которого обычно рассматриваются и сложное синтаксическое целое, и абзац, и текст с прямой и косвенной речью. При этом необходимо отметить, что нецелесообразно называть многочленное сложное предложение периодом, как это предлагает В. Г. Адмони («период как скрещение сложносочиненного и сложноподчиненного предложения»), ибо термин «период» в русском и тюркском языкознании принят для обозначения конструкций с большим количеством однородных частей и с обобщенным выводом. Причем однородные части периода в тюркских языках не всегда являются предложениями, иногда ими могут быть и развернутые члены.

Вторую парадигму составляют несамостоятельные предложения, и при анализе их следовало бы обозначить следующими уже давно принятыми, но не всеми употребляемыми терминами: сочиненное предложение (как компонент сложносочиненного предложения), придаточное предложение (подчиненная часть сложноподчиненного предложения), спаянное предложение (сверхподчиненная часть сложноспаянного предложения), главное предложение (подчиняющаяся часть как в сложноподчиненном, так и в сложноспаянном предложениях) и вставное предложение (парентеза). Кроме того, при структурном анализе многочленного сложного предложения возникает необходимость в выделении из его состава несамостоятельных сложноподчиненных или сложноспаянных предложений. Их тоже следует отнести к парадигме несамостоятельных предложений.

2. О сложносочиненных предложениях можно оказать лишь то, что в тюркских языках основными, наиболее часто встречающимися средствами связи между сочиненными предложениями выступают интонация перечисления и интонация противопоставления. Они являются столь же реально существующими средствами связи, как и звуковые средства, то есть союзы, говоря о которых, следует учитывать, что исконные тюркские их варианты (например: тат. *йәнә, да/дә, да... да/дә... дә, әле... әле, йә, йә... йә, әллә... әллә, шулай ук*) всегда были и остаются грамматически обязательными, релевантными, а заимствованные (например, *вә, һәм, ә, ләкин, әмма, и, нә... нә, ни... ни*) в большинстве случаев выступают как стилистические средства, характерные для письменной

разновидности речи: последние весьма легко заменяются интонационными средствами или исконными союзами. Таким образом, заимствованные союзы стилистически дублируют исконные средства и не являются грамматически обязательными, релевантными. Этот факт полностью отрицает выводы некоторых ученых о формировании тюркских сложных предложений только под влиянием индоевропейских языков, особенно их союзных вариантов, тогда как под этим влиянием последние лишь активизируются.

3. Сложноподчиненные предложения в тюркских языках, как это признается сейчас многими синтаксистами, представляют собой обширную, разнообразную и стройную систему [см., например: 3, стр. 521—547; 4, стр. 265—284, 304—341; 5, стр. 347—366]. Между тем до сих пор еще живучи те устаревшие представления, исходя из которых В. Г. Адмони в своей статье пишет, что «отсутствие в тюркских языках (за некоторыми исключениями) структурно близких соответствий подчиненным предложениям индоевропейских языков — один из детально разработанных в тюркологии вопросов» [1, стр. 30]. Из контекста всей статьи следует, что «исключения широко представлены, например, в азербайджанском, турецком, узбекском и особенно — гагаузском языках», в то же время автор признает наличие сложноподчиненных предложений индоевропейского типа в некоторых тюркских языках.

Известно, что сложноподчиненным предложением индоевропейского типа признается конструкция, в составе которой имеются главное и подчиненное предложения, причем придаточная часть по своим внешним признакам совпадает с самостоятельным предложением: при двусоставном варианте подлежащее выражается именем в основном падеже, сказуемое же совпадает со сказуемыми двусоставных и односоставных самостоятельных предложений (иногда говорят, что сказуемое придаточного предложения выражается финитным глаголом, это правильно, но это утверждение не учитывает именных сказуемых); придаточное предложение, как правило, отделяется от главного паузой и может стоять в конце всего комплекса, завершая сложноподчиненное предложение. Однако в отличие от самостоятельных предложений, придаточная часть не самостоятельна, ибо по смыслу (внутренне) всегда подчинена главному. Такое подчинение внешне выражается словесными или интонационными средствами, не нарушающими структуры сказуемого придаточной части.

Нам представляется нецелесообразным деление сложных предложений в целом на союзные и бессоюзные, а также рассмотрение их без выделения сложносочиненных и сложноподчиненных вариантов. Такая традиция продолжается, по-видимому, с тех давних времен, когда только звуковые средства (слова и аффиксы) считались реально существующими, а интонационные рассматривались как несуществующие. Экспериментально доказано, что интонационные средства также существуют реально: ясно различаются, например, интонации (паузы) перечисления и противопоставления, являющиеся сочинительными средствами, и интонация (пауза) предупреждения, выступающая подчинительным средством между предложениями. Поэтому в теоретической грамматике представляется более правомерным в первую очередь различать структурно-семантические разновидности сложных предложений: сложносочиненных, сложноподчиненных, сложноспаянных, многочленносложных; только в пределах этих разновидностей можно проводить чисто структурную классификацию, то есть различать союзные и бессоюзные (интонационные) их разновидности, а не наоборот, как это делается некоторыми авторами [см. 6, стр. 465].



Союзные и интонационные разновидности сложноподчиненных предложений в тюркских языках считаются общепризнанными. Что касается разновидности сложноподчиненных предложений с так называемой местоименно-относительной (анафорической) связью, то они в тюркских языках изучены мало, как система не познаны и познанная их часть в различных языках оценивается по-разному: союзами, союзными словами, относительными словами. В татарском языке их система описана в 1958 году [7, стр. 210—220], а в 1963 году [4, стр. 305—319] сделана попытка раскрыть их логическую структуру и функциональные особенности.

Для того, чтобы убедиться в наличии в тюркских языках разветвленной логически стройной системы сложноподчиненных предложений с местоименно-относительной (анафорической) связью и включить их в систему сложноподчиненных предложений теоретической грамматики, необходимо предварительно обратиться к таковым в индоевропейских языках, в частности в русском.

Как известно, в русском языке имеются сложноподчиненные предложения с анафорической связью частей, где союзная функция местоименных слов базируется на их анафорическом, отсылочно-заместительном употреблении. Они делятся на: а) предложения с ориентированной анафорической связью, которым в тюркских языках нет аналогов, и б) предложения с неориентированной анафорической связью частей, широко распространенные в тюркских языках [6, стр. 512, 530]. В русских предложениях с неориентированной связью «в строго нормированной, книжной речи анафорическая связь выступает, как правило, в сочетании с указательностью, осуществляемой посредством слов — *тот, то, там, туда, оттуда*. Последние помещаются в главном предложении и семантически соотносятся (коррелируются) с относительными словами» [6, стр. 531]. Необходимо иметь в виду, что в русской грамматике вопросительно-местоименные средства связи называются «относительными словами», а указательно-местоименные — «соотносительными словами». Возможны следующие соотносительные пары: *там — где, там — куда, там — откуда, туда — где, туда — куда, туда — откуда, оттуда — где, оттуда — куда, оттуда — откуда, тот — кто, тот — что, тот — который* и т. д. [6, стр. 531]. Причем эти соотносительные пары могут иметь еще множество вариантов, где указательная или вопросительная части выступают в какой-либо словоизменительной форме: *о той — кто, те — кто, тому — чей, те — которые, того — что, то — чего, с кем — с чем, тот — с кем* и т. д. Например, «Кто не работает, тот не ест» — тат. *'Кем ешләми, шул ашамый'*; *Жил кайдан исә, болыт та шуннан килә* — 'Откуда дует ветер, оттуда идут и тучи'.

Сложноподчиненные предложения, связь между частями которых осуществляется при помощи спаренных местоименных слов (то есть одновременно относительных и соотносительных слов), присущи не только индоевропейским, но и тюркским языкам. Такие предложения зафиксированы уже в древнетюркских памятниках: *Ауçu пәсә тәф билсә, адуу апса јол биліг* (XI в.) 'Сколько хитростей знает охотник, столько способов знает медведь' [древнетюркские примеры взяты из: 8, стр. 29]. В татарском языке, как уже говорилось выше, такие средства связи называются парными относительными словами; они устанавливают разнообразные отношения между главным и придаточным предложениями. Соотносительными парами выступают: в составе придаточного предложения — вопросительно-местоименные (в русском языке — относительные) слова, в составе главного — указательно-местоименные (в русском языке — соотносительные слова). В отличие от союзов, они одно-

ременно являются и средствами связи, и членами предложения. Примечательно, что функция указательной части, поскольку она замещает придаточное предложение в целом, определяет и функцию придаточного предложения: иными словами, если указательная часть (то есть соотносительное слово) выступает определением, то и придаточное предложение является определительным: тат. *Нинди эш уңай булса, шул эшине эшлидер* (Г. Тукай) 'Он делает ту работу, которая легче'; если же указательная часть является дополнением (или подлежащим, обстоятельством и т. д.), то и придаточное предложение выступает как дополнительное (или подлежащее, обстоятельственное и т. д.): *Кем сорый, шуңа сата* (Г. Тукай) 'Кто спросит, тому продаст'; *Кемнең халкы оешкан, шул жиңеп чыга сугышта* (Г. Баширов) 'Чей народ сплочен, тот побеждает на войне'; *Ничек таләп итгәлгән, шулай эшләделәр* (Г. Ибрагимов) 'Как требовали, так и делали'. Следует отметить, что и в русском языке функции соотносительного слова и придаточного предложения совпадают.

Как видно из приведенных примеров, при соотносительных парах местоименной связи сказуемое придаточного предложения часто находится в условной форме, в данном случае выступающей не как грамматический определитель условного отношения, а только как стилистическое средство и поэтому легко заменяемой формой изъявительного наклонения (то есть она легко может принять форму сказуемого самостоятельного предложения).

В современном татарском языке выявлено более ста соотносительных пар средств местоименной связи: в составе придаточного — вопросительно-местоименные слова в различных словосоединительных формах, с послелогоми или послеложными словами; с каждым из них в главном соотносится указательно-местоименное слово в различных словосоединительных формах и с послелогоми или послеложными словами. Например, *кемгә — шуңа*, 'кому—тому', *кемгә — шул* 'кому — тот', *кемгә — шул турыда* 'кому — о том' и т. д. Более шестидесяти активных пар приводятся в литературе [см. 4, стр. 260—261].

Таким образом, в тюркских языках широко распространены сложноподчиненные предложения, аналогичные русским с неориентированной анафорической связью частей.

Однако есть существенные различия в одинарном употреблении этих относительных и соотносительных слов в тюркских и в индоевропейских, в частности, в русском, языках. В последнем в роли союзов выступают в большинстве случаев одинарные вопросительно-местоименные слова, тогда как в тюркских языках они не получили широкого распространения; напротив, в роли союзов между предложениями в тюркских языках часто выступают одинарные указательно-местоименные слова. В русском языке они также употребляются широко, однако без вопросительно-союзной части — не относятся к средствам связи. Например, сочетание «несмотря на то, что» — считается союзом, ибо здесь налицо парное применение как указательной, так и вопросительно-союзной частей («Несмотря на то, что он живет далеко, он никогда не опаздывает»); сочетание «несмотря на это» — не считается средством связи, ибо здесь налицо одинарное применение указательного местоимения, хотя оно заменяет целое предложение и тем самым устанавливает синтаксическое отношение между предложениями («Он живет далеко, несмотря на это он никогда не опаздывает»). В тюркских языках как одинарные вопросительно-местоименные, так и одинарные указательно-местоименные слова считаются средством связи между частями сложноподчиненных предложений.

Вопросительно-местоименные средства связи, хотя и редко применяются в тюркских языках (в основном под влиянием индоевропейских языков), так же как и в этих языках, безусловно считаются средствами связи. Примеры: *Bolsa kîmiñ altun kûmüſ yrla itâr* (XI в.) 'У кого есть золото и серебро, (он) построит жилище' [8, стр. 27]; *Утыр аулакка, кайда һич кеше юк* (Г. Тукай) 'Садись в укромный уголок, где нет никого': *Кечяликкя, нечик йох куйаш, кириляд исси орунга* (караимск.) 'Вечерами, когда нет солнца, переносится в теплое место' [9, стр. 326]; *Ачан каар каплээр мералары, топланыр генчләр сиданкайа* (гагаузск.) 'Когда снег покрывает поля, собирается молодежь на посиделки' [10, стр. 76].

Указательно-местоименные средства связи в тюркских языках являются основными, и большинство их часто включается даже в разряд союзов. Например, в турецком языке: *bişin için, onun üzerine* [3, стр. 539—540], в башкирском языке: *шуға, шуға күрә, шуға ла, шуның өсөн, шунлыктан, шул аркала, шулай булгас, шуның һөҙәмтәһендә* [11, стр. 357] и т. д. Нам представляется более правильным и целесообразным считать указательные местоимения, заменяющие целые предложения и тем самым устанавливающие синтаксические отношения между предложениями, одинарными указательно-местоименными анафорическими средствами. Находясь в одном (главном) предложении, они выступают заместителями другого (придаточного) предложения, и в этой роли могут принять любые словосоединительные формы, послелого или послеложные слова. Например, в татарском языке указательное местоимение *шул*, выступая в роли анафорического средства, то есть заменяя целые предложения, может иметь следующие формы: *шул, шунысы*, 'то что', *шуны, шунысын* 'то что', *шуңа, шунысына* 'тому что', *шуннан, шунысыннан* 'оттого что', *шунда, шунысында* 'в том что', *шулай* 'так что', *шундый* 'так чтобы', *шунлыктан* 'потому что', *шулай да* 'несмотря на то что', *шуңа күрә* 'поэтому', *шуның өчен* 'ради того чтобы', *шул хәтле, шул кадәр, шул чаклы, шул тикле* 'так, в такой степени как', *шуңа кадәр, шуңа чаклы, шуңа хәтле* 'до того как', *шуның белән* 'с тем чтобы', *шуннан соң, шуннан бирле* 'после того как', *шул чакта, шул вакытта, шул арада* 'в то время как', *шуңа карамастан* 'несмотря на то что', *шул сәбәпле, шуның аркасында* 'по причине того что', *шул рәвешчә* 'подобно тому как', *шул турыда, шул хакта* 'о том что', *шулай булса да* 'несмотря на то что', *шулай булгач* 'если так'. Кроме того, в таких же формах могут применяться указательные местоимения *ул* 'тот' и *бу* 'этот' [4, стр. 258—259]. Мы считаем возможным называть их в синтаксическом отношении анафорическими союзами, а в морфологическом — просто союзами. Тем более что и в русском языке подобные образования, отличающиеся от тюркских нередко наличием вопросительно-местоименной части, безусловно включаются в разряд союзов. Например: «до того как», «до тех пор пока не», «после того как», «с тех пор как», «в том случае если», «при том условии если», «на тот случай если», «потому что», «потому как», «оттого что», «из-за того что», «под видом того что», «под предлогом того что», «судя по тому что», «тем более что», «тем паче что», «несмотря на то что», «невзирая на то что», «независимо от того что», «при том что», «при всем том что», «вопреки тому что», «для того чтобы», «ради того чтобы», «с тем чтобы», «во имя того чтобы», «в тех целях чтобы», «с той целью чтобы», «так чтобы», «затем чтобы», «так же как», «точно так же как», «подобно тому как», «вроде того как», «в то время как», «между тем как», «тогда как», «по мере того как», «чем — тем», «насколько — настолько», «если — то» и т. д. [6, стр. 548—614].

Эти одинарные анафорически применяемые указательно-местоименные слова, поскольку они являются заместителями целых предложений, легко заменяются самими предложениями, и при этом образуются синтетические сложные (спаянные) или простые конструкции: *Мин шуны гына беләм: ел елга охиамый* (Г. Тукай) — *Мин елның елга охшамавын гына беләм* 'Я знаю только то, что год на год не походит'. Возможность такой замены еще раз подтверждает отсылочно-заместительное (анафорическое) употребление этих средств.

К рассмотренным типам тюркских сложноподчиненных предложений можно добавить и союзные сложноподчиненные предложения и сложноподчиненные предложения с интонационной связью [по определению А. Н. Кононова: «союзной паузой» — 3, стр. 534].

Подводя итоги сказанному, необходимо отметить, что и после выделения сложноспаянных предложений в самостоятельный раздел нет оснований отрицать наличие в тюркских языках сложноподчиненных предложений настоящего «подлинного» (индоевропейского) типа: они имеются и характеризуются стройной структурой.

4. Сложноспаянные предложения в тюркских языках изучены довольно глубоко. Но в результате того, что они именовались по-разному: то просто сложноподчиненными, то синтетическими сложноподчиненными предложениями, — многие языковеды вольно или невольно сравнивали их зависимую часть с придаточными предложениями индоевропейских языков и, не находя в них особенностей последних, вообще не признавали их предложениями, а считали оборотами или развернутыми второстепенными членами. Иногда этим предложениям даже приписывали интонационную и смысловую завершенность, между тем в любом языке «предложения, являющиеся частями сложного, не имеют интонационной, а часто и содержательной (информативной) законченности; такой законченностью характеризуется все сложное предложение в целом. В составе сложного предложения претерпевают существенные изменения модальные характеристики соединившихся предложений» [6, стр. 465]. Подобное мнение в индоевропеистике было ясно высказано еще Ф. Ф. Фортунатовым в конце XIX века [4, стр. 265]. Следовательно, нельзя ожидать от спаянных предложений интонационной и смысловой (даже относительной) завершенности. Для признания спаянных предложений предложениями (а не членами предложения), достаточно наличия в них предикативного ядра, выраженного в двусоставной, реже односоставной форме. Однако спаянные предложения принципиально отличаются от придаточных предложений: средство связи в первом случае входит в состав сказуемого, образуя его форму, поэтому оно не подходит на сказуемое самостоятельного предложения; во втором случае средство связи находится вне сказуемого, не влияет на его форму, поэтому оно напоминает сказуемое самостоятельного предложения. Этой своей особенностью спаянные предложения близки к второстепенным членам — так называемым оборотам, не имеющим предикативного ядра. Как и второстепенные члены, спаянные предложения подчиняются главному при помощи аффиксов<sup>2</sup>, послелогов, послеложных слов, иногда и соположения; они никогда не стоят в конце сложного предложения; когда нет условий обособления, они не отделяются паузой от того слова

<sup>2</sup> Условная форма *-са*, когда она является обязательным средством связи и выражает условность, несмотря на свою финитность, выступает формой сказуемого спаянного предложения, ибо такое сказуемое не наблюдается в самостоятельных предложениях.



в главном предложении, к которому относятся. Именно поэтому в татарской лингвистике еще в 1911 году Г. Ибрагимов предлагал называть их второстепенными предложениями (ср. тат. *иярчен кисэк* — *иярчен жәмлә*) для отличия от придаточных (*ияртуле*) предложений. Кроме того, он различал и сложносочиненное предложение. Такого же взгляда на трехчленность парадигмы сложного предложения в татарском языке придерживались Дж. Валиди (1919) и Г. Алпаров (1926). Сложносочиненное предложение они называли *тезмәле кушма жәмлә*, сложноподчиненное — *бәйләүле кушма жәмлә*, сложноспаянное — *ияртуле* (позднее — *иярченле*) *кушма жәмлә* [об этом см. 4, стр. 270]. Однако в татарских и других тюркских грамматиках, написанных на русском языке, эта инициатива не была поддержана; по образцу русской грамматики как спаянные, так и придаточные предложения именовались без различия придаточными или синтетическими придаточными предложениями. Вместе с тем были также попытки называть спаянные предложения оборотами, оборотами с подлежащими, квазипредложениями, абсолютными оборотами или трансформой и т. д. На наш взгляд, эти названия нельзя считать удачными. Наиболее приемлемыми представляются термины «спаянное», «сложноспаянное». Таким образом, В. Г. Адмони внес необходимую ясность в определение парадигмы сложных предложений в тюркских языках и указал ее место в общей системе парадигм сложных конструкций в теоретической грамматике. Несомненно, в каждом из тюркских языков должны быть свои собственные термины для обозначения сложноподчиненных и сложноспаянных предложений. В татарском, как нам кажется, было бы целесообразно называть сложносочиненное предложение по-прежнему — *тезмә кушма жәмлә* (сочиненное предложение — *тезмә жәмлә*), сложноподчиненное — *тагылмалы кушма* (придаточное предложение — *тагылма жәмлә*), сложноспаянное — *иярченле кушма* (спаянное предложение — *иярчен жәмлә*).

Здесь необходимо высказать два замечания по поводу, во-первых, переходности сложноспаянного предложения и, во-вторых, возможности выражения подлежащего (субъекта) спаянного предложения косвенными падежами, с чем соглашается и В. Г. Адмони [1, стр. 31 и стр. 30, 36]. Действительно, в период господства теории стадийного развития языков придаточные предложения индоевропейского типа считались формами высшего порядка, а спаянные — переходными, еще не достигшими стадии форм придаточных предложений. По нашему мнению, эта теория не была основана на реальном положении вещей. Спаянные предложения являются, конечно, не переходными формами, а особыми синтаксическими явлениями, специфичными для тюркских языков. Что касается положения В. Г. Адмони о том, что субъект спаянного предложения порой может стоять в косвенном падеже, или спаянное предложение «часто обладает подлежащим в основном падеже», то следует сказать, что по общепринятому в тюркологии положению, спаянное предложение обязательно должно иметь подлежащее в основном падеже. Когда субъект (пусть даже самостоятельный) обозначается именем в косвенном падеже, то это уже не предложение, а второстепенный член, именуемый оборотом или развернутым членом предложения. На это указывал еще в 1939 году Н. К. Дмитриев [12, стр. 72, 73]. Кроме того, С. А. Соколов, приведя множество примеров, четко разграничил спаянные предложения и обороты, назвав последние распространенными членами предложения без наличия предикативности [13, стр. 179], которые должны быть включены в парадигму членов предложения.

5. Еще одно замечание о так называемых аналитико-синтетических формах, по терминологии Н. З. Гаджиевой, о гибридизации средств связи [5, стр. 379]. В указанных конструкциях совместно функционируют средства связи как придаточного (аналитические), так и спаянного (синтетические) предложения. Однако нам представляется, что нет необходимости добавлять в парадигму сложного предложения еще один член: аналитико-синтетический (гибридный), то есть придаточно-спаянного вида, ибо при внимательном анализе обнаруживается, что за незначительными исключениями некоторые из этих гибридов легко включаются в разряд сложноподчиненных, а другие — в разряд сложноспаянных предложений. Роль аналитических и синтетических средств связи в установлении синтаксических отношений между предложениями не одинакова: в одном случае ведущая роль принадлежит аналитическим средствам, в другом — синтетическим. В первом случае мы имеем дело со сложноподчиненным (и придаточным) предложением, во втором — со сложноспаянным (и спаянным) предложением. Например, туркм. *Ким көп яшан болса, ол көпи гөрөндир* 'Кто много жил, тот много видел'. Здесь в установлении связи между предложениями ведущую роль играют парные местоименные относительные слова *ким* — *ол*, синтетическое средство *-са* такой роли не играет; оно является скорее всего стилистическим средством. Следовательно, приведенный пример полностью относится к разряду сложноподчиненных предложений.

Условная форма *-са* используется иногда и параллельно с заимствованными подчинительными союзами *эгәр* 'если', *гәрчә* 'хотя' и т. д. В таких случаях *-са* играет ведущую семантическую роль; применение союзов является необязательным и поэтому такие конструкции относятся к сложноспаянным предложениям.

Что касается применения некоторых синтетических средств с сочинительными союзами *да*, *һәм* 'и' или с частицами, то последние придают синтетическим средствам дополнительные оттенки значений (*-са* имеет условное значение, а *-са да* — уступительное); при этом конструкция остается сложноспаянной.

Имеются и промежуточные конструкции, находящиеся между сложносочиненными и сложноподчиненными, а также между сложносочиненными и сложноспаянными предложениями [4, стр. 355—359]. Они также, за некоторым исключением, входят в один из трех членов парадигмы сложного предложения.

6. Таким образом, следует положительно оценить предложение В. Г. Адмони о введении в тюркскую грамматику трехчленной парадигмы сложного предложения.

Сложносочиненные предложения как в тюркских, так и в индоевропейских языках распространены одинаково; разница лишь в том, что в тюркских языках связь между их частями чаще всего осуществляется интонационными, а в индоевропейских — звуковыми средствами.

Сложноподчиненные предложения в русском языке получили широкое развитие: а) сложноподчиненные предложения с вопросительно-местоименной ориентированной связью частей [6, стр. 512—529], а также и с союзной связью, восходящей к применению вопросительных местоимений в роли союзов [6, стр. 471—510]; такие конструкции в тюркских языках появились под влиянием соседних языков и применяются очень редко; б) сложноподчиненные предложения с вопросительно-местоименным словом — в придаточной, с указательно-местоименным словом — в главной части [6, стр. 530—538], а также и с союзами, восходящими к указательно-местоименным и к вопросительно-местоименным словам, или только к вопросительно-местоименным словам, часто

вместе со словами, выражающими различные значения («зремя», «пора», «случай», «невзирая», «несмотря», «точно», «вроде», «независимо» и т. д.) [6, стр. 542—615]. Такие конструкции получили широкое распространение и в тюркских языках, где составляют стройную систему.

Сложноспаянные предложения в индоевропейских языках не составляют системы и используются скорее всего как исключение; в тюркских же языках они составляют систему и, что особенно важно, выступают синтетическими синонимами сложноподчиненных предложений. Заслуживает внимания синонимичность сложноподчиненных относительных и сложноспаянных предложений. Указательно-местоименное слово, находясь в составе главного предложения, заменяет целое придаточное предложение и может иметь словосоединительную форму (аффикс, послелог или послеложное слово). Для того, чтобы образовать его сложноспаянный синоним, необходимо вместо указательно-местоименного слова в главном предложении поставить придаточное предложение (опустив вопросительно-местоименное слово, если оно имеется), и сказуемому этого предложения придать форму указательно-местоименного слова: тат. *Кыш бик иртэ килде, шул сәбәпле мал азыгы житмәде* — *Кыш бик иртэ килү сәбәпле, мал азыгы житмәде* 'По причине того, что зима пришла очень рано, не хватило кормов для скота'; *Жил кайдан исә, болыт та шуннан килә* — *Болыт та жил искән яктан килә* 'Откуда дует ветер, оттуда и тучи идут'; *Ул икенче эшкә билгеләнде, шунлыктан трестка башка кеше килде* — *Ул икенче эшкә билгеләнгән лектән, трестка башка кеше килде* 'Его назначили на другую работу, поэтому в трест пришел другой человек' и т. д. [14, стр. 209—215]. Это еще раз подтверждает, что и в тюркских языках местоименные соотносительные слова должны считаться средством связи между предложениями; в морфологии же они должны быть признаны если не союзами, то союзными словами.

Приведенная парадигма сложного предложения начисто опровергает бытовавшее среди некоторых ученых устаревшее мнение, что в тюркских языках якобы отсутствуют «подлинно» сложные конструкции.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. В. Г. Адмони. Сложноспаянное предложение в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1982, № 3.
2. В. Г. Адмони. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. Л., 1973.
3. А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
4. М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.
5. Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.
6. «Русская грамматика. Т. II. Синтаксис». М., 1980.
7. М. З. Закиев. Хазерге татар әдәби теле. Синтаксис. Казан, 1958.
8. М. З. Закиев. Некоторые вопросы формирования сложноподчиненных предложений. — «Советская тюркология», 1972, № 2.
9. К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964.
10. Л. А. Покровская. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М. 1978.
11. «Грамматика современного башкирского литературного языка». М., 1981.
12. Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939; М. 1960.
13. С. А. Соколов. Типология сложных синтаксических конструкций в турецком языке. — В сб.: «Вопросы тюркской филологии», М., 1968.
14. М. З. Закиев. Синонимичность аналитических и синтетических сложных конструкций в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы тюркологии. К 60-летию академика АН Азерб. ССР М. Ш. Шириалиева», Баку, 1971.

П. И. КУЗНЕЦОВ

## О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИНФИНИТИВА НА -так

0. Известно, что аффикс *-так/-тек* формирует в ряде тюркских языков морфологические образования двух типов: 1) неопределенную форму глагола — инфинитив (например: тур. *al-tak* 'взять', *gel-tek* 'прийти' и т. п.); 2) отглагольные имена с конкретными значениями [например: *ek-tek* 'хлеб', *basamak* (*bas-a-tak*) 'ступенька' и т. п.]. А. М. Щербак указывает: «Избирательная субстантивация и адъективация имени действия на *-мак* началась давно, и поэтому „опредмечивание“ первоначальных процессуальных значений, с последующим преобразованием некоторых из них в качественные, повсеместно достигло больших размеров, хотя и не является одинаково глубоким во всех языках»<sup>1</sup>. Не исключено, на наш взгляд, что аффикс отглагольного словообразования вообще не имеет прямого отношения к аффиксу инфинитива. В данной статье рассматривается форма на *-так/-тек* только в значении инфинитива.

1. Почти все авторы, высказывавшиеся по поводу этимологического состава суффикса *-так/-тек*, усматривают в нем фузионное сращение двух аффиксальных морфем, обычно — *-та* и *-к*. По-видимому, впервые эта точка зрения была высказана (в 1916 г.) В. Бангом, а затем поддержана К. Брокельманом, который видел в *-так* «расширение» формы на *-та* за счет (суффиксов) *k, g* (*γ, h*)<sup>2</sup>. Г. Рамstedт рассматривал *-так* как «сочетание [имени на] -тп с суффиксом -ақ»<sup>3</sup>, а А. Н. Кононов и Б. А. Серебренников говорят об отглагольном имени (или «имени действия») на *-та, -те* в дательном-направительном (дательном, направительном) падеже<sup>4</sup>.

Свое несогласие с точкой зрения всех упомянутых ученых выражает А. М. Щербак, замечая, что «нет доказательств того, что *к* в аффиксе *-мак* некогда являлся самостоятельным морфологическим элементом»<sup>5</sup>. Если согласиться с А. М. Щербаком в том, что господствующая

<sup>1</sup> А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977, стр. 162.

<sup>2</sup> С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens, vierte Lief., Leiden, 1952, стр. 254.

<sup>3</sup> Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, стр. 101.

<sup>4</sup> А. Н. Кононов. Тюркские этимологии. — «Ученые записки ЛГУ», № 179. Серия востоковедческих наук, вып. 4, 1954, стр. 276—277; *его же*. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 115; *его же*. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, стр. 82; Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 238.

<sup>5</sup> А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 163.



тенденция формального преобразования морфологических элементов «заключается в их упрощении, в стяжении до одного слога или одного звука»<sup>6</sup>, то наиболее правомерной следует признать точку зрения С. А. Соколова, согласно которой форма на *-та* «произошла из формы на *-мак* вследствие отпадения конечного *К*»<sup>7</sup>, как, по-видимому, считали, судя по используемому термину, и турецкие авторы грамматик<sup>8</sup> и османисты-европейцы<sup>9</sup>. Однако и этот вывод А. М. Щербак находит необъяснимым, так как, по его мнению, «практически невозможно объяснить параллельное употребление аффиксов *-мак* и *-ма* в одних и тех же языках, если считать, что различие между ними является чисто фонетическим»<sup>10</sup>.

Думается, что соответствующее объяснение найти все-таки можно. Оба варианта некогда единого аффикса — *-мак* и *-та* (<*-мак*) — оказались устойчивыми в связи с тем, что в некоторых языках (в частности, в турецком) имело место частичное распределение функций между ними. Так, усеченную форму аффикса оказалось удобнее использовать в сочетании с аффиксами принадлежности (ср. *-та + -si*, например: *al-ta-si* 'его взять'/'его взятие'), и постепенно она превратилась в глагольное имя: полная же форма (*-мак*), хотя и продолжала присоединять к себе аффикс *-i* (*-bi*), но только как показатель винительного падежа [*al-mak + -i = al-mağ-i* 'взять'/'взятие' (в винит. падеже), например: *al-mağ-i* (или *al-ma-ı*) *düşünüyor* 'он думает взять'], и, таким образом, получила статус «чистого» инфинитива, не имеющего посессивной связи со своим референт-субъектом (по типу «его взятие», «мое чтение» и т. п.), то есть не являющегося глагольным именем в собственном смысле слова<sup>11</sup>.

2. Строгое следование установкам теории именного происхождения тюркского глагола проявило себя при решении исследуемого вопроса в том, что все авторы, занимавшиеся этимологизацией аффикса *-мак*, ограничивали свою задачу исключительно поисками «лежащего в основе» формы инфинитива (от)глагольного имени (как указывалось выше, это было, по мнению исследователей, либо имя на *-та*, либо имя на *-м*), хотя выявление аффикса того или иного (от)глагольного имени никак не может считаться конечным этапом этимологического разыскания.

Не притерживаясь упомянутой выше теории, мы, естественно, сразу же отказываемся от каких-либо поисков в этом направлении, избрав классический путь этимологизации: аффикс <знаменательное слово.

Легко установить, что единственным словом, которое могло трансформироваться в морфему *-мак/-тек*, является популярный глагол *bak*<sup>12</sup> 'смотреть, глядеть'. Действительно, сонорное [m] не характерно для анлаута слов тюркского происхождения. Очевидно, что [m] морфе-

<sup>6</sup> А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 27.

<sup>7</sup> С. А. Соколов. О некоторых отглагольных именах в турецком языке. Канд. дисс. (машинпись). М., 1952, стр. 112.

<sup>8</sup> См.: А. Н. Кононов. Система турецкой грамматики в изложении турецких авторов. Канд. дисс. (машинпись). (Л., 1939), стр. 109 [*inceltilmiş (tahfifi) mastar* — 'усеченный инфинитив'].

<sup>9</sup> У Менинского форма на *-та* — «аторой инфинитив» (*M. Meninski. Linguarum orientalium turcica... seu Grammatica turcica. Viennae, 1680, стр. 80*), у Вармунда и позднейших авторов — «усеченный инфинитив» (*verkürzte Infinitiv; A. Warmund. Praktisches Handbuch der osmanisch-türkischen Sprache. Gießen, 1869, стр. 179*).

<sup>10</sup> А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 163.

<sup>11</sup> Однако «распределение функций» не было полным; обе формы во многом и сейчас сохраняют между собой «связь и общность» (см. об этом: С. А. Соколов. О некоторых отглагольных именах в турецком языке. Автореф. канд. дисс. М., 1952, стр. 7).

<sup>12</sup> После *bak* мы не ставим дефиса (*bak-*), поскольку превращение слов в аффиксы в принципе происходило в условиях доморфологического развития языка или, точнее говоря, знаменовало собой начальный этап процесса морфологизации.

мы -так восходит к [b], по типу: *tip* 'тысяча' < *bin*, *men* 'я' < *ben* и проч.<sup>13</sup>

3.0. Высказанное предположение о происхождении аффикса -так/-тек одновременно позволяет применить и достаточно эффективный способ проверки его надежности. Известно, что морфема -так характерна не для всех тюркских языков, а, с другой стороны, не во всех из них имеется и глагол *bak*- 'смотреть, глядеть'. Второе (исходя из предположенной гипотезы) вполне естественно: если действительно морфема -так восходит к глаголу *bak*-, то должна обнаруживаться прямая связь между наличием (в том или ином языке) инфинитива на -так и употребительностью (в нем же) глагола *bak*-, ибо названная форма не могла бы возникнуть в том языке (в период образования, по видимому, — диалекте или говоре), где указанный глагол не употреблялся. В таком случае, если проверка фактов подтвердит наличие упомянутой связи, то едва ли это можно будет расценить как «случайность».

3.1. Начнем с инфинитива. Н. К. Дмитриев писал в свое время, что с точки зрения «тех типов инфинитива, которые приняты в грамматике и имеют какую-то жизненную базу в устной речи, тюркские языки можно разбить минимум на четыре группы»<sup>14</sup>. Мы также разделим все тюркские языки по указанному признаку на четыре группы, хотя и несколько иные, чем предлагал Н. К. Дмитриев. Разумеется, «границы» между смежными группами являются достаточно «размытыми» и в определенной мере условными.

Группу А составляют языки, в которых имеется инфинитив на -так и нет никакого другого инфинитива. В эту группу войдут тюркские языки юго-западной группы, в первую очередь — турецкий<sup>15</sup>, азербайджанский и туркменский. К ним можно подключить и некоторые другие языки, в частности чувашский. Здесь аффикс -ма(-ме), выполняющий функции инфинитива, «представляет собой усеченную форму тюркского аффикса -мак (-мек). Конечное заднеязычное *k* позднее отпало»<sup>16</sup>.

В языках группы Б словарной формой инфинитива также выступает форма на -макъ, -мек (или -моқ), но она не является единственной; мало того, в большинстве случаев она лишь условно может быть названа инфинитивом. Эту группу представляют такие языки, как кумыкский, узбекский, уйгурский. В кумыкском языке два инфинитива: 1) на -макъ, -мек, 2) на -ыв, -ув, -в<sup>17</sup>. В узбекском языке «в качестве инфинитива принята форма с аффиксом -моқ, которая по-существу является именем действия»<sup>18</sup>; здесь отмечают «значительное количественное ограничение формы на -моқ, вытесняемой... формой на -(и)ш»<sup>19</sup>. В уйгурском языке

<sup>13</sup> См. также: Б. А. Серебрянников. Из истории звуков и форм тюркских языков.— «Советская тюркология», 1974, № 6, стр. 5.

<sup>14</sup> Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 170.

<sup>15</sup> Отметим, что автор статьи об «инфинитивах» в тюркских языках («Советская тюркология», 1981, № 3) М. Р. Федотов, с нашей точки зрения, неверно оценил причину, по которой в «Турецко-русском словаре» (М., 1977, см. «О построении словаря», стр. 15) «при глаголах с однокоренной основой приводится аорист: *birnak* (*birnar*)...», и в итоге пришел к выводу, что «употребление причастия на -г в качестве инфинитива вовсе не связано с индивидуальными вкусами авторов грамматик и словарей» (стр. 6). Во всяком случае, в турецком языке употребление причастия на -г в качестве инфинитива абсолютно исключено.

<sup>16</sup> «Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая. Морфология». Чебоксары, 1967, стр. 213. (Автор раздела — В. Г. Егоров).

<sup>17</sup> Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 126.

<sup>18</sup> А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 187.

<sup>19</sup> М. Нишанов. Сопоставительное изучение инфинитива во французском и узбекском языках. Автореф. канд. дисс., М., 1978, стр. 4.

отмечается «редко употребляемая и условно называемая «инфинитивной» форма глагола на -мак/-мэк»<sup>20</sup>.

В группу В войдут языки, в которых форма на -так: 1) не является словарной формой инфинитива и 2) либо составляет «один из инфинитивов» (периферийный по значению), либо вообще не фиксируется как инфинитив, а употребляется (в сочетании с другими словообразовательными или словоизменительными аффиксами) лишь в каких-то особых, специфических значениях. Эта группа представлена башкирским, татарским, каракалпакским, казахским и некоторыми другими языками. Например, в башкирском языке три инфинитивные формы [1) -ыу, -оу, -у, 2) -ырга, 3) -мак], причем последняя наименее употребительна<sup>21</sup>. В каракалпакском языке наиболее продуктивным аффиксом, «образующим имя действия», является аффикс -ув, -юв, -в; в числе менее продуктивных аффиксов этого рода отмечаются и аффиксы -макь/-мек, -бакь/-бек, -пакь/-пек<sup>22</sup>.

Наконец, группа Г представлена такими языками, как якутский, хакасский и некоторые другие, совершенно не знающими форму на -так/-тек<sup>23</sup>.

3.2. Перейдем к вопросу о глаголах со значением «глядеть, смотреть»<sup>24</sup>. По данному признаку также можно расчленить тюркские языки на четыре группы.

В группу А включаются языки, где понятие «глядеть (смотреть)» передается глаголом бакмак (bahmaq) и только им (турецкий<sup>25</sup>, азербайджанский) или же, если для передачи указанного понятия привлекаются и другие глаголы, то основным среди них является все же глагол бак- (туркменский; чувашский: пӑх<sup>26</sup>).

В группу Б следует включить языки, в которых эквивалентом русских глаголов «глядеть», «смотреть» является прежде всего глагол к̣ъарамак̣ъ (қарамоқ) и лишь во вторую очередь — бак̣ъмак̣ъ (боқмоқ). Это такие языки, как кумыкский, узбекский<sup>27</sup>; в уйгурском глагол бак̣мак̣ зарегистрирован в значении «смотреть (приоценивать)»<sup>28</sup>.

Группу В составят языки (башкирский, татарский, каракалпакский, казахский, киргизский и др.), в которых понятие «глядеть (смотреть)»

<sup>20</sup> Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 83—84.

<sup>21</sup> См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 171—173. Как считают авторы «Грамматика современного башкирского литературного языка» (М., 1981), «Основной формой инфинитива в современном башкирском языке является глагол с аффиксом -рга...» (стр. 318).

<sup>22</sup> См.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология М., 1952, стр. 416—417, 420.

<sup>23</sup> См.: Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Часть первая. Фонетика и морфология. Под редакцией проф. Н. К. Дмитриева. Якутск, 1947, стр. 168; «Грамматика хакасского языка». Под редакцией проф. Н. А. Баскакова М., 1975, стр. 173 (второй раздела — В. Г. Карпов).

<sup>24</sup> Не следует путать глаголы со значением «глядеть (смотреть)» и глагол со значением «видеть»; в последнем значении во всех тюркских языках выступает глагол ḳōr-(g̣ōr-); отсюда морфемы, восходящие к этому глаголу, — прежде всего, как мы предполагаем, аффикс дательно-направительного падежа -(ḳ)z, -(ḳ)e (<каги, -кеги) — представлены во всех тюркских языках.

<sup>25</sup> В «Турецко-русский словарь» (М., 1977) под влиянием Турецкого толкового словаря (Türkçe Sözlük) включен, правда, глагол kağatak 'смотреть, высматривать' (стр. 513), однако на практике за более чем сорокалетнее знакомство с турецким языком он нам ни разу не встретился.

<sup>26</sup> См.: «Русско-чувашский словарь». Под редакцией И. А. Андреева и Н. П. Петрова. М., 1971, стр. 130, 724.

<sup>27</sup> См.: «Русско-кумыкский словарь». Под редакцией З. З. Бамматова. М., 1960, стр. 152 (ср. стр. 941—942); «Русско-узбекский словарь». Под редакцией Р. Абдурахманова. М., 1954, стр. 135.

<sup>28</sup> См.: «Русско-уйгурский словарь». Под редакцией Т. Р. Рахимова. М., 1956, стр. 1192.

передается либо только глаголом *карау* (*қарау, кароо*) и производными от этого глагола (*қарап тору/тороу* и др.)<sup>29</sup>, либо, в специальных значениях, также глаголом, производным от корня *bak-* (каракалпакский: «смотреть» 1. *қарау*; . . . 4. *бақылау*<sup>30</sup>). Нельзя, однако, утверждать, что языкам этой группы совершенно неизвестен глагол *бакыу* (*бағыу*...). Перепроверка по «обратному» словарю показывает, что соответствующий глагол употребляется в данном языке, но, несомненно, редко, или же, главным образом, в особых значениях<sup>31</sup>.

В языках группы Г глагол *bak-* вообще не представлен; здесь не употребляется также и глагол *қара(у)*-. Это якутский, хакасский и некоторые другие языки, в которых глагол *көр-* (*көөр, көрөргө*) получил, помимо значения «видеть», также значение «смотреть (глядеть)»<sup>32</sup>.

3.3. Сопоставим классификацию языков, полученную по признаку наличия-отсутствия в языке инфинитива (или глагольного имени) на -так (-tag), с классификацией на основании употребительности-неупотребительности глагола *bak-*(*baq-*) 'глядеть, смотреть'. Легко заметить, что группировки языков, выделившиеся на основании объективных признаков в первом и втором случаях, совпадут с достаточно большой точностью. Так, языки турецкий, азербайджанский, туркменский, а также чувашский, попадут в группу А на основании обоих признаков, тогда как, например, якутский и хакасский языки окажутся в группе Г, тоже и по тому и по другому признаку и т. д.

Не противоречат нашим выводам также и данные древнетюркских языков. В орхоно-енисейском, как известно, не были представлены ни инфинитив (-так), ни глагол *bak-*; этот язык, по-видимому, относился к числу *kög-*языков. В древнеуйгурском, наоборот, зафиксирован и глагол *bak-* и форма на -так<sup>33</sup>; тем не менее, и этот язык (как и современный уйгурский) не является типичным представителем группы А (то есть *bak-/*-так-языком). Думается, именно поэтому отглагольные имена на -так/-тек здесь «не имеют значения инфинитива», а не вследствие того, что они его приобрели позже («в современных языках», как писал В. М. Насилов)<sup>34</sup>.

Можно полагать, что в отдаленном прошлом в тюркском праязыке был представлен только глагол *kög*, имевший значение и «видеть», и «смотреть, глядеть», а после разделения тюркских племен на западную (З) и восточную (В) ветви у З-племен появился глагол *bak-* 'глядеть (смотреть)', на основе которого позже возник инфинитив, или имя-инфинитив, на -так; дальнейшее членение З-племен (>народов) привело к тому, что и глагол *bak-* и форма на -так(-tag) стали более характерны для языка юго-западного (ЮЗ) ответвления народов; на остальной же

<sup>29</sup> См.: «Русско-башкирский словарь». М., 1964, стр. 143, 795; «Русско-татарский словарь». Казань, 1971, стр. 120, 665; «Русско-казахский словарь». Под общей редакцией проф. Н. Т. Сауранбаева. М., 1964, стр. 131, 755; «Русско-киргизский словарь». Под редакцией проф. К. К. Юдахина. М., 1957, стр. 134, 795.

<sup>30</sup> «Русско-каракалпакский словарь». Под редакцией Н. А. Баскочова. М., 1947, стр. 691 (ср. стр. 1142: «глядеть» 1. *қарау*...).

<sup>31</sup> См.: «Башкирско-русский словарь». М., 1958, стр. 69 (*бағыу* 1) смотреть, посмотреть, глядеть, поглядеть...); «Киргизско-русский словарь». Составил проф. К. К. Юдахин. М., 1965, стр. 99 (*bak-* 1. присматривать, ухаживать за кем-чем-л.; воспитывать (растить); пасти (скот)...; 3. смотреть).

<sup>32</sup> См.: «Русско-якутский словарь». Под редакцией П. С. Афанасьева и Л. Н. Харитонова. М., 1968, стр. 63, 110, 589; «Русско-хакасский словарь». Под редакцией Д. И. Чанкова. М., 1961, стр. 95, 158, 800.

<sup>33</sup> См.: В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960; *его же*. Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 25 (-мак/-мэк); С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 368 (*baq-*); «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 81 (*baq-*), 657 (-tag).

<sup>34</sup> В. М. Насилов. Древнеуйгурский язык, стр. 25.



территории, населенной 3-народами, возник еще один глагол со значением «глядеть (смотреть)» — кага- [почти не известный в языке (>языках) ЮЗ ответвления народов], в результате чего постепенно значительно сузилась сфера употребления в речи глагола bak-, а вместе с тем — и формы на -так, окончательно укоренившейся в то же время в языках ЮЗ ответвления.

4. Определить конкретный путь превращения глагола со значением «(я, ты, он...) смотрел/смотрю...» или «смотри!» в морфему весьма абстрактного содержания, каковой является аффикс инфинитива, несомненно, не просто. Соответствующий процесс можно в главных чертах представить себе следующим образом.

Известно, что глагол bak- (в той или иной форме) нередко употребляется как своего рода модальное слово, придавая сообщению или чаще, приказанию оттенок дополнительного побуждения: «посмотрим-ка» → «ну-ка» (ср. тур.: Söyle bakalım! 'Ну-ка, скажи!', 'Скажи-ка!'<sup>35</sup>). Можно думать, что тот же оттенок значения передавал глагол bak и в период становления грамматической системы языка. В таком случае легко представить себе обращения к собеседнику, типа: al bak! 'смотри возьми!', 'ну-ка возьми!' (досл. 'возьми смотри'), kit bak! 'смотри пойдй!' (досл. 'пойди смотри') и т. п. Если же собеседник мимикой или посредством вопроса показывал, что ему не ясны мотивы такого «усиленного» побуждения к действию, отдающий распоряжение мог в известной мере разъяснить и дополнить его словом Kergek (>gerek)! '(Это) нужно!'. В целом получалось: Al bak! Kergek! 'Смотри возьми! Нужно!' Kit bak! Kergek! 'Смотри пойдй! Нужно!' и т. п.

Два следующих один за другим глагола, второй из которых только «модифицировал» приказание, могли сливаться в произношении. Возникал как бы единый глагол, который в сочетании с kergek (gerek) 'нужно' легко мог получить новое, «инфинитивное» осмысление; при этом общий смысл высказывания — хотя вместо двух предложений получалось одно — менялся незначительно: Al bak. Kergek! ('Смотри возьми! нужно!') → Al bak kergek! ('Взять нужно!'); Kit bak. Kergek! ('Смотри пойдй: нужно!') → Kit-bak kergek! ('Пойти нужно!'). Процесс был окончательно завершён, когда анлаутное [b] (в слове bak) сменилось сонорным [m]: al-bak kergek → al-mak kergek, kit-bak kergek → kit-mak (git-mak) kergek (gerek) и т. п.

Замена начального [b] звуком [m] в форме инфинитива была весьма желательна потому, что глагол bak 'смотри', несомненно, продолжал употребляться в «побудительном» значении (al bak! 'смотри возьми!'), и надо было как-то формально разграничить это употребление глагола bak и употребление bak (>mak) в качестве служебного слова, а затем и аффикса с инфинитивным значением.

5. Наши соображения о происхождении аффикса -так/-тек могло бы дополнительно еще раз подтвердить обнаружение в каком-либо из памятников следов одновариантности аффикса инфинитива, типа \*git-mak (или kit-pak) 'идти', \*bir-mak (или vir-bak) 'давать' и т. п. (но не: \*al-mek, \*dur-mek и т. п.). В этом отношении нас заинтересовало замечание П. М. Мелиоранского об аффиксе «неопределенного наклоения» у араба-филолога (Ибн-Муханны).

Ибн-Муханна указывал, что ك (лек) присоединяется только к глаголам, начинающимся на ك (k'). Однако П. М. Мелиоранский отметил, что, судя по приводимому списку глаголов (см. стр. 34,5 —

<sup>35</sup> А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 351, § 723. 5а.

38,11), окончание *ماك* имело гораздо большее распространение. «По всей вероятности, — замечает П. М. Мелиоранский, — дело сводилось к тому, что при корнях с гортанными гласными употреблялось *ماق*, а при корнях с небными — *ماك*, хотя строгой последовательности в употреблении этих двух окончаний мы вообще не находим»<sup>36</sup>.

Мы предположили, что «непоследовательности» в соблюдении принципа небного притяжения должны, очевидно, носить «односторонний» характер: за небным гласным корня глагола в некоторых случаях следует — или, если написание отражало отживающие нормы произношения, в недалеком прошлом следовал — небный (задний) гласный аффикса, то есть вариант *ماق* (но не наоборот!), и обратились к упомянутому выше списку глаголов.

Обследование подтвердило наши предположения. Прежде всего легко заметить, что вариант -так ( *ماق* ) фигурирует в списке значительно чаще, чем -тек ( *ماك* ). На стр. 34—36 помещено всего 99 масдаров с формой -так, -тек причем в 76 случаях (76,7%) представлен первый вариант. Еще важнее то, что этот вариант действительно нередко избирается после небных гласных корня глагола, например: *йўзмак* ( *يزمق* ) 34,15, *бичмак* ( *بيچمق* ) 35,8, *истемак* ( *ايستمق* ) 36,4, *севмак* ( *سومق* ) 36,6, *бирмак* ( *بيرمق* ) 36,12 и др. Отметим, что изредка вариант -так следует даже при наличии в корне глагола согласного [k'] ( *ك* ), например: *оксўрмак* ( *اگورمق* ) 37,13.

Тот факт, что еще в сочинении середины XIII века предпочтение отдавалось небному (-так) варианту аффикса инфинитива, говорит, между прочим, об относительной «молодости» этого аффикса, а, с другой стороны, свидетельствует против взгляда о его фузионном происхождении (а тем самым и против фузионной теории в целом), так как ясно указывает на сохранявшуюся в то время и, следовательно, достаточно живую связь между данным аффиксом и его этимологом (bak-). Если бы аффикс -так/-тек был образован путем сращения двух морфем, давно, естественно, утративших все связи с лежащими в их основе лексемами, то факт его частичного «неподчинения» железному закону гармонии гласных, имея в виду принцип небного притяжения, невозможно было бы объяснить.

<sup>36</sup> П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. LVII, LVIII.

Ж. М. ГУЗЕЕВ

## О ПРИНЦИПАХ ОТБОРА НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Толковые словари тюркских литературных языков, обычно включающие в свой словник общеупотребительную лексику, являются одновременно фактически и нормативными. Однако на этом основании неправомерно включать в них все ненормативные средства речи. Вместе с тем применение принципа нормативности при отборе лексики для того или иного толкового словаря вовсе не значит, что должно быть отброшено все не укладывающееся в строгие рамки системы современного словоупотребления. Многие из ненормативных слов широко употребительны в языке и потому понятны всем его носителям. Поскольку толковые словари должны охватывать все наиболее употребительные в языке слова, они включают и определенную часть ненормативной лексики.

В данной статье рассматриваются принципы отбора для толковых словарей тюркских языков некоторых разновидностей ненормативной лексики — диалектизмов, историзмов и архаизмов.

**Диалектизмы.** Решение вопроса о включении или невключении того или иного диалектизма в словник толкового словаря любого тюркского языка во многом зависит от правильного разграничения диалектизмов от регионализмов, просторечных и разговорных слов, а также определения типов диалектизмов. Дело в том, что в толковых словарях некоторых тюркских языков указанное разграничение не проводится и в словник включаются диалектизмы не только этнографические, собственно лексические и лексико-семантические, но и фонетические, лексико-фонетические и лексико-словообразовательные.

В лингвистической литературе часто можно встретить определение «диалектизмы, употребляемые в общенародном языке», то есть под диалектизмом здесь понимается слово, вошедшее в литературный язык из диалекта. Например, слова *шёндю* 'сейчас, в настоящее время', *юлкю* 'куст' до конца 50-х годов употреблялись только в *ц*-диалекте карачаево-балкарского языка, с начала же 60-х годов они стали употребляться и в *ч*-диалекте этого языка, затем, часто появляясь в периодической печати и художественной литературе, прочно вошли в литературный язык. Следовательно, в современном карачаево-балкарском языке эти слова ныне принадлежат уже к общеупотребительной, активной лексике. В этой связи нельзя безоговорочно согласиться со следующим положением «Словаря современного русского литературного языка»: «...в Словаре находят место те областные, провинциальные слова, которые являются материалом общенационального языка, а не достоянием только местных говоров»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> «Словарь современного русского литературного языка» (в 17-ти томах). Т. 1, А—Б, М.—Л., 1948, стр. 5.

Диалектизмы не следует смешивать и с регионализмами, то есть со словами, которые будучи в сущности литературными, однако ограничены в употреблении определенной географической областью. Примерами регионализмов являются такие карачаево-балкарские слова, как *ауана* (балк.)/*кёлекке* (кар.) 'тень', *хораз*, *адакъа* (балк.)/*гугурук* (кар.) 'петух', *юзмелт* (балк.)/*билезик* (кар.) 'клок чесаной шерсти', *элхууур* (балк.)/*ахуюл* (кар.) 'шуга, ледоход' и др. Регионализмы бывают лексические [например, кар.-балк. *юфкюр* (балк.)/*юр* (кар.) 'дуть (на что или во что-либо)', *гебенек* (балк.)/*гёбелекке* (кар.) 'мотылек'] и лексико-фонетические [например, кар.-балк. *чалгъы* (балк.)/*чалкъы* (кар.) 'коса (с.-х. орудие)', *биз* (балк.)/*миз* (кар.) 'шило'].

Регионализмы в языке возникают в связи с проживанием носителей одного и того же языка в разных территориально разделенных регионах; например, карачаевцы живут в Карачаево-Черкесской Автономной области, а балкарцы — в Кабардино-Балкарской АССР. Слова *ауана*, *хораз*, *адакъа*, *юзмелт*, *элхууур*, *юфкюр*, *гебенек*, *чалгъы*, *биз* общеупотребительны в языке балкарцев, но редко встречаются в языке карачаевцев, и, наоборот, слова *кёлекке*, *гугурук*, *билезик*, *ахуюл*, *юр*, *гёбелекке*, *чалкъы*, *миз* общеупотребительны в языке карачаевцев, но редко встречаются в языке балкарцев. Тем не менее все эти слова принадлежат к карачаево-балкарскому литературному языку, поэтому они должны быть включены в словники двуязычных и толковых словарей карачаево-балкарского языка, с обязательными пометами, указывающими на территориальную ограниченность их употребления.

Диалектизмы могут быть подразделены на основе классификации Н. М. Шанского<sup>2</sup> на следующие группы: 1) собственно лексические, 2) лексико-фонетические, 3) фонетические, 4) лексико-словообразовательные, 5) лексико-семантические и 6) этнографические.

Собственно лексические диалектизмы — это обычно местные названия предметов и явлений, имеющие в литературном языке иные наименования: кирг. диал. *бадыбот* (лит. *кесе*) 'большая пиала', диал. *кечит* (лит. *кечүү*) 'брод'; кар.-балк. диал. *зюдюр* (лит. *къара наныкъ*) 'ежевика', диал. *фулму* (лит. *букъу*) 'мучная пыль'; тат. диал. *игэч* (лит. *кыз туган*) 'сестра, старшая сестра', диал. *олан* (лит. *бала*) 'ребенок, малыш, дитя'; башк. диал. *инэй* (лит. *эсэй*) 'мать, мама', диал. *эндэт* (лит. *кизеу*) 'повальная болезнь (обычно не тяжелая)' и т. п.

Лексико-фонетические диалектизмы — это слова, отличающиеся от соответствующих им литературных слов лишь определенными особенностями звучания, не зависящими от специфики фонетической системы диалекта (или говора) и литературной речи, ср.: кар.-балк. диал. *хаман* (лит. *хаман*) 'баня', диал. *къарыца* (лит. *къаура*) 'стебель (травянистого растения)'; кирг. диал. *жамч* (лит. *жамы*) 'все, всё; итог, сумма', диал. *маша* (лит. *машат*) 'родник, ключ (обычно в каменной почве)' и т. д.

Иногда лексико-фонетические диалектизмы смешивают с фонетическими диалектизмами. Например, составители инструкции ТСКЯ (I) к фонетическим диалектизмам относят как собственно фонетические [*кысыл* (лит. *кызыл*) 'красный', *өшөр* (лит. *нөшөр*) 'ливень'], так и лексико-фонетические [*энди* (лит. *эми*) 'теперь, в настоящее время', *олуг* (лит. *орун*) 'место'] диалектизмы<sup>3</sup>.

<sup>2</sup> Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1972, стр. 118—120.

<sup>3</sup> «Эки томдук „Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгүн“ түзүү үчүн инструкция». Түзүүчүлөр Э. Абдулдаев, Д. Исаев. Фрунзе, 1964, стр. 14—15.



Фонетические диалектизмы представляют собой диалектные факты, касающиеся не целостных лексических единиц, как это бывает в лексико-фонетических диалектизмах, а только звуков. Например, фонетическими диалектизмами являются в карачаево-балкарском языке звуки *ц, ф, з* на месте литературных *ч, п, ж* в словах: *царыкъ* (лит. *чарыкъ*) 'тапочка', *тыфыр* (лит. *тыпыр*) 'очаг', *зол* (лит. *жол*) 'дорога, путь'; в киргизском звуки *э, с* на месте литературных *е/а, з* в словах: *мэкэ* (лит. *меке*) 'кукуруза', *мэни* (лит. *маани*) 'значение', *таса* (лит. *таза*) 'чистый'.

Лексико-словообразовательные диалектизмы отличаются от своих литературных синонимов словообразовательными элементами при тождестве корня, ср.: кар.-балк. диал. *махтангыч* (лит. *махтанчакъ*) 'хвастун'; тат. диал. *кечтек/кечтеки* (лит. *кечкенэ*) 'маленький'; каз. диал. *этқақта* (лит. *атқыла*) 'обстреливать'; кирг. диал. *терлик* (лит. *гердик*) 'подкладка потника, подпотник'; туркм. диал. *чалгы* (лит. *чалкама*) 'жидкий машевый суп' и т. п.

Лексико-семантические диалектизмы, звуковой состав которых сходен с звуковым составом слов литературного языка, отличаются от последних по значению (или дополнительным значениям), ср.: кар.-балк. *жингирик* 'локоть' имеет также в *ц*-диалекте значение 'громкий плач (обычно детский)', *тагы* 'выступ на скале, яре', в *ц*-диалекте еще 'ручеек в лесу'; кирг. *бытыра* 'дробь (охотничья)', в южных говорах также 'баурсаки (печенье в виде жаренных в жире кусочков теста)', *тукум* 'семя, семена; потомство, поколение; порода (животных)', в диалектах также 'яйцо' и др.

Этнографические диалектизмы — это названия местных предметов, возникновение и существование которых в языке связано со спецификой быта и трудовой деятельности носителей того или иного диалекта (или говора). Поскольку такие диалектизмы называют предметы и явления, не входящие в общенародный обиход, они не имеют параллелей в общенациональном литературном языке. К этнографическим диалектизмам относятся, например: кар.-балк. *мыры* 'поляна в лесу', *мыр-жыйук* 'сурепка', *фотку* 'опилки (древесные)'; кирг. *аят 1* (ров вокруг земельного участка, ограждающий участок от скота), *балиш* 'подушка в виде валика', *кайналы* 'дикая слива' и т. д.

В тюркской лексикологии еще не выработаны критерии отнесения того или иного слова к диалектизмам или к другим пластам лексики, что иногда затрудняет решение лексикографических вопросов. Например, не всегда отчетливым бывает различие между диалектизмом и регионализмом. Объясняется это тем, что, не располагая данными о территории распространения слова, об употреблении его теми или иными писателями, носитель данного языка при решении вопроса о его литературности и нелитературности порою бывает вынужден руководствоваться только своим языковым чутьем. Такими данными «далеко не всегда располагают и составители больших толковых словарей, имеющие в своем распоряжении обширные, но тем не менее в ряде отношений недостаточные картотеки»<sup>4</sup>. Поэтому в некоторых толковых словарях иногда региональные слова квалифицируются как диалектные.

Не совсем четким бывает и различие между диалектизмом и просторечием. В тюркских языках существуют просторечные слова, имеющие диалектную окраску. Так, например, в карачаево-балкарском языке некоторые просторечные слова в речи карачаевцев и балкарцев употребляются в разных формах, ср.: *буштукъла* (в речи балкарцев) и *быстыр*

<sup>4</sup> В. П. Берков. Вопросы двуязычной лексикографии. Л., 1973, стр. 82.

(в речи карачаевцев) 'уплеть', *сыпырт* (в речи балкарцев) и *кзым* (в речи карачаевцев) 'стянуть (украсть)'.

Подобные слова, по терминологии В. П. Беркова, называются региональными просторечными словами. С нашей точки зрения, такие слова в толковых словарях должны быть снабжены двойной пометой: «кар. прост.», «балк. прост.».

Просторечная лексика отличается от стилистически нейтральной лексики грубостью и резкостью оценки, эмоциональной окрашенностью, присущей слову. Просторечные слова проникают в литературный язык из разговорной речи, в которой еще сохраняются диалектные особенности. Однако просторечиями становятся не все диалектизмы, а лишь те из них, которые и в диалектах (или говорах) «несут на себе яркую выразительность и эмоциональную окрашенность»<sup>5</sup>.

Процесс проникновения диалектизмов тюркских языков в словарный состав литературного языка, обогащающий последний номинативными и экспрессивно-стилистическими элементами, — постоянен. Это ставит вопрос о допущении в словник словаря литературного языка и диалектных слов. Однако принципы отбора диалектизмов не разработаны с достаточной четкостью. Например, в инструкции для составления толкового словаря туркменского языка указывается, что «диалектные слова включаются в словарь, если они употребляются в современной и научно-популярной литературе...»<sup>6</sup>. Однако данный критерий не может служить основанием для введения в нормативный словарь диалектизмов. Дело в том, что, во-первых, как в художественную, так и в научно-популярную литературу местные названия растений, животных, различных предметов и т. п. нередко проникают случайно. Во-вторых, употребление диалектизмов в художественной литературе «преследует прежде всего художественную цель»<sup>7</sup>.

Таким образом, для введения диалектного слова в словарь литературного языка одного факта употребления его в художественной или другого рода литературе явно недостаточно. Учитывая это, абсолютное большинство составителей толковых словарей тюркских языков одним из критериев включения диалектизмов в словарь считают частоту употребления данного слова в литературе, преимущественно художественной. Этот критерий отбора диалектных слов, верный в своей основе, также не может быть исчерпывающим, ибо остаются неясными два вопроса: 1) как правильно установить, является ли данное слово диалектным или оно входит в словарный состав общенационального языка? 2) все ли диалектные слова, встречающиеся в произведениях литературы, могут быть включены в нормативный словарь? Поэтому в толковые словари тюркских языков в число диалектных слов порою включают, как уже указывалось, просторечные, разговорные слова.

Усвоение диалектных слов литературным языком определяется многими факторами. Использование их в языке художественной литературы — лишь один из каналов проникновения слов в литературный язык. Тем не менее роль художественной литературы в усвоении диалектизмов литературным языком достаточно велика. Например, слова *абери* 'что-либо', *уууз* 'молозиво', *кезлеу* 'родник' в карачаево-балкар-

<sup>5</sup> А. И. Федоров. О принципах отбора областных слов в толковых словарях современного русского языка. — «Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. И. Герцена», т. 248 (Вопросы языкознания), 1963, стр. 183.

<sup>6</sup> «Инструкция для составления „Словаря туркменского языка“». Рукопись, Ашхабад, 1956, стр. 5.

<sup>7</sup> О. Г. Порохова. Областная лексика в словарях русского литературного языка. — «Современная русская лексикография». Л., 1975, стр. 112.

ском языке примерно до 50-х годов были известны только носителям *ц*-диалекта. Теперь же эти слова твердо вошли в общенациональный литературный язык благодаря широкому их употреблению в художественных произведениях. Слово *дақыл* 'разводимые, культивируемые растения' первоначально встречалось только в южно-казахских диалектах, а затем, благодаря частому употреблению в художественной литературе, утвердилось в литературном языке<sup>8</sup>. Последнее обстоятельство подтверждается тем, что данное слово активно участвует в образовании сложных терминов, ср.: *бақша дақылдары* 'бахчевые культуры', *дәнді дақыл* 'злаковые культуры' и т. п. Своим утверждением в литературном языке обязаны художественным произведениям также диалектизмы: кирг. *кечит* 'брод', *олут* 'место', *энди* 'теперь, в настоящее время'; туркм. *важып* 'важный, существенный', *деслапкы* 'предварительный'; тат. *буйдак* 'холостяк', *жайдак* 'всадник, наездник, седок (без седла)', *ажаган* 'зарница' и многие другие.

Тем не менее, в художественной литературе диалектные слова встречаются редко, притом главным образом в речи персонажей. Иначе говоря, употребление диалектизмов в художественных произведениях говорит не столько об их усвоенности литературным языком, сколько о языке того или иного писателя.

Вторым и, надо сказать, основным критерием для включения диалектизмов в словари тюркских литературных языков является их распространенность в диалектах (или говорах). Однако установление этого факта не представляется возможным, так как в картотеках толковых словарей отсутствуют записи диалектной речи.

Широкое хождение диалектного слова также еще не свидетельствует о его усвоении литературным языком. Например, в *ц*-диалекте карачаево-балкарского языка довольно широко распространены слова *кэыйтхы* 'борона', *кырка* 'деревянное приспособление с круглым отверстием посередине, прикрепляемое к концу веревки', *балам* 'калина'. Однако эти слова не усваиваются литературным языком, ибо в нем в тех же значениях успешно функционируют слова: *тырнаууч*, *гири* и *муркку*.

Анализ словников толковых словарей тюркских языков показывает, что из диалектов в литературный язык чаще попадают слова, не имеющие в литературном языке синонимов. Однако и здесь весьма важно, с нашей точки зрения, учитывать насколько актуальна обозначаемая тем или иным диалектизмом реалья. Например, нет достаточного основания утверждать, что диалектизмы *федугу* 'разновидность мяты', *чаха* 'каменистый берег реки' в карачаево-балкарском языке станут литературными, так как для носителей литературного языка обозначаемые ими реалии не актуальны.

Факты некоторых тюркских языков свидетельствуют и о том, что в ряде случаев даже узколокальный характер предмета не является препятствием для перехода обозначающего его диалектизма в литературный язык. Так, например, реалья, обозначаемая словом *ақтау* 'пойло', распространена только в одном Кызылординском районе Казахской ССР. Однако обозначающее ее слово довольно часто встречается в произведениях художественной литературы и, можно сказать, уже утвердилось в литературном языке. Это говорит о том, что «не локальность

<sup>8</sup> С. К. Кенесбаев. Из опыта составления двухтомного толкового словаря казахского языка. — «Материалы V Всесоюзного лексикографического совещания». Фрунзе, 1964, стр. 31.

„реалии”, а локальность употребления слова является решающим признаком словарного диалектизма<sup>9</sup>.

Для выявления условий освоения диалектных слов литературным языком одних цитат из художественных произведений, содержащих диалектную лексику, недостаточно. Необходимо также проведение лексикологических исследований истории диалектных слов.

Таким образом, выделение из диалектной лексики слов, которые могут проникнуть в литературный язык, обогатить его, сопряжено с большими трудностями.

Не следует также забывать о том, что при включении в состав словаря диалектной лексики «главной является запретительная цель: помета *диал.* предупреждает о запрещении стилистически нейтрального употребления слова в литературном языке»<sup>10</sup>. Тем не менее не все словари справляются с этой «справочной» задачей. В одних из них диалектизмы иногда не снабжаются пометой *диал.* или же последняя заменяется пометой *профес.* (профессионализм); в других случаях и просторечные слова трактуются как диалектные. Например, слова *чабискей*, *‘ласточка’*, *тобулгу* ‘таволга, спирея’, *кайракы* ‘неполивной, богарный’, *бөскө* ‘неполно, не до краев’ и многие другие, воспринимаемые киргизскими лексикографами как диалектизмы<sup>11</sup>, на наш взгляд, уже прочно вошли в общенародную разговорную речь. Поэтому их следовало маркировать пометой *разг.* (разговорное). В ТСКЯ (II) одни диалектизмы даны без пометы *диал.*: *ақбас* I (1, 2) ‘мокрец (болезнь верблюдов и лошадей)’, *ақсулақ* ‘парша’, *ақнауат* (сорт дыни), *асаймұса* (вид дерева с твердой древесиной), *атанақ* — *бүтанақ* ‘неровная с впадинами и буграми (местность)’, другие же представлены как профессионализмы: *атабаста* (выборочно убирать серпом спелые участки злаковых культур), *атанақ* (приспособление для набирания воды из колодца), *атыз* (часть пашни, орошаемая вручную), *ауыт* III (место хранения поливной воды)<sup>12</sup> и т. д.

Фонетические, лексико-фонетические и лексико-словообразовательные диалектизмы используются писателями в речи персонажей для их речевой характеристики. В авторской речи эти диалектизмы, как правило, не употребляются. Включение в словарь толковых словарей подобных типов диалектизмов представляется нецелесообразным, ибо они понятны читателю и, не внося в словарный состав языка ничего нового, не могут быть усвоены литературным языком<sup>13</sup>. Подобные диалектизмы должны включаться только в диалектологические словари.

Поэтому неправы, как нам кажется, киргизские и казахские лексикографы, включившие большое количество лексико-фонетических и лексико-словообразовательных диалектизмов в толковые словари родного языка, ср.: кирг. *карачкы* (лит. *каракчы*) ‘грабитель, разбойник; пугало, чучело’, *элгек* (лит. *элек*) ‘сито’, *кайракы* (лит. *кайрак*) ‘неполивной, богарный’; каз. *аңазақ* (лит. *аңызақ*) ‘суховей’, *кебек* (лит. *кеуек*) ‘дупло, нора’, *аға* (лит. *аға*) ‘старший брат’ и т. д.

<sup>9</sup> Ф. П. Филин. Заметки по лексикологии и лексикографии. — «Лексикографический сборник», вып. I, М., 1957, стр. 55. См. об этом также: А. А. Оруджев. Теоретическое обоснование к «Толковому словарю азербайджанского языка». Автореф. докт. дисс., Баку, 1962, стр. 16.

<sup>10</sup> О. Г. Порохова. Указ. раб., стр. 114.

<sup>11</sup> «Эки томдук „Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгүн” түзүү үчүн инструкция», стр. 14—15.

<sup>12</sup> Эти слова приводятся и в диалектологическом словаре казахского языка (см. «Қазақ тілінің диалектологиялық сөздігі». Алматы, 1969).

<sup>13</sup> А. И. Федоров. Указ. раб., стр. 180; В. П. Берков. Указ. раб., стр. 85.



Значения собственно лексических и лексико-семантических диалектизмов остаются для читателя неясными. Критериями их включения в толковые словари могут быть: 1) частота употребления их в известных произведениях художественной литературы и 2) широта распространения этих слов в диалектах (или говорах). При этом нельзя забывать, что нормативная лексикография не может целиком полагаться на материал художественной литературы. Как справедливо пишет К. С. Горбачевич, «объективистское использование текстов и фетишизация авторитетов создает опасность искаженной характеристики литературной нормы»<sup>14</sup>. Факты тюркских языков говорят о том, что не все диалектизмы, часто употребляемые даже в самом авторитетном тексте ведущих писателей, принимаются в качестве литературной нормы. Например, такие диалектизмы, как *которок* 'буйный, необузданный', *ыгый* 'медленно', *терөү* 'засучить', часто встречающиеся в авторском тексте башкирского народного писателя Т. Янаби, не стали литературной нормой<sup>15</sup>.

Известны случаи, когда и общетюркские слова неоправданно причисляются к диалектизмам. Так, например, в карачаево-балкарском языке такие общетюркские слова как *кюрөк* 'лопата', *жумуртха* 'яйцо', *кэумурсха* 'муравей', *бурчакъ* 'фасоль', *итбурун* 'шиповник' на том основании, что они редко встречаются в литературных произведениях<sup>16</sup>, продолжают считаться диалектизмами. Их заменяют соответственно словами *жугар*, *гаккы*, *гумулжук*, *кэудору*, *лэкъу*, являющимися в основном достоянием лишь баксано-чегемского переходного говора опорного ч-диалекта языка.

Собственно лексические диалектизмы обязательно должны снабжаться специальной пометой *диал.*, носящей в данном случае функционально-стилистический, а не стилистико-этимологический характер<sup>17</sup>, то есть указывающей на то, что слово принадлежит к выразительным средствам художественной литературы, однако не входит в литературный язык.

Диалектизмы, имеющие относительно узкий ареал, не должны включаться в словарь даже в тех случаях, когда они встречаются в авторской речи классиков художественной литературы.

Тем не менее в ряде толковых словарей тюркоких языков, даже в одностомных, встречаются десятки диалектных слов, не употребительных в литературе.

Что касается этнографических диалектизмов, то они должны вводиться в словари литературного языка только в тех случаях, когда обозначают местные реалии, не имеющие в данном языке другого названия. Такие слова всегда пополняют лексический фонд литературного языка. Этнографические диалектизмы никаких помет не требуют, «их следует считать общеупотребительными и общепонятными словами»<sup>18</sup>. Однако в ряде толковых словарей этнографические диалектизмы приводятся с пометой *диал.*: кирг. *гөзө* (небольшой глиняный сосуд с ручкой), *жороп* (домотканые шерстяные орнаментированные чулки), *суйсал*

<sup>14</sup> К. С. Горбачевич. Принципы нормализации языка в современной русской лексикографии. — «Современность и словари», Л., 1978, стр. 44.

<sup>15</sup> А. А. Юлдашев. Принципы составления тюрко-русских словарей. М., 1972, стр. 70.

<sup>16</sup> Причина редкого употребления этих слов в произведениях художественной литературы объясняется тем, что их употребляют в своей речи в основном носители ч-диалекта балкарцев, среди которых лишь несколько человек занимается литературным творчеством.

<sup>17</sup> Ф. П. Сороколетов. Лексико-семантическая система и словарь национального языка. — «Современность и словари», Л., 1978, стр. 10.

<sup>18</sup> А. М. Бабкин. Новый академический словарь русского языка. Проспект. Л., 1971, стр. 21.

(шнурки из черной шерсти или шелка с металлическими украшениями, вплетаемые в косу, чтобы удлинить ее); туркм. *ак IV* (большая рыболовная сеть), *булама* (козье или овечье молоко первого дня удоя), *ношы* 'озимый лук'; каз. *атшөлке* 'хомут из войлока', *болболды* (скороспелый сорт дыни), *долық III* (инструмент для очистки глубокого колодца) и др.

Не нужна ограничительная помета и при диалектизмах (бывших), уже прочно вошедших в состав литературной лексики того или иного современного тюркского языка.

**Историзмы.** Прежде чем решить вопрос о включении слов, прекративших активное функционирование в языке, в словники толковых словарей необходимо уточнить терминологию.

Среди слов, вышедших из активного употребления, обычно различают названия переставших существовать в современной жизни предметов, явлений и т. д., и слова, вытесненные из живого языка другими, синонимичными им. Одни ученые рассматривают эти категории слов под общим названием «архаизмы»<sup>19</sup>, другие — тоже под общим, но иным названием — «устаревшие слова»<sup>20</sup> или «устаревшая лексика»<sup>21</sup>. Те и другие обычно различают среди этих слов собственно архаизмы и историзмы. Некоторые исследователи среди устаревших слов выделяют еще «старинные слова»<sup>22</sup>. Есть и такие ученые, которые считают архаизмы и историзмы самостоятельными лексическими разрядами<sup>23</sup>. Мы разделяем последнюю точку зрения и, исходя из существенных различий между историзмами и архаизмами, будем рассматривать их отдельно.

Историзмы — это устаревшие слова, вышедшие из живого словоупотребления в связи с исчезновением тех реалий, которые они обозначали. Многие историзмы еще понятны носителям языка, но активно ими не используются. Одни предметы, вещи, явления и т. п. вышли из употребления десятилетия назад, другие — исчезают на глазах современного поколения.

Историзмы используются в научно-исторической литературе, а также в произведениях художественной литературы.

Толковые словари тюркских языков в вопросе отбора историзмов часто непоследовательны. В инструкциях и руководствах для составления этих словарей, а также во введениях к ним утверждается, что из историзмов отбираются только часто употребляющиеся «...в современной научной, публицистической и художественной литературе»<sup>24</sup>, «...особенно в исторических романах и поэзии»<sup>25</sup>, «...в эпосе и других фольклорных произведениях... в учебниках по истории народов СССР»<sup>26</sup> и отражающие «...исторические факты, жизнь и быт прошлого»<sup>27</sup> и т. п. Фактически же рассматриваемые словари включают в свой словник

<sup>19</sup> О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 271—274; Б. Н. Головин. Введение в языковедение. М., 1973, стр. 90—91.

<sup>20</sup> Н. М. Шанский. Указ. раб., стр. 144—158; В. П. Берков. Указ. раб., стр. 72—79; М. И. Фомина. Современный русский язык. Лексикология. М., 1978, стр. 225—227.

<sup>21</sup> И. К. Сазонова. Лексика и фразеология современного русского литературного языка. М., 1963, стр. 124—127.

<sup>22</sup> Н. М. Шанский. Указ. раб., стр. 145.

<sup>23</sup> А. М. Земский и др. Русский язык. Ч. I. Лексикология, фонетика и морфология. М., 1971, стр. 36—39.

<sup>24</sup> Инструкция для составления «Словаря туркменского языка», стр. 6.

<sup>25</sup> «Узбек тилининг изоҳли луғатини тузиш учун қўлланма». Тошкент, 1964, стр. 13.

<sup>26</sup> «Эки томдук „Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгүн“ түзүү үчүн инструкция», стр. 15.

<sup>27</sup> «Татар теленең аңлатмалы сүвлеге». I. А—Й. Казан, 1977, стр. XI.

историзмы без каких-либо ограничений, хотя в этом признаются только составители десятитомного ТСКЯ (II)<sup>28</sup>.

В отборе историзмов для тюркских толковых словарей обнаруживаются следующие основные недостатки: 1) включение в словник малоупотребительных, а порою вовсе не употребляющихся в литературе историзмов; 2) включение в слозник фонетических вариантов историзмов и их редко употребляемых производных в качестве заголовочных слов; 3) смешение историзмов с архаизмами; 4) смешение историзмов с нормативными словами.

Многие «историзмы» в ряде толковых словарей, особенно в ТСАЯ и СТЯ приводятся без иллюстраций, что свидетельствует о редком их употреблении или же вообще о неупотребительности, ср.: азерб. *авар* III (во 2-м знач.) (название одного из древних тюркоязычных племен), *гулдар* 'рабовладелец', *гулдарлыг* 'рабовладение', *галабэји* 'градоначальник, городничий', *басмачылыг* 'басмачество'; туркм. *стачка*, *галтаман* 'бедняк', *земство*, *дума*, *дыяк*, *пан*, *пансион*, *пансионер*, *некрополь*, *цензура*, *фараон*, *мануфактура*; тат. *арбалет*, *асаба* I 'местное, коренное население', *акмеизм*, *акмеист*; кирг. *вассал*, *вандализм*, *вермахт* и др.

Большинство приведенных «историзмов» являются заимствованиями из русского языка или через его посредство. В толковые словари эти слова механически перенесены из русско-тюркских словарей и толковых словарей русского языка, хотя не только в письменной литературе, но и в разговорной речи они употребляются очень редко, и нет никаких оснований считать их нормативной лексикой.

В ряде толковых словарей имеют место и факты приведения фонетических вариантов историзмов в качестве реестровых слоз, ср.: азерб. *азархана/азарлыхана* 'больница'; тат. *боярщина/барщина*, *бик* I/бэк 'бек'; каз. *даягышы/даяшы* I 'слуга эмира', *басмашы/баспашы* 2 'басмач'. Такие варианты могут быть объектом лишь специальных исторических словарей.

Представляется лишней и регистрация производных на *-лык/-лыг* от историзмов, широко представленных в ТСАЯ, ТСКЯ (I), СТЯ и ТСТЯ и приводимых обычно без иллюстративных примеров, ср.: азерб. *губернаторлуг* 'должность, обязанности губернатора', *гулдарлыг* 'рабовладение', *батраклыг* 'батрачество', *галабэжилык* 'должность, обязанности градоначальника, городничего', *басмачылыг* 'басмачество', *гантарчылыг* 'занятие, должность весовщика'; кирг. *басмачылык* 'басмачество', *варвардык* 'варварство', *вассалдык* 'вассальство', *мырзалык* 'положение господина', *акимдик* 'положение, должность господина, владельца'; туркм. *дворянлык* 'дворянство', *баринлик/баринчилик* 'положение барина', *басмачылык* 'басмачество', *батраклык* 'батрачество', *баронлык* 'положение барона', *баярлык* 'положение барина, господина', *князчылык* 'княжество'; тат. *баскынлык* 'набег, грабеж', *гетманлык* 'гетманство', *декадентлык* 'декадентство', *баринчилик* 'положение барина', *бурмистырлык* 'должность, обязанности бурмистра', *бурлаклык* 'бурлачество'.

В словарях нет четкой дифференциации между историзмами и архаизмами. Многие бесспорные историзмы квалифицируются как устаревшие слова и приводятся с соответствующей пометой *уст.*, ср.: каз. *батпан* 'батман (мера веса)', азерб., тат., туркм. *батман*, каз. *жүзбасы* 'сотник', *есаул*, *басмашы* 'басмач'; туркм. *хан*, *гул* 'раб'; тат. *аксөяк* I 'дворянин', *бик* I 'бек, барин'; кирг. *бий* (киргизский судья, разбира-

<sup>28</sup> «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі». I том. А.—Ә. Алматы, 1974, стр. 8.

ший тяжбы между киргизами по обычному праву), 'жандарм', *бекзада* 'рожденный от бека; высокородный, благородного происхождения' и т. д.

Известно, что заголовочное слово, помещенное в общефилологическом словаре без ограничительной пометы, является нормативным, общеупотребительным. В большинстве тюркских толковых словарей приводится довольно большое количество историзмов без стилистических помет, например: кирг. *басмачы* 'басмач', *ай балта* 'бердыш', *ай балка* 'секира', *губерния*, *кәпәс* 'купец', *гетман*, *гайдамак*, *декабрист*, *вассал*, *фараон*, *боярин*; каз. *графиня*, *капрал*, *кадет*, *какета*, *каторга*, *камер-юнкер*, *бек*, *гарем*; азерб. *гул-гараваш* 'слуги, лакеи', *дьяк*, *дуэль*, *батман* (мера веса), *атамин*; туркм. *барщина*, *царизм*, *бай* I 'бай, богач', *барин*, *бурмистр*, *бояр*, *боярин*, *господин*, *дворянин*, *кадет*; тат. *берданка*, *губерна* 'губерния', *дуэль*, *дьяк* и многие другие.

Одни и те же слова в некоторых толковых словарях даны как историзмы, а в других — как общеупотребительные слова без стилистической пометы. Например, слово *блтрак* ТСТЯ и ТСКЯ (II) поместили в свой словник с пометой *ист.* (историзм), а СТЯ и ТСКЯ (I) — без нее. Слово *кадет* эту помету имеет в ТСТЯ и не имеет ее в СТЯ и ТСКЯ (II). Слово *басмачы/басмашы* 'басмач' в ТСАЯ и ТСКЯ (II) помещено с этой пометой, а в СТЯ, ТСКЯ (I) и ТСТЯ — без нее. Подобных фактов в рассматриваемых словарях довольно много. Они свидетельствуют об отсутствии должного внимания к стилистической маркировке слов активного и пассивного запаса.

Отсутствие пометы *ист.* при историзмах некоторые лингвисты объясняют тем, что историзмы «...активно используются в публицистике и художественной литературе при описании жизни в царской России... встречаются в произведениях, изучаемых детьми в школе»<sup>29</sup> и что устарелость таких слов «...отражена в толковании их лексического значения с помощью выражения „старинный, в старину“...»<sup>30</sup>.

Тем не менее историзмы, как и другие разряды ненормативной лексики, нельзя не маркировать в толковых словарях. Этого требует принцип нормативности, которому должны подчиняться все аспекты словаря, в том числе и подбор слов.

**Архаизмы.** Для решения вопроса об отборе архаизмов для толковых словарей тюркских языков необходимо прежде всего уточнить определение архаизмов, их типы и отличия от историзмов, от слов, совершенно выпавших из языка, и от религиозной лексики. Эта необходимость вызвана тем, что в некоторых тюркских толковых словарях в качестве заголовочных слов зарегистрированы почти все типы архаизмов без какой-либо дифференциации.

Архаизмы, как известно, — это слова и словосочетания, вышедшие из повседневного употребления и потому воспринимающиеся как устаревшие, то есть составляющие пассивный пласт современного литературного языка. Нельзя смешивать с архаизмами слова, полностью вышедшие из употребления<sup>31</sup> в современном языке, по терминологии Н. М. Шанского «старинные слова»<sup>32</sup>.

Сфера функционирования архаизмов постоянно сужается, однако они все же живут в языке. Старинные же слова не только не употреб-

<sup>29</sup> Л. А. Введенская и др. Методические указания к факультативному курсу «Лексика и фразеология современного русского языка (VII—VIII классы)». Пособие для учителей. М., 1979, стр. 86.

<sup>30</sup> Там же, стр. 87.

<sup>31</sup> О смешении старинных слов с архаизмами см.: М. И. Фомина. Указ. раб., стр. 226.

<sup>32</sup> Н. М. Шанский. Указ. раб., стр. 145.



ляются, но и непонятны для современных носителей языка: «этих слов в языке уже нет, они в нем не существуют»<sup>33</sup>, то есть они не имеют никакого отношения к лексической системе современного литературного языка и не входят даже в состав его пассивной лексики.

Известно, что одни слова устаревают полностью, у других устаревают одно или несколько значений, у третьих — отдельные словообразовательные элементы, а у четвертых — видоизменяется звуковая форма (при сохранении содержания).

В зависимости от этого лексикографами выделяются следующие типы архаизмов: лексические (кар.-балк. *харфлыкъ* 'букварь'; туркм. *басмахана* 'типография'; азерб. *бахчыван* — *бағбан* 'садовник'; кирг. *алиппе* 'алфавит'); семантические [каз. *есепші* 1 'предсказатель погоды (на основе наблюдений)', тат. *баб* 2 'тема разговора', 4 'ворота, дверь', кирг. *катчы* 2 'секретарь']; лексико-словообразовательные (тат. *кечек* — *кечкене* 'маленький', кирг. *батым* — *батыл* 'смелость, дерзание, риск', азерб. *хәстәхана* — *азархана* 'больница', каз. *бәйтерек* — *байшынар* 'ветвистая ива') и лексико-фонетические [тат. *бодай* — *богдай* 'пшеница', каз. *бадырақ* — *бадынақ* 'жареная кукуруза (или пшеница)', кирг. *аалым* — *аалим* 'ученый (сведущий главным образом в богословии)'].

В отличие от историзмов архаизмы обозначают предметы, явления, понятия и т. д., то есть реалии, еще сохранившиеся в современной жизни и имеющие новые названия, синонимичные архаизмам, заключающим в себе особые экспрессивные оттенки старины.

Архаизмы, как и историзмы, неоднородны по своему составу. Одни из них часто употребительны, другие же, хотя и хорошо известны носителям языка, но принадлежат к пассивному слою лексики, третьи же воспринимаются приблизительно, значение их утрачивается<sup>34</sup>.

Среди архаизмов имеется много заимствований, особенно из русского и арабского языков, но встречаются и исконно тюркские слова.

Нередко архаизмы встречаются в современном языке в составе пословиц, поговорок и фразеологических единиц. Ср. архаизмы: кар.-балк. *бакъ* 'омотреть', *мидел* 'солома или сено, подкладывавшиеся в чабуры (обувь из сыромятины)'; каз. *даң* II 'слава, известность'; кирг. *амир* 'приказание, приказ, повеление, распоряжение' в следующих устойчивых сочетаниях: *Бий бергенни кёзюне бакъма* (посл.) 'Дареному коню зубы не омотрят', *салам мидел кибик* (ФЕ) 'что-либо в большом количестве', *даңға шықты* (ФЕ) 'прославляться', *амир тут* 'исполнять приказание'.

Если историзмы, как отмечалось выше, могут употребляться и вне определенных стилистических условий, поскольку они выражают исчезнувшие понятия, явления, предметы и используются для их обозначения, то архаизмы употребляются только с определенными стилистическими целями; вне этих целей «...их использование не может быть оправдано и является ошибкой с точки зрения современного словоупотребления»<sup>35</sup>.

При использовании архаизмов в художественной литературе писателем ставятся следующие стилистические задачи: а) передача колорита эпохи (обычно в исторических романах, повестях), б) придание речи торжественного характера, патетической взволнованности (в стихах, в ораторском выступлении, в публицистической речи), в) создание комического эффекта, иронии, сатиры, пародии (обычно в фельетонах,

<sup>33</sup> О. С. Ахманова. Указ. раб., стр. 274.

<sup>34</sup> В. П. Берков. Указ. раб., стр. 73.

<sup>35</sup> Н. М. Шанский. Указ. раб., стр. 154.

памфлетах), г) речевая характеристика персонажа (например, лица духовного звания).

В ряде тюркско-русских и тюркских толковых словарей религиозные слова не различаются от архаизмов, тогда как в отличие от архаизмов религиозные слова (в основном арабизмы) широко известны народу: они часто употребляются в разговорной речи, в устном народном творчестве и в письменной литературе. Вопреки мнению некоторых лексикографов<sup>36</sup>, их нельзя исключать из активной лексики.

Согласно инструкциям и руководствам для составления тюркских толковых словарей в словник в качестве реестровых вводятся только те устаревшие слова, которые часто встречаются «...в произведениях художественной литературы...»<sup>37</sup>, «...в древнем фольклоре, дореволюционной литературе и в других источниках»<sup>38</sup>, «...в периодической печати и разговорной речи...»<sup>39</sup>. В действительности же, как и при отборе историзмов, в отборе архаизмов допускается произвол и субъективизм, то есть составители словарей в каждом случае по своему усмотрению решают этот вопрос. Приведем примеры.

В некоторых толковых словарях в качестве реестровых даны слова, не только не подтверждаемые цитатами из какого-либо литературного текста, но даже неупотребительные в разговорной речи, то есть старинные слова, например: тат. *асаба* I 'вотчинник', *бегел*: 'письмо'; письменность', *кател* 'убийство, казнь', *гасаб* 'нерв'; туркм. *аржанак* 'смелый, отважный, храбрый', *кабыла* 'племя, род', *гүфтар* 'слово, речь', *багзы* 'некоторые, отдельные', *озан* 'певец'; эзерб. *абнаш* 'лейка', *абриз* 'место для помоев', *гантар* 'весы (большие)', *бахары* (платье с короткими рукавами) и др. Во многих случаях приводятся производные от них слова.

Более осторожно подошли к отбору устаревшей лексики, не отраженной в письменных источниках, ТСКЯ (I) и ТСКЯ (II). В них подобного типа слова единичны.

Приведенные и аналогичные им слова, безусловно, должны были оставаться за пределами словников толковых словарей<sup>40</sup>. Такие слова «должны быть объектом особых словарей-справочников»<sup>41</sup> или словарей языка писателей<sup>42</sup>.

Представляется нецелесообразным также включение в словник лексико-словообразовательных и лексико-фонетических архаизмов. Они

<sup>36</sup> Например, религиозную лексику к архаизмам относят узбекские лексикографы. (См.: «Узбек тилининг изоҳли луғатини тузиш учун қўлланма», стр. 13).

<sup>37</sup> «Хазерге татар әдәби теленең аңлатмалы сүзлеген төзү инструкциясе». Казан, 1964, стр. 7.

<sup>38</sup> «„Башкорт теленең аңлатма һүзлеген“ төзөү өсөн кулланма». Өфө, 1956, стр. 1.

<sup>39</sup> «Узбек тилининг изоҳли луғатини тузиш учун қўлланма», стр. 13.

<sup>40</sup> Иного мнения придерживается Л. П. Ступин, который считает, что поскольку почти нет ни специальных словарей-справочников, ни словарей языка писателей, «толковые словари современных языков являются единственными источниками, где можно найти толкование выпавших из языка слов». [См.: Л. П. Ступин. К вопросу о принципах отбора слов для толкового словаря современного литературного языка (на материале «Большого словаря английского языка» Узбетега). — «Вестник ЛГУ № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. I». Л., 1963, стр. 129]. Если отсутствие названных типов словарей считать основанием для внесения выпавших из языка слов в одноязычные словари, то в словники многих из них следует вводить и всякие областные слова, термины, заимствования и т. д., ибо во многих языках еще нет словарей диалектологических, терминологических, заимствований и т. п. Однако это противоречит принципу нормативности, который лежит в основе толкового словаря литературного языка.

<sup>41</sup> Е. Э. Биржакова, А. М. Бабкин. Рецензия на «Wörterbuch des deutschen Gegenwartssprache». — «Вопросы языкознания», 1962, № 3, стр. 135.

<sup>42</sup> Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958, стр. 58.

почти не отличаются от своих литературных вариантов и не вносят ничего нового в лексический состав языка. Тем не менее в ряде толковых словарей, особенно в ТСТЯ и ТСКЯ (II), эти типы архаизмов приведены довольно широко, ср.: тат. *барабыз/барабызчы* (извозчик в Казани, возивший седоков на санях-розвальнях), *гаит, гаид/гает* (религиозный призидник у мусульман), *богдай* (лит. *бодай*) 'пшеница', *кятит/кати* 'секретарь', *кафирэ, кяфирэ/кяфер* 'гяур, неверный, неправовверный', *кечек* (лит. *кечкенэ*) 'маленький', *кяса, кясэ* (лит. *касэ/кэсэ*) 'бокал, чаша'; каз. *бадынақ* (лит. *бадырақ*) 'жареная кукуруза (или пшеница)', *була II/була III* (2) 'не жалеть жизни', *байшынар* (лит. *бэйтерек*) 'ветвистая ива', *иреу* (лит. *ирек*) 'извилистый', *бақал I* (1)/*бақалшы* 'торговец всякой мелочью'.

Что касается лексических и семантических архаизмов, то при отборе их для помещения в толковый словарь должна учитываться частота употребления в художественной литературе и периодической печати, а также в школьных учебниках по литературе и истории.

Однако в тюркских толковых словарях вопрос о принципах отбора и этих типов архаизмов не нашел своего убедительного и четкого разрешения. Например, в СТЯ, ТСАЯ и ТСТЯ нередко можно встретить малоупотребительные архаизмы типа тат. *бардак I* 'публичный дом', *арбалет, иганэче*, 'тот, кто оказывает помощь, жертвующий', *гэлзар* 'цветник', *кануният* 'догматизм', *гамбэр I* 'кашалот'; туркм. *адаг* 'помолвка (обряд)', *адалык 2* 'смирненность, кротость', *адагламак* 'помолвить кого-л. с кем-л.', *газначы* 'казначей', *галтаман* 'бедняк', *дивана I* 'нищий, попрошайка', *непес* 'дыхание, вздох', *нажагай* 'суматошный, беспокойный'; *омач I* (часть старого деревянного плуга, на который надевается лемех); азерб. *гантарчы* 'весовщик', *галабэнд* (обвиняемый, не имеющий права выезжать за пределы города), *бинэкдар* (коммерсант, торгующий кусками ткани или штучными товарами), *битик* 'бумага', *бедэхетлик* 'огромность', *медеткэрлик* 'обязанности помощника', *бедролук* 'непривлекательность' и др. Подобные слова употребляются только в устной речи людей старшего поколения, поэтому их не следует включать в толковые словари.

В словники рассматриваемых толковых словарей включаются и названия годов летосчисления по двенадцатилетнему животному циклу. Однако в их подаче и маркировании словари непоследовательны. Указанные единицы размещаются и маркируются по-разному не только в разных, но и в одном и том же словаре. Так, например, одни словари разместили старые названия годов как значения тех слов, с которыми они связаны генетически (ср. кирг. *барс 2* 'год барса', *жылан 2* 'год змеи', *жылкы 2* 'год лошади' и т. д.), другие — как словосочетания терминологического характера (ср. тат. *Барыс елы* 'год барса', *Елан елы* 'год змеи', *Куял елы* 'год кролика' и т. д.), а третьи — либо как отдельные значения (ср. каз. *барыс 2* 'год барса', *ит 2* 'год собаки'), либо как фразеологизмы (ср. каз. *Жылқы жылы* 'год лошади', *Жылан жылы* 'год змеи', *Доңыз жылы* 'год свиньи'). Такой же разноробой наблюдается и в стилистической дифференциации этих слов: ТСТЯ поместил их без каких-либо стилистических помет; ТСКЯ (I) снабдил пометой *уст.* (устаревшее) только слово *барс 2*, а все остальные названия годов дал без ограничительной пометы; ТСКЯ (II) одни названия поместил без стилистических помет (*Жылқы жылы*, *Жылан жылы*), другие — с пометой *уст.* (*барыс 2*, *ит 2*), а третьи — с пометой *ист.* (историзм) (*Доңыз жылы*).

Таким образом, в ряде случаев одно и то же слово в рассматриваемых словарях имеет тройную стилистическую характеристику: 1) уста-

ревшее слово (или архаизм), 2) историзм и 3) слово активного запаса (без стилистической пометы).

Многие общеупотребительные слова религиозной лексики в ТСТЯ и СТЯ отмечены как архаизмы, ср.: тат. *гает* (религиозный праздник у мусульман), *зекер айту* (читать молитву, воздавая хвалу), *има́м* 'нимам (духовный наставник у мусульман)', *иман* 'вера в бога, верование', *корбан ае* (народное название месяца зульхиджа), *дәвер II* (обряд отпущения грехов умершего у мусульман); туркм. *зекат/зякет* (ежегодная подать, составляющая сороковую часть дохода с хозяйства или со стоимости имущества), *пир* (высшее духовное звание у мусульман), *азан* (призыв верующих на молитву), *азанчы* 'муэдзин', *килисе* 'церковь' и т. д.

В рассматриваемых словарях подобные слова обычно имеют двойную помету: *рел.* (религиозное) и *уст.* (устаревшее). Однако они так же актуальны для современного языка, как и другие слова активного словарного запаса, поэтому помета *уст.* совершенно лишняя.

Закреплению в памяти языкового коллектива определенного количества архаизмов способствует использование пословиц, поговорок и фразеологических единиц.

Однако не все эти архаизмы можно включать в словарь, как делают составители почти всех толковых словарей тюркских языков, а лишь те из архаизмов, которые входят в состав широко употребляющихся устойчивых сочетаний, образных выражений и изречений. Нельзя, например, считать правильным включение следующих архаизмов: кирг. *ажа* 'старший', тат. *кылынмыш* 'дело, труд', узб. *хонақо* 'молельня' в толковые словари этих языков, так как каждый из них встречается только в одной пословице или поговорке, которые неизвестны подавляющему большинству носителей языка («*Ай!*» *деген ажа жок*, «*кой!*» *деген кожо жок* 'Некому унять, прикрикнуть, навести порядок'; *Агач беленэ жимишеннен, адам кылынмышыннан* 'Дерево узнается по плоду, а человек по труду'; *Сүфидә хунар йүк, хонақо тор* букв. 'У суфия нет умения и молельня его тесная').

В некоторых из рассматриваемых словарей слова нормативной лексики смешаны с архаизмами. Так, например, без пометы *уст.* даны такие архаизмы, как тат. *гөлстан* 'цветник', *залимэ* 'тиранка, угнетательница', *риваять* 'легенда'; кирг. *алип* 'алиф (первая буква арабского алфавита)', *бугу 2* 'май'; туркм. *аргышчы* [тот, кто едет с караваном за зерном (в другую страну, город и т. п.)], *гары* (мера длины, равная расстоянию от груди до конца пальцев вытянутой руки), *элип* 'алиф' и другие.

#### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- СТЯ — «Туркмен дилиниң сөзлүги». Ашгабат, 1962.  
 ТСАЯ — «Азербайжан дилинин изаһлы лүгәти». I т. — А—Г. Баки, 1964.  
 ТСКЯ (I) — «Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү». Фрунзе, 1969.  
 ТСКЯ (II) — «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі». Алматы, I т. А—Э — 1974, II т. Б—Г — 1976, III т., F—Ж — 1978, IV т., Ж—К — 1979.  
 ТСТЯ — «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге». Казан, I т., А—Й — 1977, II т., К—С — 1979.  
 ФЕ — фразеологическая единица.



## СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

М. И. ИСЛАМОВ

### ОБ ОДНОЙ РЕДКОЙ ДРЕВНЕЙ ФОРМЕ МЕСТОИМЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(ПО ДАННЫМ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Известна большая роль диалектных данных в изучении истории любого языка. Это подтверждается многолетней практикой проведения диалектологических исследований, материалы которых способствуют интерпретации весьма важных вопросов истории языков и решению многих спорных проблем языкознания.

Настоящая статья посвящена узкой теме: рассмотрению факта, установленного при изучении диалектов и говоров азербайджанского языка и не фиксировавшегося ни в одном из современных тюркских языков, а также памятников древнетюркской письменности.

В северной группе диалектов и говоров азербайджанского языка, особенно в азербайджанских говорах на территории Дагестанской АССР (Дербентского и Табасаранского районов), и в говорах Кахского района Азербайджанской ССР распространена древняя форма возвратного местоимения, которая образуется чаще всего путем сочетания личных местоимений 1-го и 2-го лица с падежными аффиксами, например: *Dipäsöp säni dä öldüräzäyäm, mäni dä* 'Если не скажешь, убью и тебя, и меня (т. е. себя)'; *Azüyüt tutub sänä dä sög'mişäni, mänä dä* 'Рассердившись, я обругал и тебя, и меня (т. е. себя)'. В этих предложениях слова *mäni* и *mänä* употреблены соответственно вместо возвратных местоимений *özüm* 'себя' и *özümä* 'себе', функционирующих в современном азербайджанском литературном языке.

Как известно, в современном азербайджанском литературном языке возвратное местоимение, повторяясь, образует особые формы: *öz özümün, özüm özümün* 'сам свой', *özüm özümä, öz özümä* 'сам себе' и т. д.

Таким образом, в азербайджанских говорах на территории Дагестанской АССР и Кахского района Азербайджанской ССР<sup>1</sup> вместо слова *öz* 'сам' используется личное местоимение. Эта форма составляет полную парадигму и употребляется во всех падежах, кроме именительного; например: *Goruşunmı men mənə pejlädim* 'Видите ли, что я мне (т. е. себе) сделал'; *Sen sağa eläni äläm juyulsa elä bilmäs* 'То, что ты тебе (т. е. себе) сделал не сможет сделать, если соберется весь мир'; *Sen senin gädrini bilmiji* 'Ты твою (т. е. свою) цену не знаешь'; *Män mänä hiçan daşujädäm* 'Я мне (т. е. себе) сено везу'; *Sän sänä hiçan daşujäsän* 'Ты тебе (т. е. себе) сено везешь'; *Biz bizä hiçan daşijädig* 'Мы

<sup>1</sup> В Кахском говоре эта форма впервые была отмечена С. М. Моллазаде (см.: С. М. Моллазаде. Говоры Кахского района Азербайджанской ССР. Автореф. канд. дисс., Баку, 1966, стр. 21).

нам (т. е. себе) сено везем'; *Süz süzä biçan daşijäsüz* 'Вы зам (т. е. себе) сено везете'.

Формы *men maşa, sen saşa* и *sen senin*, приведенные в первом, втором и третьем предложениях, можно представить как *män özütmä* 'я себе', *sän özüpänä* 'ты себе', *sän özüpün* 'ты свою', а также *öz özütmä* 'я сам себе', *öz özüpänä* 'ты сам себе' и *öz özüpün* 'сам свой'.

В остальных предложениях личные местоимения, стоящие в именительном падеже, употреблены в номинативном значении, а личные местоимения, принявшие падежные аффиксы, — в значении возвратного местоимения: *män özütmä* 'я себе', *sän özüpänä* 'ты себе', *biz özütmüzä* 'мы себе', *siz özüpüzä* 'вы себе'.

Можно предположить, что форма на *män özütmä, sän özüpänä*, употребляемая в современном литературном азербайджанском языке, является переходной между формами *män mänä, sän sänä* и *öz özütmä, öz özüpänä*.

В азербайджанских говорах, распространенных на территории Дагестанской АССР, отмечается еще одна особенность: личные местоимения принявшие аффиксы падежей, употребляясь одновременно с послелогами *üçün*, образуют форму *mänimçün, säninçün, bizicün, süzüçün* в значениях *özüm üçün, özüpün üçün, bizim üçün, sizin üçün*, например: *Dijädi män sänä lälä verib mänimçün satyp almuşam* 'Говорит, тебя за драгоценности для меня (т. е. для себя) купил'; *Biz bizicün beş g'ätirädig'* 'Мы для нас (т. е. для себя) ветви приносим'; *Süz süzüçün beş g'ätiräsüz* 'Вы для вас (т. е. для себя) ветви приносите' (*beş* диал. 'ветвь').

Употребление в некоторых диалектах и говорах азербайджанского языка личных местоимений с падежными аффиксами в качестве возвратного местоимения является отражением древнего факта языка, зафиксированного в азербайджанском письменном памятнике «Китаби Деде Коркуд»; например: *Ганлы гоча ајдыр: — Кордүнму мән маңа нә етдим?* 'Старик Ганлы говорит: Ты видел ли я мне (т. е. себе) что сделал?'; *Чобанлар ајдыр: Мәрә! Сән сән и билирсән (сэнин) бизим һалымыздан хәбәрин јох — дедиләр!* 'Пастухи сказали: Ты тебя (т. е. себя) знаешь, о нашем состоянии ничего не знаешь?'<sup>2</sup>.

Подобные формы возвратного местоимения широко употребительны и в письменных памятниках азербайджанского языка XIV—XVI веков; например, в произведениях Насими (XIV век):

*Сән саңа кәр јар исән, вәр, еј көнүл, јар истәмә!  
Јарү дилдар ол саңа сән, јарү дилдар истәмә!  
Мән мән дә һәгги булдум, һәгги-јәгин һеч олдум,  
Сән дә ара, истә сәни, та буласан сән дә сәни,  
Сән саңа јар ол, бул аны, санма ки, јарын јох имши.*

'Если ты тебе друг, о душа, друга не проси!  
Душевному другу будь тебе ты, душевного друга не проси!  
Я у меня истину нашел, стал в действительности ничто,  
У тебя ищи, проси тебя, чтобы ты нашел в себе тебя,  
Ты тебе будь другом, ищи его, не считай, что у тебя друга нет'.

В произведениях Хатаи (XV век):

*Јенә һәг сәндәдир, сән сәнә баха,  
Сән сәнә бахыб да сән сәндән горха.  
Чану чәһани сиз сизин нејләр Хатаи хәстәдил,  
Еј һәг әһли, сән сәнин чисмикдә бејтуллаһч көр.*

<sup>2</sup> См.: «Китаби Дәдә Коркуд». Баку, 1962, стр. 58, 94.

'Истина у тебя, если ты на тебя смотришь,  
Ты в тебя всмотревшись, ты тебя испугаешься,  
Душа мира в ваши, что может сделать большой Хатан,  
О носители истины, ты в твоём существе бога илди'.

В произведениях Физули (XVI век):

*Ешгә салдым мән мәни пәнд олмайыб бир дустдән,  
Һич дүшмән ејләмәз они ки, етдим мән маңа.*

'В любовь погрузил я меня, не получив помощи от друзей,  
Даже враг не делает того, что делал я мне'.

Данные примеры наглядно показывают, что личные местоимения, приняв аффиксы косвенных падежей, употреблялись в качестве возвратных местоимений. Только в одной из приведенных выше (четвертой) строке из Насими личное местоимение второго лица встречается четыре раза в винительном и местном падежах, выступая в качестве возвратного местоимения. В этой строке: *sändä ara, istä säni, ta bulasan sändä säni* слово *sän* легко может быть заменено словом *öz*: *özündä ara, istä özünü ta bulasan özündä özünü*, и смысл строки от этого несколько не изменится.

Все это свидетельствует о том, что рассматриваемая форма функционировала и была широко употребительной в древнем азербайджанском языке. Со временем эта форма постепенно вышла из употребления в литературном языке, сохранившись, как реликт, только в некоторых диалектах и говорах.

Нельзя также не отметить, что данная форма, будучи широко представленной в письменных источниках XIV—XVI веков, почему-то не привлекала должного внимания историков языка, в том числе и специалистов по исторической грамматике, хотя научное значение ее несомненно.

Примечательно и то обстоятельство, что возвратное местоимение, сформированное от личного с помощью падежных аффиксов, не встречается ни в одном из современных тюркских языков, и даже в памятниках древнетюркской письменности (во всяком случае ни в одной публикации оно не упоминается).

По мнению специалистов, возвратная местоименная форма, образовавшаяся на основе личных местоимений, древнее формы со словом *öz*<sup>3</sup>.

Любопытно, что формы возвратных местоимений можно встретить и в других языках мира<sup>4</sup>, не родственных тюркским. Так, в германских языках индоевропейское возвратное местоимение в 1-м и 2-м лице уступило место косвенным падежам личных местоимений, а в некоторых языках даже в 3-м лице оно заменено личным местоимением: в современном английском языке во всех лицах употребляются косвенные формы соответствующих личных местоимений; в романских языках, как правило, возвратное местоимение употребляется только в 3-м лице, в остальных лицах его заменяют косвенные формы соответствующих личных местоимений<sup>5</sup>. Все эти факты говорят о том, что подобное явление характерно для самых различных языков.

Обнаружение этой древней формы в азербайджанских диалектах и говорах, думается, представляет большой научный интерес не только

<sup>3</sup> См., например: К. Е. Майтинская. Местоимения в языке разных систем. М., 1969, стр. 268.

<sup>4</sup> Там же, стр. 269, 270.

<sup>5</sup> Там же, стр. 270.

для тюркологии, но и для общего языкознания, и прежде всего для типологического изучения языков. Данный факт подтверждает высказанное многими языковедами предположение о том, что «возвратные местоимения могли развиться также из разных местоименных основ»<sup>6</sup>.

Описанная форма существовала в древнем азербайджанском языке и дошла до нас лишь в северной группе его диалектов и говоров, то есть на территории с преобладанием кыпчакских особенностей. В связи с этим с научной точки зрения представляет интерес вопрос о наличии данной формы и в других тюркских языках и их диалектах.

---

---

<sup>6</sup> К. Е. Майтинская. Указ. раб., стр. 288.



Ю. В. ШЕКА

## ПРЕДЛОЖЕНИЯ НАЗЫВНЫЕ И С ГЛАГОЛОМ В НУЛЕВОМ ВЫРАЖЕНИИ В ТУРЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В турецкой разговорной речи выделяются три принципиально различных типа выражаемых предложением значений: номинативное, предикативное и коммуникативное. Единицы языка, в которых теми или иными способами находят выражение все эти три типа (или аспекта) значений, и являются предложениями.

Пропозитивную номинацию можно выделить, взяв то общее, что можно обнаружить в семантической структуре предложения и в соответствующей транспонированной конструкции. Например, для предложения: *Muhtemelen Ahmet Ankara'ya uагin gelecek* 'Вероятно, Ахмед приедет в Анкару завтра' такой конструкцией будет: *Ahmed'in Ankara'ya gelmesi* 'приезд Ахмеда в Анкару'. Последняя выражает только «чистую» номинацию события, лишённую модально-временной соотносённости и не передающую никакого коммуникативного задания.

Помимо номинации, в предложении через модально-временные категории выражается соотносённость ее с действительностью. Непосредственное выражение предикативное значение предложения получает: а) через соответствующие аффиксы в предикате, б) через некоторые виды второстепенных членов предложения (обстоятельства времени, вводные слова и др.), то есть через так называемые предикативные или фразовые определения. При этом важно отметить, что фразовые определения не участвуют в выражении номинации (в нашем примере слова *muhtemelen* 'вероятно' и *uагin* 'завтра') и что эти определения, как и модально-временные аффиксы в предикате (в нашем примере аффикс *-ecek*), относятся ко всему предложению в целом (в отличие от морфологических показателей, выражающих связь между двумя словами, например, от аффиксов в изафетных сочетаниях). Аффиксы в предикате и фразовые определения создают как бы модально-временные кулисы, на фоне которых разворачивается номинация. В приведенном примере время, лицо и число задаются аффиксом будущего времени при глаголе *gelmek* 'приезжать'; кроме того, время подчеркивается обстоятельством времени *uагin* 'завтра'. Модальное значение предположительности действия выражается словом *muhtemelen* 'возможно'.

Коммуникативное значение предложения связано с выражением (выделением) новой информации, передаваемой сообщением, то есть с выраженным ремой и темой.

В выражении номинации события могут участвовать не все члены предложения. В этой связи целесообразно принять следующую терминологию П. Адамец и В. Грабе [1]. Компоненты предложения, участвующие в выражении пропозитивной номинации — предикат, подлежа-

щее, прямое и косвенное дополнения — будем именовать ядерными, а остальные компоненты — неядерными. Ядерные компоненты подразделяются на предикат и комплементы, причем под последними понимается подлежащее, прямое и косвенное дополнения. Номинативное значение предложения складывается из значений словосочетаний и отдельных слов. Важно отметить, что общее значение лексических единиц, то есть то, которое фиксируется словарями, в предложении конкретизируется. Эти конкретные значения являются частями более сложной номинации, выражаемой предложением в целом (пропозитивной номинации).

Структура пропозитивной номинации проявляется в том, что при всем разнообразии конкретных номинаций, данных в речи, все они обнаруживают общие черты, заключающиеся прежде всего в самом факте наличия ядерных компонентов как вполне определенных видов синтаксических позиций и соответствующих субъектно-объектных связей. Поэтому оказывается возможным описание основных типов пропозитивной номинации, исходя из особенностей ее структуры, то есть исходя из особенностей выражения (включая выраженность или невыраженность вообще) ядерных компонентов и связей между ними. Каждый такой тип выражения ядерных компонентов целесообразно называть ядерной структурой предложения. Эта ядерная структура лежит в основе всего многообразия предложений, номинация которых строится на связях данного типа, и составляет «предложенческое ядро» каждого из этих предложений [термин Н. Ю. Шведовой — 2, 131].

В «чистом виде» ядерная структура в речи не встречается: как уже отмечалось, во всяком предложении номинативное значение дается вместе с предикативным и коммуникативным значениями. Однако в речи могут быть такие предложения, которые, по сравнению с другими, характеризуются предельной немаркированностью глагольных и синтаксических категорий (действительный залог, немаркированная модальность, отсутствие осложнения какими бы то ни было дополнительными лексико-модальными средствами). Такие предложения многие исследователи именуют ядерными предложениями [1]. Речевая номинация и, в частности, номинация в ядерном предложении конкретна; ядерная же структура задает лишь основные линии связей, лишь тип номинации. Ядерные предложения по аналогии можно уподобить слову в именительном падеже, так как они как бы находятся в начале парадигмы грамматических значений предложения.

Те или иные типы ядерных структур можно выделить: 1) по принципу замещенности/незамещенности тех или иных основных синтаксических позиций и 2) по характеру средств, использованных для выражения синтаксических связей между ядерными компонентами.

Одна из основных особенностей пропозитивной номинации в турецкой разговорной речи связана со свойственной ей тенденцией к предельному упрощению номинации. Это находит свое выражение в насыщенности турецкой разговорной речи назывными предложениями, в которых вся номинация состоит из указания на один предмет и (или) его свойства. Например: *Bir motor homurtusu!* [3, 145] 'Рокот мотора!' Поскольку в подобных случаях в номинации отсутствуют другие предметы или действия, то, естественно, и нет необходимости в выражении отношения между ними, то есть нет необходимости в употреблении глагола, через реализацию валентностей которого выражались бы отношения между частями номинации. Сюда же относятся случаи предложений, состоящих из двух комплементов, с отсутствием словесной выраженности предиката — в этих случаях отношения между комплементами выра-

жаются при помощи падежных аффиксов: ...*Ortada masalar. Masalarda yeşil örtüler. Kapının dibinde bir soba* [4, 173] '...Посредние столы. На столах зеленые скатерти. У самой двери печь'.

Отсутствие предиката в таких предложениях вовсе не говорит об отсутствии в них предикативного значения. Например, в приведенных выше предложениях вполне выражена модально-временная соотношенность номинации с действительностью — в грамматическом отношении эти предложения означают непосредственно и реально в данный момент воспринимаемое (ср. «значение непосредственно воспринимаемого» в русской разговорной речи. — 2, 8). Эти случаи следует отличать от случаев эллипсиса, когда по тем или иным причинам фраза остается незавершенной (предикат отсутствует, соотношенность с реальностью не находит выражения). Ядерная структура назывных предложений, а также предложений с глаголом в нулевом выражении не содержит словесно выраженного предиката и состоит из одного или двух компонентов.

Рассмотрим несколько наиболее типичных ядерных структур, построенных по указанному принципу.

Тип  $K_{\text{осн. п.}} + (\Pi)$ . В этой структурной «формуле»  $K_{\text{осн. п.}}$  обозначает компонент (выражающийся одним словом или словосочетанием) в основном падеже (в случае словосочетания в основном падеже стоит стержневое слово),  $(\Pi)$  обозначает предикат, словесно не выраженный. Номинация, выражаемая предложением, построенным по типу данной структуры, состоит обычно из простого указания на один предмет или действие, то есть в ней отсутствует расчлененность на несколько номинативных элементов. Отдельное слово, взятое как абстрактная лексическая единица, не может выражать конкретную речевую номинацию. Выступая же в роли  $K_{\text{осн. п.}}$  в речи, отдельные слова (словосочетания), уже передают вполне конкретную номинацию. Единственным фактором, конкретизирующим пропозитивную номинацию предложений типа « $K_{\text{осн. п.}} + (\Pi)$ », является ситуация и контекст. Например, предложение — *Şaka!* '— Шутка!', вырванное из конкретного диалога, не передает никакой номинации (перестает быть собственно предложением). В ситуации же, когда, например, это предложение произносится с целью смягчить одно из предыдущих высказываний, обидевшее собеседника, оно имеет вполне определенное номинативное значение, относясь к этому предыдущему высказыванию.

Важно отметить, что в качестве единственного компонента в рассматриваемой структуре выступают обычно слова, обозначающие неодушевленные предметы или живые существа; слова же, обозначающие абстрактные понятия, выступают в роли  $K_{\text{осн. п.}}$  сравнительно редко (см. приводимые ниже примеры). Слово (или стержневое слово словосочетания), выступающее в роли  $K_{\text{осн. п.}}$  данной структуры, чаще всего является существительным или прилагательным, а также (реже) местоимением, числительным, причастием.

Грамматическое значение ядерных предложений, построенных с использованием данной ядерной структуры, связано обычно с выражением: а) непосредственной и реальной воспринимаемости в данный момент номинативно обозначенного или б) констатации определенного факта действительности, который не воспринимается однократно, а существует вообще (вне связи с определенным моментом времени): (*Dön-düm*) *Pos büyükü biri.* [3, 124] 'Я повернулся. Некто с пышными усами'. ...*Bir şişe Kulüp, ... yığınla meze!* [5, 98] '...Бутылка водки «Кулюп» ... гора закусок!'. (*Sokağın öbür yanına geçtim*) *Tramvaylar, otobüsler, taksiler...* *Koyunları kucakları paket paket çıkanlar.* [5, 96] '(Я перешел на другую сторону улицы). Трамвай, автобусы, такси... Люди, выходя-

щие из магазинов с охапками покупок'. (— *Sen kötü bir adamsın.*) — Eeee? — *Hiç.* — *Yani sen şimdi ne demek istedin?* — *Şaka, şaka...* (baktım, şakadan anlayacaklardan degil) [6, 64] '(— Ты плохой человек.) — Что? — Ничего. — Но ты что сейчас хотел сказать? — Шутка, шутка! (смотрю, что он не из тех, кто понимает шутки)'

Значение, очень близкое к приведенным, наблюдается особенно часто в разговорной форме переказа событий; при этом говорящий как бы вновь переживает и «непосредственно воспринимает» события: *Kendimi kamyonla nakliyeciliğe verdim. Anadolu yolları. Toz, ter, gres vakom yağlarının karası, öfke ... Uyku.* [7, 31] 'Я занялся работой на грузовике. Дороги Анатолии. Пыль, пот, грязь от масла смазочного насоса, нервы.... Сон'. — *...Kamyonun anasının dinine kadar yüklü. Tüccar eşyası, sandıklar. Kosaman kosaman.* [7, 31] '— ...Грузовик твой нагружен донельзя. Товар торговцев, ящики. Огромные, огромные'. — *Kaç oda? — Bir büyük.* — *On dört çocuk, iki de Köroğlüyla Auvaz. On altı kişi bu bir büyük odada mı yaşıyorsunuz?* [5, 92] '— Сколько комнат? — Практически одна. — Четырнадцать детей, да еще двое Кероглу с Ашивазом. Что вы, шестнадцать человек живете в этой «практически одной» комнате?'. — *Olmaz efendim, olmaz! Kendi gider alır olur mu? Yaşlı başlı kadın. Ben yüzünü görmedim ama herhalde vardır bir elli, altmış...* [5, 128] '— Нельзя так, дорогой, нельзя! Разве можно, чтобы она сама ходила покупала? Старая женщина! Я ее не видал, но, наверное, ей все пятьдесят, шестьдесят...'. — *Günde ortalama seksen Ayda? İki bin dört yüz!* [3, 126] '— Каждый день в среднем по восемьдесят лир. В месяц?.. Две тысячи четыреста!'. — *...Kar dersen diz boyu. Sobamız... yok.* [5, 92] '— ...А снег, так до колен. У нас печки... нет'. В этом примере слова *diz boyu*, являющиеся предложением с нулевым предикатом (слова *kar dersen* не являются ядерным компонентом), указывают лишь на свойство предмета, в отличие от большинства предыдущих примеров, где в комплексе был выражен и сам предмет.

Предложения, построенные по структуре «К<sub>осн. п.</sub> +(П)», могут быть как в вопросительной, так и в восклицательной форме. Вопросительная форма, помимо обычного способа, когда она выражается при помощи частицы *mi*, часто образуется также при помощи частицы *ya* (ставящейся впереди), или при помощи частицы *ha* (ставящейся сзади): — *...Arabanın hiç şakası yoktur... Muavin mi?.. Bu işlerde kendinden başkasına güvenmiyeesin. Başka şoför mü? Aylıklı mı? Onu da denedim.* [7, 31] '— ...Машина это тебе не шутки... Помощник?.. В этих делах нельзя положиться ни на кого кроме себя. Напарник? Платить ему? Это я тоже перепробовал...'. — *Ya patronu? Patronu ne derdi bu işe acaba?* [3, 155] 'А его хозяин? Что хозяин, интересно, сказал бы на это?'. — *Ya bizim kırk lira? [6, 45] '— А мои сорок лир?'. — Bir hakaret ha? 'Что, оскорблять?'*

Возможно оформление вопросительной формы и при помощи одной только интонации: — *Canım boş ver... hiç ehemmiyeti yok! — Pansuman falan? — Yok öyle şey. — Dikişlerin alınması? — Yorma kafanı böyle şeylere...* [7, 26] '— Дорогой, не обращай внимания... Это не имеет никакого значения! — А как перевязки и прочее? — Нет ничего такого. — А снятие швов? — Не забивай себе голову этими вещами...'

Восклицательная форма передается интонацией или интонацией плюс различные усиливающие слова или междометия: — *Akruuut, uılaaap, akreeer!* [7, 30] '— Кровопийца, змий, скорпион!'. — *Karıcığım müjde! Şahane bir iş buldum... [5, 98] '— Женушка, радостная новость! Я нашел отличную работу...'* — *Bravo beyefendi, gördünüz mü, gene zekâ!*



[5, 108] 'Браво, милейший, видели — снова проявление умал'. — İşte gene Antranik! [3, 123] '— Опять Антраник!'. — Nay bunak hay! [8, 62] '— Вот слабоумный!'

Рассматриваемый тип ядерного предложения имеет парадигматические трансформации для выражения тех или иных модально-временных и экспрессивных значений. Тут же следует отметить, однако, что эти трансформации не образуют всей сложной и развитой системы грамматических парадигм, какую имеют обычные предложения со словесно выраженным предикатом. Скорее здесь выступают лишь некоторые элементы парадигматической системности.

Рассматриваемые предложения могут иметь утвердительную (см. приведенные выше примеры) и отрицательную форму. Отрицательная форма образуется путем удвоения компонента — при этом в качестве повторяемого элемента используется обычно близкое по значению слово или слово şey — с употреблением ne... ne (de)...: ...Ne bir çör sandığı, ne de teneke [5, 131] '...Ни мусорного ведра (тебе), ни корзины'. ...Ne için çal:şacak? Para mı biriktirecek? Ne münasebet? Bundan böyle ne para ne pul artık. [3, 181] '...Чего ему работать? Деньги что ли копить? С какой стати? Теперь уж никаких (тебе) денег, ничего'.

— Aman efendim, ne içki ne bir şey; bu ne hal böyle? [9] '— Ой, слушай! Ни выпивки, ничего — что это за положение такое?'. ...Ne ölüm ne de bu dünyadan göçmenin karamsarlığı [3, 156] '...Ни смерти, ни боязни уйти из этого мира'.

Число элементов, выражающих отрицание, может быть и больше двух: ...Ölse, Türklere baş vurmazdı. Ne mahkemeleri, ne polisleri, ne kapın, ne de nizamları! [3, 183] '...Полюб бы, а к туркам обращаться не стал. Никаких (тебе) их судов, полиции, законов, постановлений!'

Парадигматические формы, служащие для выражения модальных, временных и экспрессивных оттенков, образуются для случая рассматриваемой структуры обычно с использованием различных фразовых определений: Tırki tırkısına kale kapısı [6, 41] 'Ну прямо-таки крепостные ворота'. Слова tırki tırkısına служат для усиления содержания в предложении утверждения (вносят модальный оттенок). Her zavantu işte [6, 47] 'Все (тот же) самообман'. Слова her и işte подчеркивают продолжительность, повторяемость состояния, обозначенного компонентом zavantu, а также экспрессию.

Taksi benim oldu mu, günde sırtısıra yirmi saat bile çalışırım... Her gün otuz kırk [3, 126] 'Как только такси станет моим, буду работать даже по двадцать часов подряд... Каждый день тридцать-сорок (лир)'. В данном примере в качестве компонента выступают числительные; слова her gün передают повторяемость номинативно обозначенного.

— Bu bir dehşettir beyefendi, insanogluyla çirkin bir alaydır bu... Otuz gün sonunda yalnız altmış liracık! (5, 110) '— Это ужасно, дорогой мой, это отвратительное издевательство над человеком. ...Через тридцать дней только каких-то шестьдесят лир!'. Слова otuz gün sonunda уточняют временное значение предложения, слово же yalnız и аффикс -cık при lıra подчеркивают модально-экспрессивное значение данной фразы.

Tam bu sırada kapının zili [3, 64] 'Прямо в этот момент звонок'. Слова tam bu sırada не относятся к номинации, поэтому структура состоит из одного компонента kapının zili; слова же tam bu sırada уточняют временное значение фразы.

Hararetili karşılaşma. Sarılışır koklaşma. Sonra hoş beş. [8, 74] 'Горячая встреча. Объятия да поцелуи. Потом разговоры'. В последней фразе слово sonra уточняет временное значение.

— ...Bir kosağarı birden! [5,76] '—...Вдруг ни с того ни с сего старуха!'. Слово *birden* подчеркивает значение неожиданности, выражаемое данным предложением.

Экспрессивные значения удивления (см. ниже примеры 1 и 2), раздраженности (пример 3), ненависти (пример 4), сожаления (пример 5) и другие обычно выражаются при помощи частиц и междометий:

1) — *Vay sen ha! — Ben ya hemşerim. Nasılsın?* [5, 100] '—Ах ты! — Да я, земляк. Как дела?'. В ответной реплике частица *ya* также подчеркивает соответствующий экспрессивный оттенок.

2) — *Sen ha? Burada ha? Hayrola!* [5, 96] '—Ты! Здесь! Привет!'.  
3) — *Ne yazılı mektupta? — Yahu, sır be... Sır söylenir mi?* [6, 121]

'—Что в письме? — Ну секрет же... Разве секрет можно раскрывать?'.  
4) — *Sen, sen yal Kızı bağa dâvet ettin, gelmedi, gittin ağanı doldurdun değil mi?* [5, 113] '— Ты, ух тыы!.. Пригласил девушку в сад, она не пришла, так ты пошел да наговорил на нее своему патрону, да?'.  
5) — *Vah vah vah. Hiç haberim olmadı... Vah zavallı Meliha abla vah!* [5, 51]) '—Ай-ай-ай! Я не знала... Бедная сестрица Мелиха!'.  
Типы: а)  $K_{\text{косв. п.}} + (\Pi)$ , б)  $K_{\text{осн. п.}} + (\Pi)$ , в)  $K_{\text{вин. п.}} + (\Pi)$ .

В «формулах» данных структур  $K_{\text{осн. п.}}$  обозначает комплемент в основном падеже,  $K_{\text{косв. п.}}$  — комплемент в косвенном падеже,  $K_{\text{вин. п.}}$  — комплемент в винительном падеже,  $(\Pi)$  — словесно не выраженный предикат. Номинация, построенная по принципу этих структур, состоит из одного (тип «а») или двух (типы «б» и «в») элементов.

Пропозитивная номинация, построенная по типу структуры «а», аналогична рассмотренной выше номинации типа  $K_{\text{осн. п.}} + (\Pi)$  в том отношении, что содержит лишь указание на один предмет, в результате чего особое значение с точки зрения конкретности соответствующей пропозитивной номинации приобретает ситуация и контекст. Чаще всего комплемент структуры «а» стоит в дательном падеже, и номинация соответствующего предложения выражает обычно направленность действия (движения) к предмету (или живому существу), обозначенному комплементом, например: *Doktora! Nemen doktora!* '—К доктору, сейчас же к доктору!'. Ситуация произнесения данных предложений предполагает, например, неожиданный приступ болезни или несчастный случай; при этом говорящий имеет в виду необходимость срочно доставить больного или пострадавшего к врачу.

$K_{\text{косв. п.}}$  в структуре «а» обычно является словом (словосочетанием), обозначающим одушевленные существа или неодушевленные предметы.

В структурах типа «б» и «в» отношение между двумя элементами номинации выражается при помощи падежных аффиксов (аффиксов дательного, исходного или местного падежей) у слова, выступающего в роли  $K_{\text{косв. п.}}$ , а также еще при помощи аффикса винительного падежа у  $K_{\text{вин. п.}}$  структуры «в». Как и в случае «а», в типах «б» и «в» комплементом чаще всего являются слова, обозначающие как живые существа, так и неодушевленные предметы. В роли комплементов в рассматриваемых структурах «а», «б» и «в» чаще всего выступают существительные, а также (реже) местоимения, причастия и некоторые другие части речи.

Особенности грамматических значений, выражаемых ядерными предложениями, номинация которых построена по рассматриваемым

типам, не связаны непосредственно с различиями в выраженности компонентов соответствующих структур (ядерная структура, сама по себе, имеет отношение лишь к номинативному значению предложения); эти особенности определяются общим для всех рассматриваемых структур фактом отсутствия словесной выраженности предиката. Поэтому ядерные предложения, построенные по типам «а», «б» и «в», передают в общем те же грамматические значения, что и рассмотренные выше предложения структуры  $K_{осн.п.} + (П)$ . В этой связи наиболее типичные грамматические значения рассматриваемых ядерных предложений сводятся: а) к выражению того, что номинативно обозначенное имеет место непосредственно и реально в данный момент времени, б) к выражению констатации определенного факта действительности, который существует вне связи с определенным моментом времени, и в) к выражению значения, аналогичного случаю «а», но при пересказе событий, имевших место в прошлом (говорящий как бы вновь переживает и «непосредственно воспринимает» эти события). Приведем примеры:

— Senden izinsiz hiç bir yere gitmeyeceğim. — Aferin kızım! [7, 15] '—Без твоего разрешения я никуда не пойду. — У меня дочка молодец!'. — Bu gece bugada kalacağız. — Sen kal, baba eyvallah (6, 42) '—Сегодня останемся здесь ночевать. — Ты оставайся, а я пошел'. — Eczaneye doğru eczaneye! [8, 19] '— В аптеку, прямо в аптеку!'. ...Eski arabayı Süreyya'ya [3, 126] '...Старую машину Сюрейе'. Срте он beş kuruş [5, 95] 'В кармане пятнадцать курушей'. Arka masada oturan kadın her kimse, bize rakı şarap ismarlayacak değil ya, votka ismarlamış. Herkese yakışanı [6, 81] 'Кто бы ни была эта женщина за столиком сзади, не будет же она заказывать нам раки, вино — заказала водки. Каждому свое'. Her gün otuz kırk. Maç günlerinden daha çok. [3, 126] 'Каждый день — тридцать-сорок. От дней (футбольных) матчей (доход будет) и того больше'. В данной фразе слова *maç günlerinden* 'от дней матчей' являются не временным фразовым определением, а одним из компонентов — они участвуют в создании номинации. ...Şöyle bir başımı çevirdim. Aman Allah!.. Ayağında beyaz çizme, pantolon, sırtında beyaz kürk kap, başında yine kürkten bir başlık. [6, 81] '...Я чуть повернул голову. Бог мой!.. На ногах у нее белые сапожки, в брюках, на плечах белая меховая накидка, на голове кашпошон, тоже из белого меха'. Masaya bir tekme, şişeler tabaklar betonda şangırrrr... [5, 90] 'Удар ногой по ножке стола, и бутылки, тарелки трах-тарарах о бетонный пол'.

Предложения, построенные по образцу рассматриваемых структур, могут быть в восклицательной (см., например, приведенную выше фразу *Eczaneye doğru eczaneye!*) и в вопросительной форме. Последняя может образовываться при помощи вопросительных местоимений в различных падежах: — Nereye böyle yelli yelli? [5, 113] '—Куда это ты на всех парусах?'. ...Dışarı çıksam, nereye? [6, 26] '...Выйду на улицу — куда?'. ...Novardalık senin neyine? [6, 47] '...К чему тебе распутство?'. — ...Senin neyine otel, lokantalar birader? [6, 50] '—...К чему тебе, дорогой, гостиница, рестораны?'. Возможно образование вопросительной формы и с частицей *mi*: — Eski arabayı Süreyya'ya mı? '— Что, старую машину Сюрейе?'. — Bana mı eyvallah? '—Что, мне уходить?'. Эта же форма может образовываться и с частицей *ha*: — Sana bir vazife ha? Ne dersin? [6, 97] '—Тебе есть одно дело? Что скажешь?'. По отношению к грамматическим трансформациям ядерных предложений с данными структурами можно высказать те же общие заме-

чания, что и выше по отношению к структуре «К<sub>осн.п.</sub> + (П)». Что же касается конкретных особенностей выражения грамматических значений в предложениях с отмеченными типами структур, то здесь имеется важное отличие, заключающееся в отсутствии у рассматриваемых форм отрицательного аспекта. Можно встретить лишь некоторые элементы выраженности отрицательного аспекта, связанные с формальным использованием вопросительного оборота в значении отрицания... Yerlerini şaşırmışlar, bu marifetlerini ringte gösterecekler de bayrağı göndere şektirecekler ya... Nerde! [10, 6] '...Они, очевидно, не поняли, где находятся; вот если бы они показали свои способности на ринге, да прославили (национальный) флаг... Но где уж там!'. По значению здесь Nerde = Bunu yapamazlar.

Модальные значения в трансформациях рассматриваемых ядерных предложений могут передаваться: а) с использованием фразовых определений и б) путем удвоения (повтора) компонента: — ...Cebimde tamı tamına üç tane çeurek [5, 95] '...У меня в кармане всего-навсего три четвертака'. ... Karşı apartmanların her bir penceresinde ben deyim on, siz deyin yirmi baş [8, 279] '...В домах напротив в каждом окне по десять, а то и по двадцать голов'. — ...Allah seni inandırısın Meliha abla, akşamdan beri içimde bir sıkıntı bir sıkıntı [5, 54] '...Не поверишь, сестрица Мелиха! С вечера у меня в душе такая тяжесть, такая тяжесть!'. Здесь повтор подчеркивает интенсивность состояния, обозначенного словом, выступающим в роли компонента.

Оттенки временных значений выражаются обычно фразовыми определениями: см. пример выше, где слова akşamdan beri 'с самого вечера' уточняют временное значение фразы, а также следующий — Sonra koşuya devam [6, 27] 'Потом бег дальше'.

Для выражения экспрессии часто используются частицы и междометия: — Karaborsacı babandır! Bir de vazife halindeki memura hakaret hal [8, 228] '— Сам спекулянт! Ты еще смеешь оскорблять официальное лицо при исполнении служебных обязанностей!'.

## ЛИТЕРАТУРА

1. П. Адамц, В. Грабе. Трансформация, синтаксическая парадигматика и члены предложения. *Slavia*, XXXVII, 2, 1968.
2. Н. Ю. Шведова. Основы построения описательной грамматики современного русского языка. М., 1966.
3. О. Kemal. Oyuncu kadın. Ankara, 1975.
4. F. Baykurt. İçerdeki oğul. Ankara, 1975.
5. О. Kemal. Yağmur yüklü bulutlar. Ankara, 1974.
6. A. Nesin. Bir sürgünün anıları. İstanbul, 1975.
7. О. Kemal. Kırmızı küpeler. Ankara, 1974.
8. H. Taner. Hikâyeler. Ankara, 1970.
9. «Cumhuriyet», от 1.6.1977.
10. «Cumhuriyet», от 4. 6. 1977.



А. М. ЩЕРБАК

## РУКОПИСНЫЙ СБОРНИК Ог. 8193 И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УЗБЕКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

0. Рукописный сборник Ог. 8193, хранящийся в Британском музее, включает в себя как поэтические, так и прозаические произведения. Он написан уйгурскими буквами и украшен многочисленными орнаментами. Место составления сборника — г. Йезд в Иране, время составления — раджаб-ша'бан 835 года хиджры (1432 г.), переписчик и составитель — Мансур бахши<sup>1</sup>.

Первое сообщение о рукописи Ог. 8193 сделал в 1924 году В. В. Бартольд<sup>2</sup>. Более подробные сведения о ней были изложены в статье Дж. Клосопа, опубликованной в 1928 году<sup>3</sup>. Позднее рукописный сборник Ог. 8193 был описан А. М. Щербаком<sup>4</sup>.

В настоящее время, когда многие вошедшие в сборник поэтические и прозаические тексты изданы и в той или иной мере изучены, наши знания о них заметно углубились и могут служить надежной основой не только для ведения текстологической работы, путем сравнения данного рукописного сборника с другими, но и для решения задач совсем иного рода, например, для объяснения причин параллельного использования в Средней Азии в XV веке двух алфавитов: арабского и уйгурского.

1. Прежде чем попытаться ответить на вопросы, связанные с возрождением традиции уйгурского письма, мы остановимся на общей характеристике текстов, вошедших в рукописный сборник Ог. 8193. Приведем перечень списков и краткий очерк истории их изучения.

В сборник вошли следующие произведения: 1) «Сирадж ал-кулуб» («Светильник сердец», лл. 2 г — 129v); 2) «Масала китабы» («Книга притч», лл. 130 г — 136 v); 3) «Рахат ал-кулуб» («Отрада сердец», лл. 137 г — 159 v); 4) «Мухаббат-наме» («Книга любви», лл. 159 г — 173 г); 5) Поэтические произведения предшественников Навои (лл. 173 v — 182 v). На полях рукописи арабскими буквами на персидском языке написан диван Камала Исмаила Исфакхани.

1) «Сирадж ал-кулуб» — крупное по размерам прозаическое сочинение, часть которого, по-видимому, утрачена. В сохранившейся части, как можно предположить, нарушена последовательность изложения.

«Сирадж ал-кулуб» содержит вопросы на различные религиозные

<sup>1</sup> О Мансуре бахши см.: *H. F. Hofman. Turkish literature. A bio-bibliographical survey. Sec. III, p. 1, vol. 4: K—N. Utrecht, 1969, стр. 118—121.*

<sup>2</sup> *В. В. Бартольд. Новая рукопись уйгурским шрифтом в Британском Музее. — «Доклады Российской Академии наук», серия «В», Л., 1924, апрель—июнь, стр. 57—58.*

<sup>3</sup> *Sir G. Clauson. A hitherto unknown Turkish manuscript in «Uighur» characters. — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London, 1928, стр. 99—123.*

<sup>4</sup> *А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959, стр. 115—123.*

темы, обращенные к пророку, и ответы на них, иногда весьма простран-ные. Общее число вопросов — 26.

В языковом отношении уйгурский список «Сирадж ал-кулуб» при-мыкает к «Ми'радж-наме» и «Тазкираи авлия». В нем, по существу, нет каких-либо архаических особенностей в фонетике и морфологии, а набор синтаксических конструкций довольно ограниченный и типично-книжный. В лексике встречаются такие слова, как *jazuk* 'грех', *kigüg-* 'вводить', *ugyak* 'кряк', *salza* 'клевц', *ymta* 'наложница', *öndüg* 'высокий', *tañdasy küp* 'на следующий день', *el küp* 'народ'.

Текст «Сирадж ал-кулуб» по рукописи От. 8193 не издавался. В 1975 году доцент Стамбульского университета О. Серткайя, тщательно изучив рукопись, подготовил ее для издания и защитил на тему о «Сирадж ал-кулуб» докторскую диссертацию<sup>5</sup>.

Тюркоязычных списков «Сирадж ал-кулуб», насколько можно судить об этом по имеющимся в нашем распоряжении каталогам, немно-го. О списке, относящемся к XVI веку (1553/54 гг.) и хранящемся в Цен-тральном государственном архиве СССР в Москве (№ 1468, фонд № 181), сообщил в докладе на XXV международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 году Э. Н. Наджип<sup>6</sup>. Содержанием его, как и всех других списков «Сирадж ал-кулуб», являются вопросы на различные религиозные темы, задаваемые евреями Мухаммеду, ответы на них и ком-ментарии<sup>7</sup>. Другой тюркоязычный список лег в основу двух казанских изданий конца прошлого века<sup>8</sup>. Приведенные в нем вопросы, начиная с 21 страницы, в значительной мере совпадают с вопросами в уйгурской рукописи, хотя количество их больше (40) и помещены они в несколько ином порядке.

Текст уйгурского и других списков «Сирадж ал-кулуб» — перевод с персидского, о чем в свое время писал В. В. Бартольд, а персидский текст — перевод с арабского. О персидских рукописях «Сирадж ал-ку-луб» сообщает Дж. Р. Уолш<sup>9</sup>. Одна из них хранится в New College в Эдинбурге и, как указывает Дж. Р. Уолш, по содержанию близка к руко-писи, описанной Ш. Рьё<sup>10</sup>, но начинается иначе. Сюжетную линию в ней образуют семьдесят вопросов евреев к Мухаммеду. Вторая персидская рукопись, упоминаемая Дж. Р. Уолшем и хранящаяся в другом месте, содержит тридцать три вопроса<sup>11</sup>.

2) «Масала китабы» занимает небольшую часть рукописи и состоит из сорока четырех притч, написанных, как считал В. В. Бартольд, в честь эмира Джалал-ад-дина Фирузшаха, который с 1407 по 1444 год был верховным военачальником в Герате, во время правления Шахруха<sup>12</sup>.

<sup>5</sup> O. F. Sertkaya. Islâmi devrenin uygur harflî eserlerinden Sirâc'î-Kulûb. Transkrip-siyon ve indeks. İstanbul, 1975.

<sup>6</sup> Э. [Н.] Наджип. Датированная тюркоязычная рукопись XVI века *سراج القلوب*

из Центрального государственного архива СССР в Москве. — «Доклады деле-гации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов», М., 1960, стр. 1—11.

<sup>7</sup> Пользуясь случаем, выражаем глубокую благодарность Э. Н. Наджипу, любезно предоставившему в наше распоряжение микрофильм московского списка и машинопис-ный экземпляр своей работы о языке «Сирадж ал-кулуб» по этому списку.

<sup>8</sup> *سراج القلوب* Казань, 1875 и 1895.

<sup>9</sup> John R. Walsh. The Turkish manuscripts in New College. — «Oriens». XII, 1—2, Leiden, 1959, стр. 186.

<sup>10</sup> Ch. Rieu. Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum. I. London, 1879, стр. 17 b.

<sup>11</sup> См.: H. Ethé. Catalogue of Persian manuscripts in the Library of the India office. I. Oxford, 1903, стр. 988. В данной рукописи указан автор произведения: Нажм-ад-дин Дайя.

<sup>12</sup> В. В. Бартольд. Улугбек и его время. — «Записки Российской Академии наук», сер. VIII, XIII, № 5. 1918, стр. 71, 119.

Текст в транскрипции с приложением индекса и факсимиле издан О. Ф. Серткай<sup>13</sup>.

3) Есть основания считать, что в рукописном сборнике Ог. 8193 представлена лишь часть «Рахат ал-кулуб» (см.: л. 137 г).

«Рахат ал-кулуб» содержит рассказы пророка и шейхов и, кроме того, вопросы, с которыми падишах Йемена обратился к пророку, а дочь китайского падишаха — к сыну падишаха Магриба.

Некоторые сведения о «Рахат ал-кулуб» приводит в своих монографиях Г. Ярринг, поместивший в них также отрывки из одноименного произведения по рукописи, приобретенной им в 1929 году в Кашгаре, которая находится ныне в Университетской библиотеке Лунда<sup>14</sup>. В экземпляре Г. Ярринга — двадцать глав.

Касаясь истории текста, Г. Ярринг пишет, что под наименованием «Рахат ал-кулуб» известны несколько произведений, но связь между ними недостаточно ясна. Всего Г. Ярринг упоминает четырнадцать рукописей, хранящихся в Берлине, Лейдене, Лунде, Упсале, Ташкенте<sup>15</sup>.

4) «Мухаббат-наме» вместе с «Латафат-наме» Ходженди, «Дах-наме» Эмпри и «Та'ашшук-наме» Сиди Ахмеда образуют староузбекский цикл эротических поэм, получивших особенно широкое распространение у персидских поэтов.

Текст «Мухаббат-наме» издавался четыре раза по двум спискам<sup>16</sup> — уйгурскому (Т. Ганджен, А. М. Щербак) и арабскому (Т. Джалалов, Э. Н. Наджип).

Работа Т. Ганджен состоит из трех частей. Первая часть — введение, транскрипция текста, комментарии, факсимиле; вторая — перевод на итальянский язык; третья — словарь тюркских слов, встречающихся в поэме<sup>17</sup>. Т. Ганджен не ставил перед собой цели подготовить критический текст поэмы, тем не менее, он сделал решающий шаг в этом направлении, объявив арабский список идентичным оригиналу и включив в свое издание отдельные фрагменты из него.

Монографии Э. Н. Наджипа<sup>18</sup> и А. М. Щербака<sup>19</sup> хорошо известны советским тюркологам и необходимости в подробном обзоре их нет. Что касается издания Т. Джалалова<sup>20</sup>, то критический разбор его сделан в рецензии Э. Н. Наджипа<sup>21</sup>. Обобщающая характеристика публикаций Т. Ганджен, Э. Н. Наджипа и А. М. Щербака дана в статье Дж. Клосо-

<sup>13</sup> O. F. Sertkayá. Uygur harfleri ile yazılmış bâzi mensur parçalar. I. Mes'ele kitabı. — «Türkiyat Mecmuası», XVIII (1973—1975), İstanbul, 1976, стр. 243—268, I—XII.

<sup>14</sup> G. Jarring. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. II. Materialien. Lund, 1933, стр. 16—19, 42—47; *ego же*. Literary texts from Kashghar edited and translated with notes and glossary, Lund, 1980, стр. 71—84.

<sup>15</sup> G. Jarring. Literary texts from Kashghar..., стр. 70.

<sup>16</sup> О двух других арабографических списках «Мухаббат-наме» см.: O. F. Sertkayá. Horezmi'nin Muhabbet-nâme'sinin iki yeni yazma nüshası üzerine. — «Türkiyat Mecmuası», XVII (1972), İstanbul, 1972, стр. 185—207. Здесь же — публикация «Мухаббат-наме» по двум новым спискам в арабской графике и в транскрипции (стр. 190—207). К статье приложены факсимиле обоих списков (I—XVIII).

<sup>17</sup> T. Gandjei. 1) JI «Muhabbat-nāma» di Hōrezmi. — «Annali dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli», N. S., VI, 1954—56, стр. 131—161; 2) JI «Muhabbat-nāma» di Hōrazmi. II. Traduzione con note introduttive. — Там же, N. S., VII, 1957, стр. 135—166; 3) JI lessico del «Muhabbat-nāma». — Там же, N. S., VIII, 1958, стр. 91—102.

<sup>18</sup> Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и послелование Э. Н. Наджипа. М., 1961.

<sup>19</sup> А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме, стр. 113—170.

<sup>20</sup> Хоразмий. Мухаббатнома. Нашрга тайёрловчи Т. Жалолов. Тошкент, 1959.

<sup>21</sup> Э. Н. Наджип. Хоразмий «Мухаббат-нома»сининг Тошкент нашри ҳақида. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1963, № 6, стр. 66—70.

на<sup>22</sup>. Признавая достоинства последних, Дж. Клосон называет вместе с тем некоторые недостатки, в частности то, что у Т. Ганджеи л. 181 г на самом деле является л. 170 г, а лл. 170 v, 181 г не воспроизведены вообще, и что в публикации А. М. Щербака, в особенности в конечной части, имеются случаи несоответствия отсылок к тексту пагинации рукописи. В заключение, Дж. Клосон предложил реконструкцию «рукописного древа», в котором наряду с упомянутыми выше списками фигурируют пять гипотетических, включая оригинал. Все три части издания Т. Ганджеи тщательно разобраны в рецензии Я. Экмана<sup>23</sup>. Имеются также рецензии на издание А. М. Щербака<sup>24</sup> и Э. Н. Наджиба и А. М. Щербака<sup>25</sup>.

Существует ряд турецких работ, посвященных «Мухаббат-наме»<sup>26</sup>, примечателен соответствующий раздел в энциклопедическом издании<sup>27</sup>.

5) Из поэтических произведений предшественников Навои в сборник включены: а) четыре газели Лутфи; б) газель Джавхарн; в) три газели Камбара-оглы; г) газель Касыма; д) касыда Мансура бахши; е) четыре четверостишия (кошуклар); ж) одно четверостишие (? байт).

Поэтические произведения предшественников Навои по рукописи Ог. 8193 издавались трижды: в 1928 году Дж. Клосоном в Англии<sup>28</sup>, в 1975 году О. Ф. Серткай в Турции<sup>29</sup> и в 1982 году А. М. Щербаком в СССР<sup>30</sup>.

Английское издание представляет собой транскрипцию текста, приложенную к описанию рукописного сборника, без перевода. Издание, подготовленное в Турции, содержит описание рукописи, краткие биографические сведения об авторах, транскрипцию текста и факсимиле. В советском издании, помимо вводной части, транскрипции текста и факсимиле, имеется перевод на русский язык.

II. Как указывалось выше, произведения, вошедшие в рукописный сборник Ог. 8193, написаны уйгурскими буквами, и это не единственный случай использования уйгурского алфавита в Средней Азии в XV веке. Уйгурскими буквами написаны также «Бахтияр-наме» (1434 г.), «Мир'адж-наме», «Тазкиран авлия» (1436 г.), «Кутадгу биллиг» (1439 г.), «Атабат ал-хака'ик» (1444 и 1480 гг.), «Латафат-наме» (1483 г.)<sup>31</sup> и т. д. Копирование осуществлялось главным образом в Герате, Мезде и

<sup>22</sup> G. Clauson. The Muhabbat-nāma of Xwārazmī. — «Central Asiatic Journal», VII, 4, Wiesbaden, 1962, стр. 241—255.

<sup>23</sup> См.: «Türk dili ve edebiyatı dergisi», IX, 1959, стр. 156—158.

<sup>24</sup> См.: А. Н. Кононов. — «Вопросы языкознания», 1962, № 5, стр. 134—135.

<sup>25</sup> См.: Г. Ф. Блзгова. Два издания рукописей «Мухаббат-наме». — «Народы Азии и Африки», М., 1963, № 2, стр. 209—212.

<sup>26</sup> О. Ф. Серткайа. Horezmî'nin Muhabbet-nâme'sinin iki yeni yazma nüshası üzerine, стр. 187.

<sup>27</sup> J. Eckmann. Die kiptschakische Literatur. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», II, Wiesbaden, 1964, стр. 285—287.

<sup>28</sup> Sir G. Clauson. A hitherto unknown Turkish manuscript in «Uighur» characters, стр. 123—130 («Appendix»).

<sup>29</sup> О. Ф. Серткайа. Uyğur harfleriyle yazılmış bazı manzum parçalar. II. — «İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi. Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi», XXI, 1973, İstanbul, 1975, стр. 175—195.

<sup>30</sup> А. М. Щербак. Поэтические произведения предшественников Навои. — «Письменные памятники Востока. 1975», М., 1982, стр. 172—184, 332—341.

<sup>31</sup> См.: T. Ghandjei. Note on an unknown poem of Haidar in Uighur characters. — «A Locust's Leg. Studies in honour of S. H. Taqizadeh», London, 1962, стр. 67; ego же. Note on the colophon of the «Latāfat-nāma» in Uighur characters from the Kabul museum. — «Annali dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli», N. S. XIV, 1964, стр. 161—164. См. также: О. Ф. Серткайа. Islāmî devrenin Uyğur harflî eserlerine toplu bir bakış. Bochum, 1977. Сообщалось о предстоящей публикации на эту же тему статьи Т. Ганджеи — «The renaissance of the Uighur script», однако точных сведений о ней в нашем распоряжении нет.



Самарканде, в качестве переписчиков упоминаются Мансур бахши, Малик бахши, Зайн ал-'Абидин бахши и другие лица.

Делая обзор среднеазиатских уйгурских рукописей эпохи ислама, В. В. Радлов высказал предположение о существовании особого типа уйгурского письма, названного им «*der mohammedanisch-uirgische Schrift-character*»<sup>32</sup>. Поскольку в некоторых из этих рукописей используется значительное количество дополнительных знаков, предположение В. В. Радлова может показаться, на первый взгляд, вполне обоснованным. Однако при более глубоком подходе обнаруживается явное отсутствие опоры на анализ фактических данных: дополнительные знаки, будучи буквами или диакритиками арабского алфавита, не являются конститутивными элементами уйгурских букв, и мы не вправе рассматривать их как единое целое с последними. Иными словами, мы имеем дело не с особым типом уйгурского письма, а с обычным уйгурским курсивом, «комментируемым» при помощи арабских букв и диакритик<sup>33</sup>.

Так называемый ренессанс уйгурского письма в XV веке не был стихийным возобновлением старой письменной традиции, и обращение к уйгурскому алфавиту не было продиктовано практическими соображениями, о чем свидетельствует следующий факт. Отдельные произведения, написанные уйгурскими буквами в указанный период, снабжены междустрочным арабографичным текстом, надобность в котором могла быть вызвана лишь одним обстоятельством: желанием сделать их читаемыми, или точнее, понятными<sup>34</sup>.

В связи с изложенным выше возникают вопросы. С какой целью в эпоху господства ислама рукописи, первоначально написанные арабским алфавитом, затем переписывались уйгурскими буквами? Чем объяснить параллельное функционирование двух алфавитов в период, когда один из них, арабский, получил статус официально признанной системы письма? Почему при копировании арабографичных текстов уйгурскими буквами предпочтение отдавалось уйгурскому курсиву, заимствованному в середине XIII века монголами<sup>35</sup>? В самой общей форме на все эти вопросы можно ответить так: потомки Тимура, постоянно и повсеместно подчеркивавшие свою принадлежность к чингизханидам, старались воспользоваться любыми средствами для поддержания авторитета монгольской империи. Одним из таких средств стал уйгурский алфавит, тем более подходивший для этого, что спустя некоторое время после выхода его из употребления у тюрков он воспринимался скорее как монгольская, нежели тюркская, система письма. Здесь уместно напомнить об одном эпизоде из биографии Захир-ед-дина Мухаммеда Бабура. В начале XVI века он изобрел специфическую разновидность письма — «хатти Бабури» — и применил ее, в частности, для составления списка корзана, находящегося в настоящее время, согласно сообщению А. Алпарслана, в библиотеке города Мешхеда в Иране<sup>36</sup>. Тщательный просмотр буквенных знаков,

<sup>32</sup> W. Radloff. *Das Kudatku Bilik*. I. SPb., 1891, стр. XCIII.

<sup>33</sup> См.: А. М. Щербак. *De l'alphabet ouigour* (печатается в журн. «Acta Orientalia»).

<sup>34</sup> Ср.: T. Gandjei. *Note on an unknown poem of Haidar...*, стр. 67.

<sup>35</sup> См.: W. Kotwicz. *Quelques données nouvelles sur les relations entre les Mongoles et les Ouigours*. — «Rocznik Orientalistyczny». II, 1925, стр. 244; P. Pelliot. *Les systèmes d'écriture en usage chez les anciens Mongols*. — «Asia Major», II, 1925, стр. 287—289.

<sup>36</sup> A. Alparslan. *Babur'un icad ettiği «Baburi yazısı» ve onunla yazılmış olan kur'an*. — «Türkiyat Mecmuası», XVIII (1973—1975), İstanbul, 1976, стр. 161—166. О другом варианте «хатти Бабури», извлеченном из «Табакати Акбарии», см.: С. А. Азимджанова. *Новые сведения о «Хатт-и Бабури»*. — «Доклады делегации СССР на XXVI международном конгрессе востоковедов», М., 1963.

приведенных в статье А. Алпарслана, наводит на мысль о том, что главнейшими источниками «хатти Бабури» были арабский и уйгурский алфавиты. К аналогичному выводу приходит и сам А. Алпарслан. «Исследование систем письма, имеющих отношение к местам походной жизни Бабура, — пишет он, — прольет больше света на происхождение „хатти Бабури“. Однако при самом общем подходе очевидно влияние арабского (у А. Алпарслана: „исламского“. — А. III.) и уйгурского алфавитов»<sup>37</sup>. Хотя Бакур, насколько нам известно, нигде не называет причину создания «хатти Бабури», есть факты, позволяющие приблизиться к ее пониманию. Бакур, как и другие тимуриды, подчеркивал свою принадлежность к династии монгольских ханов. Существенно и то, что отец Бабура Омар-Шейх мирза был хорошо знаком с разновидностью уйгурского курсива, использовавшейся монголами. Будучи тимуридом и ясно осознавая свою роль в междоусобной борьбе за власть в Мавераннахре, Бакур, как и его предшественники, непрочь был подчеркнуть возвышенное положение своей родословной, величие и незыблемость рода Чингизхана. Таким образом, обращение в XV веке к уйгурскому алфавиту преследовало не практические, а престижные цели.

III. Значение рукописного сборника Ог. 8193 для узбекской филологии заключается прежде всего в отражении им норм прозаического и поэтического вариантов староузбекского литературного языка XIV—XV веков. В сборник попали произведения разных жанров, важность которых для истории узбекской литературы подтверждается самим фактом необыкновенно широкого и интенсивного изучения их. Особую ценность сборнику придает то, что он составлен при жизни авторов или вскоре после их смерти. Достоинство его и в том, что при копировании было использовано уйгурское письмо, располагавшее несколько большими, по сравнению с арабской письменностью, возможностями передачи гласных. Наконец, следует отметить художественные достоинства рукописи, выразившиеся в оформлении текста превосходными образцами растительного, животного и геометрического орнаментов.

---

<sup>37</sup> А. Alparslan. Babur'un icad ettiği «Baburi yazısı» ve onunla yazılmış olan kur'an, стр. 166.

Ч. Д. ДЖУМАГУЛОВ, С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

## НАСКАЛЬНАЯ ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ЭПИГРАФИКА В ТАЛАССКОМ АЛА-ТОО

За последние два десятилетия фонд памятников Таласской провинции древнетюркской рунической эпиграфики значительно пополнился новыми находками.

Наряду с неизвестными ранее текстами на отдельных камнях-валунах<sup>1</sup>, были обнаружены также мелкие наскальные граффити, значение которых немаловажно как с историко-культурной точки зрения (поскольку такого рода надписи свидетельствуют о достаточно широком распространении этого рода письменности среди тюркоязычного населения Тянь-Шаня в раннем средневековье), так и в историко-лингвистическом аспекте (так как в этих надписях зафиксированы лексемы, семантический диапазон которых не всегда ясен). До недавнего времени были известны лишь четыре терексайские рунические наскальные надписи<sup>2</sup>. Рядом с ними была найдена согдийская эпиграфика.

Осенью 1981 года совместной экспедицией Института истории и Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР (руководители И. Кожомбердиев, Ч. Джумагулов) в ущелье Куру-Бакайыр (Таласский Ала-Тоо) на высоте 2500 м над уровнем моря (фото 1) были обнаружены еще три наскальные надписи — одна согдийская (передана для изучения В. А. Лившицу) и две, написанные руническим письмом.

Обе рунические надписи процарапаны на невысокой скале по плоскости, обращенной к юго-востоку, по левому берегу р. Куру-Бакайыр (бассейн р. Суулуу-Бакайыр), примерно в 2,5 км от ее устья. Среди многочисленных петроглифов наиболее часто повторяются схематические рисунки человеческих фигур в грибоподобных головных уборах (фото 2), стреляющих лучников, горных козлов, оленей, волков (собак?), уларов.

Первая надпись расплоснена в верхнем углу юго-восточной плоскости скалы, и написана в одну строку длиной в 14 см, состоящую из

<sup>1</sup> См.: В. А. Каллаур. Новые археологические находки в Аулетинском уезде. Протоколы и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии, год 3-й. Ташкент. 1897—1898; М. Е. Массон. К истории открытия древнетурецких надписей в Средней Азии. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7. М.—Л., 1936, стр. 10—11; Ч. Джумагулов. Эпиграфика Киргизии. Фрунзе. Вып. 1, 1963, стр. 15—34 и вып. 2, 1982, стр. 11—21 и др.; И. А. Батмачов. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971, стр. 4—26.

<sup>2</sup> Подробнее см.: С. Сыдыков. Древние надписи в ущельях Кулан-Сай и Терек-Сай. — «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению», Фрунзе, 1964, стр. 103, 106; Ч. Джумагулов. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2, стр. 17—19 (табл. IV, 1, 2).



Фото 1.

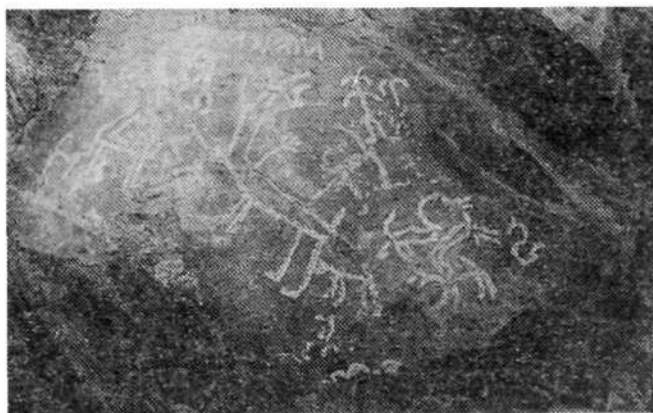


Фото 2.



Рис. 1.





Рис. 2.



Фото 3.

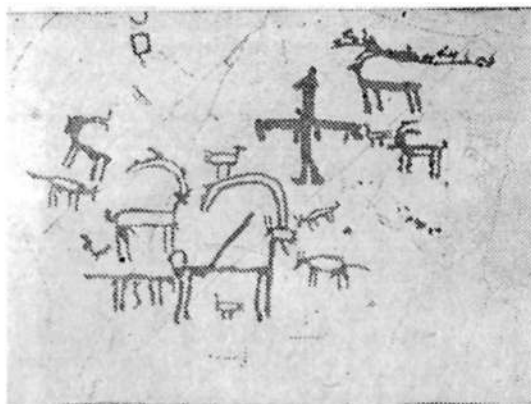


Рис. 3.

шести знаков, высотой около 3 см (рис. 1). Сохранность надписи достаточно хорошая для распознавания знаков. Палеографическими особенностями эта надпись не выделяется среди других таласских надписей; начальное *q* в слове *qut* дано в зеркальном повороте, что также неоднократно отмечалось в таласской и енисейской рунике (рис. 2).

Чтение:  $\text{M} > \text{L} \wedge > \text{I}$  *qutčog*. Имя-титул *Qutčog* состоит из двух

элементов, каждый из которых неоднократно отмечался в составе древнетюркской ономастики и титулатуры. Слово *qut* в рунических текстах имело, очевидно, более узкий семантический диапазон, нежели тот, которым оно отличалось в древнеуйгурской литературе; и его значение сводится, скорее всего, к понятиям «княжеская харизма», «небесная благодать», «благодать»<sup>3</sup>. В древнетюркской титулатуре обычно употребление производной формы *qutluu*. Однако, регистрируется и сочетание с *qut*: *ïduq qut* (титул вождя басмылов, а позднее — уйгуроких владельцев Турфанского княжества), *qut teŋgi xatunī* (имя собственное)<sup>4</sup>, *bilge qutī* (обозначение уйгуроких вельмож по Джувеини)<sup>5</sup>.

Титул *čog*, очевидно, иранского происхождения<sup>6</sup>, был весьма распространен в среде высшей аристократии Западнотюркского каганата. В VIII веке этот титул являлся традиционным для правящей династии, владельцев Таласской долины<sup>7</sup> (*qaqa čog*, *qimaq čog*).

Вторая руническая надпись находится в нижней части той же скальной поверхности. Она написана в одну строку длиной 11 см, состоящую из пяти знаков высотой до 6 см и прочерчена неглубокими штрихами по неровной эрозированной поверхности. Дукт этой надписи иной, нежели дукт первой, и по палеографическим особенностям вторая надпись может быть отнесена к более позднему периоду бытования рунического письма (фото 3, рис. 3).

Чтение:  $\text{L} \text{M} \text{C} \text{Y}$  *šagya*. Здесь фиксируется один из достаточно

редких случаев передачи тюркским руническим письмом согдийского слова: руническое *šagya* < согдийского *šgʷw*, *šgwʷ* (*šagyaw/šagaʷ*) 'лев', с закономерной утратой при адаптации в тюркском конечного билабияльного *w*.

Здесь данное слово, вероятно, прочерчено как имя или часть имени и точно калькирует столь распространенное в карлукско-караханидской среде имя-титул *arslan*. Не только выбор алфавита, но и форма языковой адаптации слова с несомненностью свидетельствуют о том, что автором граффити был тюрк, а сама надпись вряд ли может быть датирована временем ранее конца IX—X веков.

Примерно в 200 м ниже по ущелью от скалы с руническими надписями, на отдельном останцовом каменном выступе, была обнаружена

<sup>3</sup> См.: *A. Bombaci. Qutluu bolsun! A contribution to the history of the concept of «fortune» among the Turks.* — UAJ, Bd. 36, 1965, fasc. 3—4, стр. 289—290; *M. Mori. The Tu-chüeh concept of Sovereign* — Acta Asiatica, Tokyo, 1981, № 41, стр. 58—74.

<sup>4</sup> См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 110.

<sup>5</sup> См.: *G. Doerfer. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen.* III. Wiesbaden, 1963—1975, стр. 553.

<sup>6</sup> *P. Aalto. Iranian contacts of the Turks in pre-Islamic times.* — «Studia Turcica», Budapest, 1971, стр. 35.

<sup>7</sup> См.: *С. Г. Кляшторный. О датировке таласских рунических памятников.* — «Бартольдские чтения», 1974, год пятый. М., 1981, стр. 43—44.

четырёхстрочная согдийская надпись (фото 4, рис. 4). К сожалению, большая часть надписи читается с трудом, однако, в последней строке В. А. Лившиц по фотографии надписи прочел дату — трехсотый год по эре Йездигерда, то есть 931 год н. э. В первой и последующих строках явно прочитываются тюркские имена и титулы, первый из которых — титул *bojla*, зафиксирован уже в орхонских текстах<sup>8</sup>.



Фото 4.



Рис. 4.

Наряду с другими согдийскими надписями раннекараханидского времени из района Таласского Ала-Тоо (они подготовлены к изданию В. А. Лившицем), короткие надписи из ущелья Куру-Бакайыр свидетельствуют о распространенности тюрко-согдийского двуязычия не только в согдийской (как сообщает Махмуд Кашгарский), но и в тюркоязычной среде.

<sup>8</sup> См.: «Древнетюркский словарь», стр. 110.

## РЕЦЕНЗИИ

### Ф. А. ГАНИЕВ. ОБРАЗОВАНИЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗД-ВО «НАУКА», М., 1982, 150 стр.

Словообразование как самостоятельный раздел тюркокого языкознания становится предметом специального исследования с середины 50-х годов. Однако большинством тюркологов исследовалось главным образом аффиксальное словообразование имен и глаголов, тогда как вопросы образования сложных слов, несмотря на всю их актуальность, не привлекали должного внимания. Поэтому рецензируемая монография Ф. А. Ганиева, посвященная проблеме образования сложных слов в татарском языке, представляет значительный научный интерес.

Во вводной части работы отмечается, что вопрос образования сложных слов усложняется распространенным среди определенной части тюркологов мнением об исключительной синтетичности тюркских языков, а также перенесением на последние словообразовательных схем иносистемных языков.

В первой главе автор прослеживает историю изучения композит в тюркологии и в татарском языкознании, указывает на недостатки, которыми страдают исследования в этой области, раскрывает их причины. Он отмечает, что в ряде случаев отдельные виды суффиксального словообразования, а также образования сложных форм глагола и превосходной степени рассматриваются как результат словосложения.

Ф. А. Ганиев называет ряд пробелов в разработке теории словосложения: все еще не установлены типы и модели словосложения, условия лексикализации словосочетаний, критерии определения сложных слов. Отсутствие подлинно научной разработки проблемы словосложения влечет за собой неустойчивость и непоследовательность принципов татарской орфографии.

Вторая глава посвящена теории образования сложных слов в современном татарском языке. Сопоставляя методы изучения образования сложных слов, разработанные русистами, германистами и тюркологами, в частности принципы классификации сложных слов (по доминантности компонентов, наличию или отсутствию соединительного

элемента, взаимоотношению компонентов, лексико-грамматическому характеру компонентов, их полноточности и неполноточности), автор приходит к выводу, что сложные слова в татарском языке образуются в результате сложения основ, а также перехода словоочетаний в сложные слова без формально-грамматических изменений, либо же при их одновременной суффиксации. Татарские сложные слова классифицируются Ф. А. Ганиевым по лексико-грамматическому характеру, по взаимоотношению, семантике и языку-источнику компонентов. Данный классификационный принцип, предложенный Ф. А. Ганиевым, способствует углубленному изучению исконных и заимствованных сложных слов. Следует отметить, что до сих пор учеными не уделялось должного внимания вопросам, связанным с функционально-стилистическими особенностями сложных слов, хотя они, как один из важнейших признаков, должны учитываться при их классификации. Например, такие слова как *узаң* 'самосознание', *бала-чага* 'дети', *куке сабыны* 'барская опесь', *бронятишкеч* 'бронейный', *башкисәр* 'разбойник', *язу-сызу* 'писанина', *культура-политик* 'культурно-политический', *жан-фарман* 'во всю мочь' и т. п. явно несут различную функционально-стилистическую нагрузку.

Уточнения требуют также следующие высказывания автора: «В современном татарском языке при словосложении участвуют, как правило, две, реже три основы» (стр. 18) и «Сложные слова в современном татарском языке, как известно, состоят из двух, изредка трех слов» (стр. 29). Термины «слово» и «основа» должны быть разграничены. В тюркских языках сложные слова создаются не слиянием основ, а слиянием слов, ибо в этих языках основа слова не существует изолированно, вне связи с другими морфемами. Безусловно, компоненты сложных слов еще до полного их слияния начинают терять атрибуты своей самостоятельности (семантические, фонетические, грамматические). И все же основа



в сложном слове появляется как следствие слияния двух и более слов в единое семантически цельное, интонационно и структурно сложное слово. Значение такого сложного слова не мотивируется семантикой слившихся компонентов, составивших его основу. В связи с этим следует подчеркнуть, что степень семантической, интонационной и структурной слитности сложных слов тюркских языков отнюдь неодинакова.

На основе убедительного анализа фактического материала Ф. А. Ганиев во второй главе книги формулирует отличительные признаки сложных слов, свободных словосочетаний и фразеологических единиц. В связи с употреблением им термина «сращение» для обозначения композит из словосочетаний необходимо заметить следующее. Термин «сращение» используется в языкознании в двух различных значениях: во-первых, им обозначается разновидность фразеологической единицы, характеризующаяся наибольшей степенью семантической неделимости, спаянности, монолитности, вследствие непродуктивности той синтаксической модели, по которой она построена<sup>1</sup>; во-вторых, он означает способ образования сложного слова из тождественного и мотивирующего словосочетания, при котором происходит лексикализация словосочетания, приобретение им единого значения, общего ударения и включение его в состав самостоятельной части речи. На особенности сложных слов, полученных путем сращения, в тюркологии впервые указал Э. В. Севортян<sup>2</sup>.

Как пишет Ф. А. Ганиев, наибольшее сходство с композитами имеют фразеологические сращения, семантика которых не складывается из значений слов их составляющих, а сводится к значению отдельного слова; грамматическая связь между словами фразеологического сращения отсутствует; фразеологические сращения выполняют функцию одного из членов предложения. Примером таких фразеологизмов могут служить: *анадан тума* перен. 'голый', *арка таянычы* 'защита', 'защитник', *ач күзлә* 'жадный', 'алчный', *төлке шулпасын эчу* 'хитрить', *бал авыз* 'сладкоречивый', *батыр йөрәкле* 'неустрасимый' и т. д.<sup>3</sup>

В третьей главе «Образование сложных слов словосложением» говорится о сложениях с сочинительным и подчинительным отношением компонентов. На большом фактическом материале, состоящем из сложений с сочинительным отношением компонентов, автором прослеживаются лексико-грамматические и структурно-семантические особенности двадцати двух типов и около шестидесяти моделей, а

из сложений с подчинительным (атрибутивным и комплетивным) отношением компонентов — около восьмидесяти типов, и свыше ста десяти моделей словосложения (всего 102 типа и 170 моделей). Столь подробный анализ характерных признаков композит в тюркских языках осуществлен впервые. Таким образом, рецензируемая работа занимает видное место в исследовании теоретических проблем и в решении практических задач, связанных с изучением тюркских сложных слов.

Любопытны выводы автора о богатстве и разнообразии средств образования парных слов, сложившихся в основном в весьма отдаленные времена. Наиболее интенсивно процесс образования парных слов с сочинительным отношением компонентов протекал в области существительных, наречий и звукоподражательных слов. Интересны также наблюдения, связанные со следующими семантическими особенностями сложных слов: оба компонента выражают реальное значение, первый компонент в активном словаре, второй — в пассивном; первый компонент реально существует в языке, а второй является словом-эхом; оба компонента в языке изолированно не употребляются. Автором рассматриваются факты расширения и сужения семантики композит, а также приобретения ими переносных значений. Детально изучены им композиты с атрибутивным и комплетивным отношением компонентов. Особое внимание при этом уделяется не только их внутренним признакам, но и продуктивности/непродуктивности типов и моделей. Анализ сложений с атрибутивным отношением компонентов свидетельствует о том, что при данном способе словообразования наиболее продуктивным является образование существительных и наречий, менее продуктивным — образование прилагательных и местоимений.

Особый интерес представляет раздел, посвященный сложениям с комплетивным отношением компонентов. Ф. А. Ганиев, всесторонне исследовав свойства вспомогательных глаголов, пришел к заключению, что в тюркологии термин «вспомогательные глаголы» объединяет различные лексико-грамматические группы глаголов: собственно вспомогательные глаголы, модифицирующие глаголы и неполнозначные глаголы. Вполне аргументировано им включение в состав глагольных композит сложений «неглагол+глагол», «деепричастие+модифицирующий глагол» (стр. 82—110).

В четвертой главе рассматривается образование сложных слов путем лексикализации словосочетаний без суффиксации (переход предикативных, атрибутивных, комплетивных словосочетаний в композиты) и с суффиксацией (образование сложных существительных, прилагательных и наречий), переход устойчивых словосочетаний в сложные слова.

Исследование Ф. А. Ганиевым проблемы образования сложных слов представляет

<sup>1</sup> О. С. Ахманова. *Словарь лингвистических терминов*. М., 1966, стр. 504.

<sup>2</sup> Э. В. Севортян. *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков*. Ч. II, *Морфология*. М., 1956, стр. 321—328.

<sup>3</sup> См. «Татарско-русский словарь». М., 1966.

значительный теоретический интерес и имеет практическое значение. Автору удалось выявить лексикализацию 45 типов и 57 моделей словосочетаний: 5 типов и 18 моделей предикативных словосочетаний, 8 типов атрибутивных словосочетаний, 20 типов и 33 модели комплетивных словосочетаний, 12 типов и 6 моделей словосочетаний с их суффиксацией. Нет сомнения в том, что материалы этой главы будут широко использованы в исследованиях, посвященных сложным словам тюркских языков.

В пятой главе автор пишет об орфографии сложных слов в татарском языке. Указывая на существующий разнобой в орфографировании сложных слов в тюркских языках и на отсутствие обоснованных критериев их правописания, Ф. А. Ганиев пишет: «В вопросе определения правописания сложного слова необходимо идти от содержания, характера сложного слова, от спаянности и взаимосвязи компонентов» (стр. 129). В качестве основных критериев орфографирования сложных слов он выдвигает: 1) лексико-грамматический характер компонентов, 2) взаимосвязь компонен-

тов, 3) семантику сложных слов. Ведущим принципом он считает характер взаимосвязи компонентов, указывающий на степень их спаянности в сложных словах. Этот критерий позволяет ему дать убедительные рекомендации относительно слитного, дефисного и раздельного написания сложных слов (стр. 134). Автор подметил и такую особенность композит: «Отдельные виды сложных слов по характеру образования могут быть переходными, т. е. полусвободными» (стр. 138).

В процессе развития языка наибольшие изменения претерпевает прежде всего его лексический состав, пополняющийся новыми словами (простыми и сложными), по мере развития сфер человеческой деятельности, общественно-политической, экономической и культурной жизни народа, взаимовлияния и взаимообогащения языков.

Монография Ф. А. Ганиева, безусловно, ценный научный труд, который с успехом может быть использован при решении соответствующих проблем и в других тюркских языках.

М. А. Хабицев

## М. ДӘУЛЕТОВ. ҚАРАҚАЛПАК ТИЛИНДЕ ПЫСЫҚЛАУЫШ КАТЕГОРИЯСЫ

«ҚАРАҚАЛПАҚСТАН» БАСПАСЫ, НӨКІС, 1982, 196 стр.

Рецензируемая книга М. Давлетова — итог его многолетних исследований, посвященных изучению второстепенных членов предложения в каракалпакском языке.

Автор ставит целью охарактеризовать категорию обстоятельств в современном каракалпакском языке, выделив их семантические и структурные виды, а также основные признаки, отличающие обстоятельства от других второстепенных членов предложения (в частности, от дополнений). Описывая способы выражения обстоятельств, М. Давлетов рассматривает однородные и обособленные обстоятельства и определяет их место в предложении.

Первый раздел посвящен истории изучения категории обстоятельств в русском языкознании и тюркологии. Автор отмечает, что среди тюркологов нет единой точки зрения на обстоятельства. Вопреки высказываемому рядом ученых мнению о несамостоятельности обстоятельств в предложении М. Давлетов полагает, что обстоятельство в каракалпакском языке — самостоятельный второстепенный член предложения, характеризующийся семантическими и морфологическими признаками, особенностями синтаксической связи слов, лексическим значением поясняющих и поясняемых членов предложения. Семантический критерий

является основным в определении категории обстоятельства: к обстоятельствам относятся обычно наречия, однако, они могут выражаться и другими частями речи, выступающими в функции обстоятельств; автор рассматривает также лексические значения поясняющих и поясняемых членов предложения.

Как известно, при определении категории обстоятельств возникает большая трудность из-за сходства с определением категории дополнения, так как в ряде случаев эти категории трудно различимы. В связи с этим специальный раздел монографии посвящен вопросам разграничения обстоятельств и дополнений. Говоря о работах, посвященных этому вопросу, автор приходит к выводу, что обстоятельства характеризуют процессы действия или состояния в различных обстоятельственных значениях, а дополнения характеризуют эти процессы в объектном значении. Поэтому обстоятельства отвечают на те же вопросы, что и наречия, а дополнения — на падежные вопросы. Кроме того, здесь учитываются контекстные значения слов, выступающих в качестве этих членов предложения, а также роль поясняющих и поясняемых членов предложения. М. Давлетов впервые в каракалпакском языкознании

дает подробную семантическую классификацию обстоятельств, выделяя восемь основных их видов: 1) образа действия, 2) места, 3) времени, 4) меры-степени, 5) причины, 6) цели, 7) условия, 8) уступительности. В книге охарактеризованы значения каждого из этих видов и способы их морфологического выражения.

В структурном отношении М. Давлетов подразделяет обстоятельства в каракалпакском языке на простые, сложные и развернутые. Простые обстоятельства состоят из одного знаменательного слова, сложного слова в синтетической форме или слова с послелогом. Сложные обстоятельства выражаются сложными словами в аналитической форме или словосочетаниями.

К развернутым обстоятельствам в современном каракалпакском языке, по мнению М. Давлетова, относятся причастные, деепричастные и глагольно-именные обороты, сочетания имен со словами *бар*, *жок*, сочетания оборотов, управляемых глаголами в повелительном, желательном и изъявительном наклонениях, и со вспомогательными глаголами *деп*, *дегендей* и др. Такие обстоятельства могут иметь в своем составе особую систему членов предложения, включающую второстепенные члены и логические подлежащие. Поэтому они по структуре сближаются с придаточными предложениями. Например: *Оразбайдың дауысын еситиуден-ақ Тәжигүл орнынан ушып турды* (Ә. Тәжимуратов). *Дәнияр бизлерди жылгадан шыга бергенде күйип жетти* (Ш. Айтматов). Подобные обороты являются развернутыми обстоятельствами и не могут быть придаточными предложениями, так как они характеризуют основное сказуемое простого предложения и не выделяются самостоятельной интонацией. А в таких конструкциях, как *Булт жабдырап, күн шықты* (К. Султанов). *Мугаллим кирип келди менен, бардык оқышылар орындарына жайласты* (Т. Қайыпберген) и т. п., деепричастия, причастия и имена действия, по мнению М. Давлетова, выполняют роль сказуемого придаточного предложения. Кроме того, такие предложения обладают своим самостоятельным подлежащим, выражают относительно законченную мысль и выделяются интонацией.

В связи с тем, что развернутыми могут быть все виды обстоятельств, автор подробно анализирует разновидности развернутых обстоятельств.

Следующий раздел монографии посвящен однородным обстоятельствам. Между такими обстоятельствами существует сочинительная связь, выражаемая интонацией или союзами. В качестве однородных членов в современном каракалпакском языке выступают все указанные автором восемь видов обстоятельств.

Большое место в книге отведено описанию обособленных обстоятельств, выступающих со значением приложения. Такие

обстоятельства, как указывает автор, уточняют, поясняют и конкретизируют значения основного обстоятельства и выделяются интонацией. Чаще всего в каракалпакском языке обособляются обстоятельства места и времени.

В этом же разделе дается анализ причастных, деепричастных, глагольно-именных оборотов, а также сочетаний оборотов, управляемых глаголами в повелительном, желательном и изъявительном наклонениях, выступающих в предложении, по мнению М. Давлетова, в обстоятельном значении.

Большое внимание уделяет автор выяснению места обстоятельств в предложении. Он отмечает, что место членов предложения непосредственно связано с его актуальным членением и приходит к выводу, что обстоятельства места и времени в предложении располагаются более свободно, нежели обстоятельства образа действия, меры и степени, которые чаще занимают стабильное положение, так как они непосредственно подчиняются сказуемому.

В конце книги даются краткие выводы.

Монография М. Давлетова «Категория обстоятельства в каракалпакском языке» содержит всесторонний анализ малоизученной синтаксической категории второстепенных членов предложения в каракалпакском языке. Богатый иллюстративный материал почерпнут из каракалпакской художественной литературы, произведений фольклора, а также из периодической печати.

Отмечая достоинства рецензируемой книги, хотелось бы подчеркнуть, что М. Давлетов, исследующий одну синтаксическую категорию, характеризует и такие грамматические понятия как однородные члены предложения, обособления, обороты, актуальное членение предложения, детерминант, что усложняет материал, делает книгу малодоступной для широкого круга читателей. С нашей точки зрения, целесообразно было бы исключить разделы об однородных и обособленных обстоятельствах, а также глагольных оборотах, ибо невозможно в одной книге дать исчерпывающий анализ данной категории во всех ее проявлениях. К тому же автор пользуется уже устаревшими в каракалпакском языке терминами: *хәрекет аты фейили* вместо *атайыш фейил*, *тиркес* вместо *дизбек* и т. д. М. Давлетовым привлечено большое количество трудов, посвященных изучаемой им категории в русском и ряде тюркских языков. Однако вместо анализа этих материалов он часто ограничивается краткой их аннотацией.

В целом книга представляет собой серьезное исследование в области синтаксиса каракалпакского языка и может служить пособием для аспирантов, студентов и учителей средних школ.

А. Бекберген, К. Пирниязов

## «XV—XVIII ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ҚАЗАҚ ПОЭЗИЯСЫ»

ҚАЗАҚ ССР-інің «ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1982, 240 стр.

Истоки культуры и литературы племен и родов, вошедших в XIV—XV веках в состав казахской народности, восходят к глубокой древности.

С момента образования казахского народа как самостоятельной этнической общности казахская литература развивалась главным образом в русле устного народного творчества и в тесном взаимообщении с поэзией других тюркоязычных народов. В то же время ее отличало множество самобытных признаков, обусловленных особенностями кочевого образа жизни феодально-родового общества казахов. Импровизация и напевность стихов и толгау способствовали их быстрому распространению в народе, передаче от поколения к поколению. Литература эта, ныне именуемая индивидуальным творчеством акынов, прошла длительный период становления и развития, что создало условия для постепенного зарождения письменной литературы.

Период XV—XVIII веков в истории казахской литературы долгое время оставался почти неисследованным. Первые шаги по изучению поэтических образов этой эпохи были сделаны лишь в 50—60-е годы. Литературное наследие древних жырау и акынов дошло до нас далеко не полностью; отдельные образцы имели множество вариантов; в их текстах, в основном являвшихся поздними записями, было много расхождений. Все это затрудняло и осложняло исследования.

Поэтому издание рецензируемой книги «Казахская поэзия XV—XVIII веков», подготовленной отделом истории казахской литературы Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР, явилось значительным событием в казахском литературоведении.

При составлении сборника было привлечено большое количество архивных исторических, этнографических материалов, множество рукописей (полностью охвачены рукописные собрания фондов Центральной научной библиотеки Академии наук Казахской ССР, институтов, секторов литературы Башкирии, Татарии, Москвы, Ленинграда) и редких публикаций как дореволюционного периода, так и советского времени. В издании удачно подобраны поэтические образцы, определено время их создания, принадлежность конкретному автору.

На основе сопоставительного изучения разбросанных по различным рукописям и разного рода изданиям текстов стихов, автором были внесены последние уточнения, сняты наслоения более позднего времени, проделана большая текстологическая работа.

Сборник снабжен обширными научными комментариями, содержащими сведения об

акынах, их произведениях, о различных событиях и лицах, упоминающихся в стихах. Благодаря широкому охвату исторических, этнографических источников впервые определены даты жизни и творчества отдельных жырау, разъяснены архаические выражения и слова.

В книгу включены произведения двенадцати наиболее крупных акынов и жырау—от родоначальника древней казахской литературы Асана до представителя поэзии более позднего периода — Котеша.

Большой научный интерес представляет вступительная статья члена-корреспондента АН Каз. ССР А. Дербисалина, под руководством которого составлен сборник. В предисловии дан не только обзор материала, но и раскрыты важнейшие проблемы истории литературы XV—XVIII веков: фольклор и индивидуальное творчество, особенности перехода к индивидуальной поэзии, закономерности первых этапов становления литературы, рождение жанров и форм, отличия и взаимосвязь творчества жырау и акынов, различие художественных приемов.

Тесно увязывая литературный процесс с социальными явлениями и духовной жизнью народа, характеризую преемственность художественных традиций, автор раскрывает сложный путь эволюции казахской литературы.

В статье на конкретных фактах, на основе исследований русских ученых впервые уточнена биография таких выдающихся поэтов-импровизаторов, как Шобан и Доспамбет. Некоторые ученые относили творчество Доспамбета к XV веку. А Дербисалин убедительно доказывает, что Доспамбет жил в 1525—1596 годы и являлся одним из видных военных деятелей своего времени. Интересно сведения о сыновьях Доспамбета Есакае, Косае, воспитанцы жырау в его толгау. А Дербисалин доказывает, что сыновья Доспамбета в свое время управляли азаулинцами (так себя именовали ногаи, обитавшие под Азовом).

Большой интерес для изучения истории казахской литературы представляют исторические факты о Шобане. В казахской литературе давно известен толгау под названием «Ер Шобан» о двенадцати ногайских батырах, угнавших табун коней у кабардинцев. Предполагалось, что произведение это принадлежит Шалгезу. А. Дербисалин, опираясь на труды русских исследователей, устанавливает, что Шобан — это реально существовавшее историческое лицо, внук популярного Естерека, получившего от русского царя Бориса (Годунова) титул князя. Шобан в исторических трудах более известен как Естерек. По данным, приведенным автором статьи, Шобан Естерек, его дед Естерек и вся большая династия Есте-



рековых поддерживали тесные связи с Московским государством. По мнению А. Дербисалина, событие, описанное в толгау, относится к 1645—1650 годам, когда ногайские улусы кочевали по берегам рек Терек, Аксай, Коксай, и часто враждовали с кабардинцами. Создатель высокохудожественного произведения о ногайлинских батырах—Шобан Естерексов сочетал в себе качества воина и поэта.

В сборнике «Казахская поэзия XV—XVIII веков» дана ясная, систематизированная

картина развития казахской литературы прошлого, непосредственно предшествовавшей письменной литературе, связанной уже с именами Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина и других, которые, как и передовые дореволюционные деятели культуры остальных братских народов нашей страны, творчески развивали в своих произведениях традиции своих предшественников, одновременно осваивая реалистический опыт великой русской классической литературы.

Б. Уахатов

## Р. БЕРДИБАЕВ. КАЗАК ЭПОСЫ (ЖАНРЛЫҚ ЖӘНЕ СТАДИЯЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕР)

КАЗАК ССР-інің «ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1982, 232 стр.

Среди образцов казахского народного поэтического творчества особое место занимают эпические сказания, отличающиеся жанровым разнообразием и стадийными особенностями. Казахский эпос стал объектом исследования еще в первой половине XIX века. За минувшие годы изучались многие аспекты казахского эпоса, в том числе жанровые признаки, художественные особенности, образная система, изобразительно-выразительные средства. Однако основная работа по сбору, изданию образцов эпоса, его последовательное исследование были осуществлены лишь в советское время. Вместе с тем, жанровое разнообразие казахского эпоса, стадийная последовательность его развития до последнего времени монографически не исследовались. В настоящее время назрела необходимость в обобщении полученных результатов в области изучения различных образцов казахского эпоса, в системной характеристике его внутрижанровых разновидностей.

Монография Р. Бердибаева «Казахский эпос» посвящена исследованию жанрово-стадийных разновидностей казахских эпических сказаний. Автор стремится на богатом фактическом материале раскрыть жанровые особенности архаического, героического, романтического и собственно исторического казахского эпоса. Монография состоит из пяти глав, в каждой из которых исследуются стадийно-последовательные разновидности казахского эпоса.

В первой главе освещаются проблемы историзма эпоса тюркоязычных народов в целом и казахского, в частности. Автор обстоятельно прослеживает историю изучения казахского эпоса, останавливается на вопросах периодизации и классификации эпических сказаний, раскрывает соотношение содержания эпоса и исторических событий.

Ему, таким образом, удается подытожить результаты проводившихся ранее исследований и прийти к нижеследующим выводам:

в учебниках, специальных монографиях и различных научных сборниках казахский эпос рассматривался с точки зрения его идейно-тематических особенностей, в связи с историческими событиями;

определение жанровых признаков казахского эпоса (особенно героического и романтического) соответствовало уровню развития фольклористики своего времени. Совершенно правильным было заключение о том, что для содержания героического эпоса характерна идея защиты родного народа (племени) от чужеземных захватчиков, а романтического эпоса — отражение социально-бытовых проблем;

фольклористами исследовались функции и назначение различных художественных средств и приемов, используемых в эпосе, детально изучалась система стихосложения; в ряде работ общие и индивидуальные особенности эпоса выявлялись на базе широкого сопоставления различных его вариантов;

предпринимались попытки сравнительного изучения некоторых казахских эпических сказаний и фольклора других тюркоязычных народов («Алпамыс», «Козы-Корпеш—Баян-слу» и др.);

в некоторых исследованиях подвергались анализу процессы отхода сказителей от канонических текстов («Утеген батыр», «Сураншы батыр»), что способствовало выявлению устойчивых и менее устойчивых фрагментов в художественной ткани эпоса; классификация казахского эпоса основывалась на хронологических и идейно-тематических признаках.

В свете достижений современной фольклористики все эти полученные до него ре-

зультаты позволили автору монографии выдвинуть новые задачи, а именно: изучение проблем жанра и стадияльных особенностей эпических произведений, определение общих и отличительных черт жанровых разновидностей казахского эпоса.

Вторая глава монографии посвящена исследованию архаического эпоса, до сих пор не являвшегося объектом специального изучения. Основываясь на отдельных высказываниях своих предшественников и исходя из теоретических достижений современной фольклористики, автор впервые в системной последовательности подвергает анализу специфику этого вида эпоса. При этом он останавливается на таких вопросах, как место и значение мифов, обрядов, сказок и других древнейших форм фольклора в архаической эпике, функция культурного героя, сюжетики и т. д. Поскольку архаические формы эпики дошли до нас, естественно, в несколько измененном виде, то автор делает попытку проследить в историческую трансформацию.

Подобный строго научный и всесторонний подход к той или иной проблеме характерен и для других глав монографии, что позволило автору проследить эволюцию и стадияльную преемственность жанровых разновидностей казахского эпоса. Именно в таком аспекте исследуется казахский героический эпос в третьей главе монографии. Следует отметить, что этот вид эпоса изучен наиболее обстоятельно. Однако автору здесь удалось привлечь новый фактический материал, обобщить основные признаки героического эпоса. В монографии этот эпический жанр характеризуется как важнейшее звено многовековой казахской народной поэтической традиции.

Четвертая глава посвящена казахскому романтическому эпосу. Эта разновидность казахского эпоса отличается от произведений аналогичного жанра других тюркоязычных народов, что особенно ярко выражается в его сюжетики. Автор выделяет следующие

виды романтического эпоса: эпические сказания, созданные на популярные восточные сюжеты (дастаны) и традиционные лиро-эпические произведения. В монографии рассматриваются также особенности авторского эпоса, создававшегося главным образом в устной форме, в традициях народного романтического (или героико-романтического) эпоса.

В пятой главе исследуются жанровые особенности собственно исторического эпоса. Автором здесь выделяются две следующие его разновидности: исторические песни (*тарихи өлендер*) и исторические сказания (*тарихи жырлар*). На конкретных примерах раскрываются принципы и художественные закономерности отражения исторических событий XVIII—XIX веков в эпосе, определяются как традиционные, так и вновь возникающие черты в его жанрообразующих компонентах.

Научные положения монографии базируются не только на материалах известных классических образцов эпических произведений («Алпамыс», «Кобланды-батыр», «Козы-Корпеш — Баян-слу» и др.), но и на ранее не изучавшихся эпических сказаниях. Автор анализируется около шестидесяти текстов. Столь богатый материал позволяет автору выявить полистадияльные признаки многих эпических текстов, играющие важную роль в последовательном стадияльном развитии эпоса.

К достоинствам монографии следует отнести также и то, что в ее основе лежит сравнительно-типологический подход к важнейшим особенностям эпоса тюрко-монгольских народов. Именно в этом аспекте привлекаются материалы башкирского, киргизского, ногойского, алтайского и бурятского эпосов («Гэсэр», «Манас», «Маадай-Кара» и др.).

Рецензируемая монография Р. Бердибаева, несомненно, является значительным вкладом в казахскую фольклористику.

Ш. Ибраев

## LARS JOHANSON. PLURALSUFFIXFORMEN IM SÜDWESTTÜRKISCHEN

AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN UND DER LITERATUR. ABHANDLUNGEN  
DER GEISTES- UND SOZIALWISSENSCHAFTLICHEN KLASSE.

JAHRGANG 1981. Nr. 9. MEINZ—WIESBADEN, 1981 (19 стр.).

Небольшая по объему монография шведского тюрколога, как и все предшествующие его публикации, читается с большим интересом, ибо в ней говорится о таких важных и сложных вопросах исторической

грамматики тюркских языков, как пути в особенности формирования глагольных видо-временных парадигм, прежде всего презентных. Эти проблемы уже в течение ряда лет находятся в центре внимания автора,

который — после глубокого и оригинального описания аспектуальной семантики глагольных форм современного турецкого языка [1, 2] — обратился к изучению тюркской глагольной системы в историческом аспекте.

В своей работе «О презенсе в северо-западных и среднеазийских тюркских языках» Л. Юхансон отметил, что происхождение настоящего-будущего времени «на -а+личный аффикс» все еще остается нерешенной проблемой общей тюркологии [3]. Рассматривая различные точки зрения тюркологов на происхождение этой формы, Л. Юхансон особое внимание уделил выяснению возможной роли вспомогательных глаголов и прежде всего *tur* 'стоять' в ее формировании. Автор указывает на многие неясности в этом вопросе, в частности, на отсутствие убедительных доказательств предполагаемой первичности формы *-a+tur(ur)* во всей парадигме; не выяснены до сих пор также реальное соотношение в диахронии формы презенса на -а и формы аориста на -г (а внутри последней — ее варианты *-ag*, *-ig*, *-ig*) и эволюция презентных функций в разных языках. Он считает необудительной по семантическим и формальным основаниям точку зрения о происхождении формы на *-a+tap* через редукцию ауслаутого -г и поддерживает, приводя дополнительные аргументы, гипотезу о развитии *-a+tap < \*a+tur-g+tap*. Последнюю форму автор считает в структурно-семантическом плане идентичной форме аориста на *-ag* (~*-ig*), где предположительно сохраняется древняя структура: «деепричастие+г» (=реликт вспомогательного глагола). Аналитическая конструкция с *tur(ur)*, имеющая дуративное акциональное значение, возникла как специализированная форма выражения настоящего актуального времени и, будучи вовлечена в систему временных форм, претерпела формальные упрощения за счет разной степени редукции вспомогательного глагола *tur*-, заняв в системе центральное место по отношению к другим презентно-футуральным формам, и прежде всего к аористу на *-Ag*. Указанные процессы происходили в отдельных языках разными путями, что продемонстрировано автором на примере хакасского, шорского, татарского, уйгурского, узбекского, чагатайского, частично чувашского языков. Таким образом, Л. Юхансон предполагает, что «обновление» презенса (собственно, настоящего актуального времени) в целом ряде тюркских языков произошло посредством прогрессирующей парадигматизации и грамматикализации аналитической формы дуративного способа действия глагола.

Действительно, Л. Юхансон совершенно прав, когда указывает, что восстановление путей формирования временных парадигм возможно лишь на основе системного анализа. Благодаря которому удается познать взаимные связи и отношения между временами как в семантическом, так и в формально-структурном плане. Возникновение

аналитических образований нередко обусловлено семантическими потребностями языковой системы, однако их дальнейшая парадигматизация приводит к перестройке существующей системы времен, к перераспределению семантических значимостей между «старыми» и «новыми» формами. В отдельных случаях в системе может наблюдаться регенерация прежних значений и угасших функций, но может возникать и специальная функция формы (или развиваться специализация функций форм), что свидетельствует о дальнейшем развитии всей системы временных форм, основывающемся на свойствах асимметричности языкового знака. Акциональная по происхождению форма *-a+tur(ur)* заняла свое место в парадигме временных форм многих тюркских языков. Однако вопрос о том, является ли форма «-а+личный показатель» конечным результатом ее структурной эволюции, как нам представляется, остается в тюркологии еще открытым. Нельзя не отметить большую устойчивость элемента, восходящего к *tur(ur)*, о чем свидетельствуют, в первую очередь, языки сибирского региона. С другой стороны, именно в этих языках выявляются особенности в сфере так называемых деепричастий на *-a*, *-i*, *-u* (ср., например, новейшие материалы по тофаларскому языку), а также в образовании отрицательных форм времени, где выступают неглагольные отрицания (типа *jok* 'нет'). Все это говорит о необходимости дальнейшего выяснения всех сторон эволюции аориста, конструкции *-a+tur(ur)*, и поэтому снова должен быть уточнен известный вариант происхождения формы *-a+tap* из деепричастия на *-a*, восходящего к глагольному имени. Наконец, нельзя исключить и тот факт, что прототипом такой формы может быть сочетание не с *tur*-, а с другим вспомогательным глаголом *är*- 'быть', формальная эволюция которого, как нам кажется, более динамична в самых разнообразных тюркских языках, причем в них — начиная с древнеуйгурских памятников — отмечаются параллельные варианты *-a+turur* *-a+ärür*, а в современном якутском языке еще живет акциональная форма с *эр*-<*är*-, в состав которой входит деепричастие. Таким образом, развитие *-a+tur(ur)+tap* *-A+tap* следует считать одной из возможных линий возникновения этой формы настоящего времени, требующей дальнейшего обоснования [4].

Если в упомянутой статье [3] Л. Юхансон лишь затрагивает материал чувашского языка, то в большой публикации, специально посвященной чувашскому аористу, он подверг детальному анализу презентно-футуральную парадигму в этом языке [5]. Здесь он становление данной парадигмы рассматривает в диахроническом аспекте, уделяя особое внимание развитию так называемой чувашской футуральной формы, не имеющей показателя времени (то есть образование времени происходит по модели «основа глагола+личный аффикс» типа

жал-ан 'я скажу', кал-э 'он скажет'). Цель работы — показать историческую идентичность данной формы с общетюркским аористом на -аг и ведущую роль последнего в морфологических процессах, наблюдаемых во всей чувашской системе презентных времен.

В этой работе Л. Юхансон рассматривает важные проблемы общетюркологического плана, касающиеся не только морфологии, но и исторической фонетики. В частности, он восстанавливает первичную общетюркскую форму аориста в виде \**-ju-г* [5, стр. 135—137], поскольку в древнетюркском языке действовал закон открытых конечных слогов [6]. Такая реконструкция позволяет ему непротиворечиво объяснить появление редуцированного гласного в составе форм «будущего» времени:

\**jazaju(r) + bān > \*jazu(r) + bi > syǰā + -p* 'я пишу' [7, стр. 64]. Объясняя наличие в исходе 3-го лица палатального звука *ǰ* у глаголов с заднерядной оглаской, Л. Юхансон высказывает мысль, что исторически здесь в качестве связки присутствовала форма глагола *ā(r)-* 'быть', то есть в 3-м

лице \**jazaju > syǰā* + связка \**āri* (...) [5, стр. 142—144]. Автор подчеркивает, что хотя такая возможная структура формы 3-го лица презенса-футурума позволяет объяснить указанную фонетическую аномалию чувашского языка и что она подкрепляется сравнением с якутским, халаджским и хакасским языками, все же данное его построение следует считать весьма гипотетическим [5, стр. 144].

Явным достоинством этих двух работ Л. Юхансона является то, что в них содержательное и формальное развитие членов глагольной парадигмы рассматривается в их системных связях. Это позволяет увидеть и понять их взаимную зависимость в историческом плане, а также сделать более убедительным их анализ. Кроме того, благодаря такому подходу факты отдельных языков увязываются в общетюркскую картину, и кажущиеся «аномалиями» получают системное объяснение.

Рецензируемая монография Л. Юхансона находится в прямой связи с указанными работами автора, хотя, судя по названию, она относится к иному разделу тюркской грамматики. Пожалуй, эта книга имеет наиболее тесную связь с последней из упомянутых гипотез автора, а именно: о присутствии связочного элемента, восходящего к *ā(r)-* 'быть', в составе глагольных парадигм, и опять-таки прежде всего аориста. Основой для рассмотрения на этот раз послужили фонетические аномалии, наблюдаемые в ряде языков и диалектов в области палатальной гармонии показателя множественности *-la(r)*, присоединяемого к некоторым формам глагола. Анализируя эти фонетические аномалии, автор тем не менее приходит к структурно-морфологическим выводам, развивая и обосновывая далее свою гипотезу об участии *ā(r)-* в форми-

ровании парадигмы аориста. Конкретный материал автор черпает из письменных памятников и современных языков, относящихся к юго-западной группе. Следует отметить, что рецензируемой монографией предшествовала большая публикация о гармонии в западно-огузских языках [8], где автор останавливался на особенностях возникновения и развития губной гармонии в османском и азербайджанском языках (начиная с XVII века) в ее отражении в морфологических формах, что позволило ему выявить их фонетическое своеобразие.

Л. Юхансон обратил внимание на факты присоединения в 3-м лице ряда глагольных форм показателя *-la(r)* только в палатальном варианте, то есть *-lā(r)/-ler/-lēr*, вне зависимости от состава гласных основы, причем в именных формах в таких языках (или диалектах) *-la(r)* последовательно подчиняется палатальной гармонии; последнее свидетельствует, по мнению автора, о различной функциональной природе этого показателя в именах и глаголах.

Такие явления отмечены Ю. Неметом в балканском турецком диалекте Видина, в котором регулярны формы *dururler* 'они стоят', *oqurler* 'они читают'. Аналогичные явления зафиксированы Н. Хафизом в турецком диалекте Косово, где в такой позиции выступает фонетически нейтральная по признаку палатальности форма *-la(r)*. Такие же формы встречаются в диалекте Трабзона: *çukarler* 'они выходят', *baktyler* 'они смотрели', *bakajler* 'они смотрят'. Интересно, что эта особенность спряжения выделяется Ю. Неметом в качестве различительного признака при классификации им диалектов Турции и Балкан.

В старых транскрипционных текстах, представляющих литературно-османский язык, такие нарушения гармонии обнаруживаются с трудом, однако в текстах, где зафиксированы местные его разновидности, можно найти и палатальный вариант аффикса, например, в изданном Ю. Неметом турецко-латинском словаре из Венгрии (1668 г.): *tuta(u)ler* 'они держат', *agauler* 'они ищут'.

Л. Юхансон обнаружил подобное явление и в диалектологических описаниях современного азербайджанского языка (к сожалению, никак не интерпретируемые азербайджанскими диалектологами), а также и в ряде староазербайджанских транскрипционных текстов из окрестностей Шемахи и Тебриза (XVII век).

Г. Дёрфер в языке, который он называет хоросанско-тюркским, выделяет в глаголе *-la(r)* в формах *-lān*, *-lāg*, *-lā*, а в имени — в форме *-la(r)*. Схожие отклонения фиксируются и в ряде других тюркских диалектов этого же региона (в сонкорском, боджнурдском и др.).

Таким образом, Л. Юхансон констатирует, что в окранных диалектах южно-тюркских языков намечается явная тенденция к употреблению в 3-м лице временных форм палатального (или нейтрального) варианта аффикса *-la(r)*. Автор считает, что это впол-



не закономерно, так как именно в окраинных, периферийных диалектах могут сохраняться архаические явления, которые нивелируются в центральных диалектах, подверженных выравнивающему влиянию литературных нормированных языков.

Возможны несколько гипотез, объясняющих наличие в указанных диалектах палатального *-lär*, например: иноязычное влияние, или особенности фонетической структуры отдельных словоформ, распространившиеся на всю парадигму, или акцентное своеобразие временных словоформ, объясняемое энклитическим характером присоединяемых показателей (этот аргумент автор использует в своей работе), наконец, *-lar* в 3-м лице глагола мог бы восходить к местоимению *olar ~ onlar*. Оценивая подобные гипотезы, Л. Юхансон считает их все же менее приемлемыми, чем его уже известное предположение об исчезновении здесь связочного элемента, восходящего к *är ~ e ~ i* 'быть'. По его мнению, развитие формы аориста *är-ür+lar > \*[i(r)]+lär* (как *är-di+ -lär > i-di+ -lär*), которая присоединялась в 3-м лице, позволяет объяснить палатальную окраску современных показателей *-lär/ler*. Иначе говоря, имеющийся при форме аориста показатель *-lär* в 3-м лице представляет собой реликт бывшей связи настоящего времени в форме *\*[i(r)lär]*, и именно поэтому по своей функции он отличается от *-lar* в сфере имени.

Л. Юхансон ссылается также на мнение Г. Дёрфера о том, что многие временные формы включали в свой состав связочный элемент, наличие которого подтверждают факты архаичного халаджского языка: *kälmis är* 'он пришел' — *kälmis ällär* 'они пришли' — *kälmädük ällär* 'они не пришли'.

Таким образом, анализируемые в рецензируемой монографии факты (факты чувашского языка были рассмотрены особо) подтверждают гипотезу автора об участии в составе ряда временных форм — особенно 3-го лица — связочного элемента, восходящего к *ärig* или иным формам глагола *är-*. Оценивая их в целом, Л. Юхансон считает, что они являются дополнительным аргументом против «догматической теории» об «именной природе» (*nominale Natur*) тюркского финитного глагола и шире — предложения. К сожалению, автор здесь не развивает своих доводов и не показывает, каким же образом его материал «расшатывает устои» этой теории. Представляется, что и его ссылка на работы П. И. Кузнецова о вербальности тюркского предложения [9] не способствует уяснению высказанного положения.

Следует сказать, что Л. Юхансон еще в 1969 году в своей рецензии на книгу К. Г. Менгеса «Тюркские языки и народы» резко выступил против этой «догмы» [10]. Он и позже критиковал ее в ряде своих работ. По его мнению, «миф» о «номинальном» характере тюркского глагола основывается на смещении формы и внутреннего содержания грамматического явления. Многие финитные формы, морфологически дей-

ствительно идентичные с именами действия, в содержательном и функциональном плане являются типичными глаголами, как и финитные формы в других языках, скажем, индоевропейских. «Номинальная» трактовка глагола, как отмечает Л. Юхансон, ведет и к ложным историческим построениям относительно возникновения оппозиции «имя»: «глагол» и сущности предикации в этих языках [11]. Конечно, обращение к этой извечной проблеме, сопряженной с трактовкой ряда фундаментальных понятий общей лингвистики и тюркологии (например, «финитность», «предикативность», «сказуемость» и т. п.), представляет большой интерес, особенно в свете новых исторических фактов, выявленных и в работах самого Л. Юхансона. Однако эта тема специального обсуждения, выходящего за рамки рецензии. Можно, видимо, только указать отдельные направления такого обсуждения, подсказанные работами автора, а также публикациями П. И. Кузнецова, как, например: природа частей речи в тюркских языках в их соотношении с функциональными формами; вопрос о глубине и основаниях реконструкций (в частности, сколь правомерно при изучении истории тюркских словоформ обращаться к ранним ступеням глоттогенеза); особенности строя тюркских языков на фоне языков иной типологии и т. п.

Реконструируемые Л. Юхансоном формы с *är(ür)*, видимо, действительно имели место в истории тюркских языков, и все же они могут истолковываться лишь как один из возможных путей формирования форм сказуемости, который не следует абсолютизировать. В тюркских языках четко выделяются парадигмы как именных, так и глагольных финитных форм, объединяемые с синтаксической точки зрения функцией сказуемого; устанавливается и их содержательное единство [12], поэтому роль *ärig* в их структурировании должна освещаться параллельно. И нельзя не видеть, что финитные глагольные формы — это суть формы именной категории сказуемости, где выступают глагольные имена, следовательно, противопоставление «имя»: «глагол» находится в тюркских языках в иной семантической плоскости, которая еще подлечит глубокому и всестороннему изучению [13].

Как видно, рецензируемая монография Л. Юхансона содержит не только интересное толкование в морфологическом плане фонетических аномалий в тюркских языках (к сожалению, они редко попадают в поле зрения тюркологов), но и обращается к спорным вопросам теоретической грамматики этих языков, от решения которых зависит общий взгляд на сущность их морфологического строя.

Следует отметить, что автор в своей работе использует большой и разнообразный материал, хорошо знаком с литературой и, что особенно отраднo отметить, с научной литературой, изданной в нашей стране на русском и национальных языках.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. *L. Johanson*. Aspekt im Türkischen. Uppsala, 1971.
2. *П. И. Кузнецов*. Аспект и акционал в турецком языке. — «Советская тюркология», 1975, № 3.
3. *L. Johanson*. Zum Präsens der nord-westlichen und mittelasiatischen Türk-sprachen. — «Acta Orientalia», v. 37, 1976.
4. См.: *Д. М. Насилов*. Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1963; *его же*. Конструкции *-a+туруп* в древнеуйгурском языке. — В кн.: «Сибирский тюркологический сборник». Новосибирск, 1976, стр. 42—48; *А. М. Щербак*. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л., 1981, стр. 82—85; *Б. А. Серебренников*, *Н. З. Гаджиева*. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 157—162.
5. *L. Johanson*. Das tschuwaschische Aoristthema. — «Orientalia Suecana», v. 23—24, 1976, стр. 106—158.
6. Вопрос о наличии в исходе тюркских слов гласного все еще остается спорным, см.: *А. М. Щербак*. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 127—134.
7. *Л. С. Левитская*. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976, стр. 64.
8. *L. Johanson*. Die westghusische Labialharmonie. — «Orientalia Suecana», v. 27—28, 1979, стр. 63—107.
9. *П. И. Кузнецов*. К обоснованию теории вербальности тюркского предложения. — «Советская тюркология», 1980, № 3, стр. 48—56; «Советская тюркология», 1980, № 4, стр. 43—54; *его же*. Является ли строй тюркских языков изначально именным? — «Вопросы языкознания», 1980, № 6.
10. *L. Johanson*. Рецензия на кн.: *Menges K. H.* The Turkic languages and peoples. 1968. — In: «Orientalia Suecana», v. 17, 1969.
11. *L. Johanson*. Sprachbau und Inhaltssyntax am Beispiel des Türkischen. — «Orientalia Suecana», v. 22, 1974, стр. 82—106.
12. *В. Г. Гузев*. Парадигма финитных форм имен как категория сказуемости. — «Тюркологический сборник. 1976». М., 1978, стр. 253—248; *его же*. Парадигма глагольных финитных форм как морфологическая категория. — «Советская тюркология», 1982, № 4, стр. 67—79.
13. *В. Г. Гузев*. Староосманский язык. М., 1979, стр. 54—55 (§ 107), 80—81 (§ 177—178).

*Д. М. Насилов*

PERSONALIA

ШАНАЗАР ШААБДУРАХМАНОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)



Исполнилось шестьдесят лет академику Академии наук Узбекской ССР, лауреату Государственной премии Узбекской ССР им. Бируни, доктору филологических наук, профессору Шаназару Шаабдурахманову.

Ш. Шаабдурахманов родился 5 мая 1923 года в Ташкенте. После окончания с отличием Ташкентского государственного педагогического института им. Низами он в 1944 году поступил в аспирантуру при Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР по специальности узбекское языкознание, где и трудится уже почти четыре десятилетия, возглавляя ныне отдел узбекской диалектологии.

Еще будучи аспирантом, Ш. Шаабдурахманов занимался изучением языка художественных произведений и в 1949 году успешно защитил кандидатскую диссертацию: «Художественные особенности языка поэмы „Равшан“ Эргаша Джуманбульбул-оглы».

В этой работе Ш. Шаабдурахманов первым среди узбекских ученых занялся исследованием проблем поэтики, лингвистических явлений, связанных с развитием стилистики и поэтической речи узбекского языка. В дальнейшем Ш. Шаабдурахмановым

были опубликованы следующие работы: «Некоторые соображения о языке поэмы „Сталевар“» (1948), «Язык романов Айбека» (1955), «Элементы художественной фонетики в поэме „Равшан“» (1967), «О языке поэмы „Равшан“ Эргаша Джуманбульбул-оглы» (1975), «Народная мудрость» (1978, 1981) и др.

Ш. Шаабдурахмановым немало сделано для изучения и издания фольклорных произведений, для подготовки кадров фольклористов, за что в 1973 году он вместе с другими видными фольклористами республики удостоился звания лауреата Государственной премии Узбекской ССР им. Бируни.

Круг научных интересов Ш. Шаабдурахманова весьма широк. Сюда входят многие проблемы современного узбекского языка, диалектологии, лексикографии, фонетики, орфографии, пунктуации. По всем этим проблемам им опубликованы многочисленные статьи.

В подготовленном в 1982 году переработанном варианте «Основных правил узбекской орфографии и пунктуации» раздел «Фонетика» написан Ш. Шаабдурахмановым.

Перу Ш. Шаабдурахманова принадлежит также ряд учебников и учебных пособий, программ по узбекскому языку и диалектологии для средних школ и высших учебных заведений. Им написаны (в соавторстве) «Сборник упражнений по орфографии» (1949—1956), выдержавший восемь изданий, учебник родного языка для IX класса и др.

В 1962 году Ш. Шаабдурахмановым была опубликована монография «Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры», защищенная им в 1963 году в качестве докторской диссертации и получившая высокую оценку видных тюркологов.

На основе изучения городских говоров и их отношения к литературному узбекскому языку Ш. Шаабдурахманов выдвинул положение о том, что из трех наречий (карлукского, кыпчакского, огузского), составляющих основу узбекского языка, карлукское, особенно его городские говоры, ближе других к узбекскому литературному языку.

Проблема определения диалектной основы литературного узбекского языка — одна из ведущих в научной деятельности

Ш. Шаабдурахманова. Всего по вопросам узбекской диалектологии Ш. Шаабдурахмановым опубликовано свыше ста научных статей.

Среди работ Ш. Шаабдурахманова следует особо выделить первый учебник для вузов «Узбекская диалектология» (в соавторстве с В. В. Решетовым), выдержавший два издания (1962, 1978).

Недавно вышла в свет монография Ш. Шаабдурахманова «Карлукское наречие узбекского языка» (1983).

Ш. Шаабдурахманов активно участвует в создании «Диалектологического атласа тюркских языков СССР», руковода среднеазиатской зоной и разделом «Узбекский язык». Им редактировались III, IV, V тома пятитомного русско-узбекского словаря (1953—1955).

Ш. Шаабдурахманов много внимания уделяет подготовке научных кадров кандидатов и докторов наук, среди которых имеются представители многих тюркоязычных народов нашей страны.

Заслуги ученого получили широкое признание: с 1968 года он член-корреспондент, а с 1974 года — академик Академии наук Узбекской ССР.

Ш. Шаабдурахманов член редколлегия ряда республиканских научных периодических и других изданий.

Коллеги, друзья и ученики Шаназара Шаабдурахмановича Шаабдурахманова сердечно поздравляют его с юбилеем и желают ему здоровья, дальнейших успехов в научной деятельности.

*А. Ишаев, Ш. Насыров*

## БЕКИР ЧОБАНЗАДЕ

*(К девяностолетию со дня рождения)*



Исполнилось девяносто лет со дня рождения известного советского филолога, крупного специалиста по тюркским языкам и литературам, профессора Бекира Чобанзаде, сыгравшего большую роль в развитии советской тюркологии в 20—30 годы.

Бекир Вагаб оглы Чобанзаде родился 15 мая 1893 года в уездном городке Карасубазаре бывшей Таврической губернии в семье батрака-пастуха. Получив первоначальное образование в приходской школе и в гимназии, Б. Чобанзаде уезжает в 1908 году в Константинополь (Стамбул) и продолжает учебу в лицее и на высших курсах арабского и французского языков в университе-

те. В 1914 году он поступает на историко-филологический факультет Будапештского университета, где основательно изучает тюркскую, семитскую и финно-угорскую филологии. Его учителями в Будапеште были, в частности, такие выдающиеся ученые, как арабист И. Гольдциер и тюрколог Ю. Немет. В 1920 году Б. Чобанзаде успешно защищает докторскую диссертацию: «Кажущиеся сингармонические несоответствия в „Codex Sumanicus“ и проблема артикуляционной базы в тюркских языках».

В том же 1920 году Б. Чобанзаде возвращается на родину в город Симферополь, где работает сперва доцентом языковедческой кафедры, затем (с 1922 года) профессором восточного факультета и (с 1924 года) ректором Крымского университета. В прочитанном им в университете курсе особого внимания заслуживают лекции, посвященные сравнительной грамматике тюркских языков.

Осенью 1924 года по приглашению Комитета нового тюркского алфавита и Азербайджанского государственного университета Б. Чобанзаде переезжает в Баку и назначается здесь профессором кафедры азербайджанского языка и литературы и деканом восточного факультета университета. Он занимает также должность заместителя председателя Общества по обследованию и изучению Азербайджана.

Б. Чобанзаде был одним из главных организаторов I Всесоюзного тюркологического съезда (Баку, 1926), на котором он выступил с докладами: «Взаимоотношения тюрко-татарских языков» и «Принципы составления научной терминологии на тюрко-татарских языках».



Велики заслуги Б. Чобанзаде в разработке вопросов алфавита, орфографии и терминологии применительно к тюркским языкам.

В 1927 году Б. Чобанзаде был избран председателем Научного Совета Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита, в 1928 году — действительным членом Института народов Востока в Москве, а в 1929 году — Азербайджанского государственного научно-исследовательского института педологии и психологии. В 1925—1933 годах Б. Чобанзаде являлся руководителем гуманитарной секции Азербайджанского терминологического комитета, затем — заместителем председателя, а позднее и председателем Комитета.

В 1930—1934 годах Б. Чобанзаде возглавлял кафедру узбекского языка и литературы Ферганского госпединститута, в 1935 году читал лекции по основам языкознания в Узбекском государственном университете и Бухарском педагогическом институте.

В 1932 году Б. Чобанзаде избирается действительным членом Азербайджанского отделения Закавказского филиала Академии наук СССР, а в 1935 году — действительным членом Азербайджанского филиала Академии наук СССР и почетным членом Парижского Общества лингвистики (по представлению крупнейшего французского лингвиста А. Мейе).

Литературно-художественная биография Б. Чобанзаде начинается с 1905 года, когда он впервые пробует свои силы в области поэтического творчества. Первое его произведение было опубликовано в 1911 году.

Перу Б. Чобанзаде принадлежат свыше 150 научно-исследовательских работ по тюркской филологии, огромное количество различных статей, рецензий, заметок и т. д. научного и научно-методического характера, печатавшихся на русском, азербайджанском, крымско-татарском, узбекском, туркменском, казахском, турецком, венгерском, немецком, французском языках. Ученый свободно владел, наряду с родным крымско-татарским, также русским, армянским, грузинским и всеми языками народов Советского Востока. Он прекрасно знал многие иностранные языки: венгерский, чешский, польский, немецкий, французский, арабский, персидский и турецкий.

Научное наследие Б. Чобанзаде поражает прежде всего широтой и многообразием тематики. Пристальное внимание ученого привлекали как теоретические, так и практические аспекты интересовавших его научных проблем. Для его работ характерна теснейшая взаимосвязь вопросов общей и частной тюркской филологии, общего и частного языкознания.

Особенно плодотворными в научной деятельности Б. Чобанзаде были 20—30-е годы. Внимания этого неумолимого исследователя и организатора тюркологической науки не миновали, можно сказать, ни одна фило-

логическая дисциплина, ни одна отрасль тюркологической лингвистики. Об этом красноречиво свидетельствует даже простой перечень его важнейших работ: «Очерк развития культурной жизни российских татар» (1915), «Новые течения в турецкой литературе» (1916), «Основные этапы развития журналистики на тюрко-татарских языках» (1918), «Актуальные проблемы тюрко-татарских языков» (1923), «Опыт научной грамматики крымско-татарского языка» (1924), «Введение в тюрко-татарское языкознание» (1924), «Предварительные сообщения о кумыкском языке» (1925), «О языке Физули» (1925), «Методика преподавания тюркского (азербайджанского) языка» (том I — 1925, том II — 1927), «Этюды по языку и словесности кумыков» (1926), «Очерк истории развития востоковедных научных организаций и учреждений в России» (1926), «О языке Навои» (1926), «Заметки о языке и словесности кумыков» (1927), «Тюрко-татарская диалектология» (1927), «В. Томсен» (1927), «Тюркский (азербайджанский) язык. Грамматика» (1928), «Словарь и его организация» (1928), «Общий очерк азербайджанской тюркской литературы» (1928), «А. Н. Самойлович» (1928), «Основные проблемы унификации алфавитов» (1929), «Новейший период азербайджанской тюркской литературы» (1930), «Научная грамматика азербайджанского тюркского языка» (1930), «Основные проблемы методики преподавания иностранных языков» (1932), «Проблемы научной грамматики азербайджанского тюркского языка» (1932), «Опыт периодизации азербайджанского тюркского литературного языка» (1932), «Основы методики преподавания узбекского языка» (1932), «Заметки о карачаево-балкарском языке» (1932), «Проблемы дефинитивности в тюркском языке» (1933), «О языке и литературном творчестве Шах Исмаила Хатаи в связи с характеристикой языка XVI—XVII вв.» (рукопись, 1933), «Ленин и языкознание» (1933), «Тюркская грамматика ибн-Муханны» (1933), «Проблема грамматической категории в тюркском языке» (1934), «К истории сюжета „Лейли и Меджнун“» (1934), «„Шахнамэ“ и мировая эпическая литература» (1934), «Энгельс и языкознание» (1935), «Литературно-лингвистический анализ „Китаби Дедем Коркут“» (рукопись, 1935), «Языковое строительство в Азербайджанской ССР» (1936, в соавторстве с Г. К. Багировым) и др.

Приведенный здесь краткий перечень основных научных работ Б. Чобанзаде показывает, что многие из них продолжают сохранять свою актуальность и по сей день. Введение их в научный обиход, определение их места в истории отечественной и советской тюркологии — почетная задача, стоящая перед нашими тюркологами.

А. К. Алекперов, Р. Г. Тагиев

Х Р О Н И К А

ДЕВЯТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ  
СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

10—11 марта 1983 года в Москве состоялась девятое пленарное заседание Советского комитета тюркологов, посвященное десятилетию его создания.

Председатель Комитета академик А. Н. Кононов (Ленинград) в своем вступительном слове коротко ознакомился с итогами работы в области тюркского языкознания и литературоведения за истекшее десятилетие.

Среди важнейших исследований по тюркскому языкознанию А. Н. Кононов назвал завершаемую многотомную «Сравнительно-историческую грамматику тюркских языков» и «Этимологический словарь тюркских языков» (сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР); находящийся в стадии завершения «Диалектологический атлас тюркских языков СССР». В числе перспективных А. Н. Кононов отметил разработку ареальной проблематики, нового направления в тюркологии, и исследования тематики Turco-Rossica.

Говоря об актуальных проблемах тюркологии, А. Н. Кононов отметил, что в последние годы за исключением, может быть, только филологов Узбекистана, тюркологи не уделяют должного внимания изучению и изданию грамматических трактатов по тюркским языкам, написанных на арабском и персидском языках, являющихся одним из важнейших источников по истории тюркских языков.

По-прежнему не уделяется необходимого внимания лингвистическому источниковедению, способствующему адекватному использованию лингво-исторических материалов. Следует иметь в виду, что каждый историк языка обязан пройти лингвотекстологическую практическую школу — издать хотя бы один средневековый текст, снабдив его пусть даже минимальным историко-филологическим комментарием. Текстологическим же исследованиям тюркских письменных памятников практически уделяется явно недостаточно внимания (кроме Ташкента, Казани, Уфы; результаты пока не опубликованы). Поэтому, отметил А. Н. Ко-

нонов, необходима широкая филологическая подготовка тюркологических кадров, без которой невозможно преодолеть существующую излишнюю дробность тематики тюркологических работ.

Такая важная тема, как история формирования тюркских национальных языков, на местах все еще разрабатывается слабо. В аналогичном положении находятся и вопросы грамматической семантики.

Нельзя считать нормальным и то, что в отечественных тюркологических работах все еще недостаточно используются достижения зарубежной тюркологии. В Турции, например, сложилась большая группа весьма квалифицированных тюркологов, прошедших хорошую школу в ФРГ и в Венгрии (группы Т. Текина по изучению рунических памятников и Ш. Текина — древнеуйгурских памятников). Многообещающая также деятельность молодого поколения северной и западноевропейских тюркологов. Для ознакомления специалистов с достижениями мировой тюркологии редакция журнала «Советская тюркология» и его авторский актив должны уделять больше внимания рецензированию и аннотированию наряду с отечественными и зарубежными тюркологических изданий. Было бы, разумеется, также очень хорошо, если бы журнал отметил на своих страницах исполняющееся в декабре 1983 года десятилетие дешифровки тюркоязычных рунических надписей.

Доклад директора Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР М. К. Кошчанова (Ташкент) содержал обзор деятельности лингвистов, фольклористов и литературоведов Института за последние годы.

В докладах Р. Б. Бердибаева (Алма-Ата) «Литературоведение в Казахстане» и Т. Д. Меликова (Москва) «Турецкая литература наших дней: социальный и нравственный аспекты» были освещены актуальные проблемы изучения казахской и турецкой литературы.

Х. Г. Короглы (Москва) информировал собравшихся о многотомном издании па-

мятников фольклора народов Сибири и Дальнего Востока<sup>1</sup>.

С докладом «О современном состоянии монголоведения» выступил Э. Р. Тенишев (Москва), осветивший прошлое монголоведения, его современное состояние и стоящие перед ним в ближайшие годы задачи.

Н. А. Баскаков (Москва) выступил с докладом на актуальную и дискуссионную тему «Проблема частей речи в тюркских языках».

Е. И. Убрятова (Новосибирск) сообщила о ходе работы над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР» (далее — ДАТЯ СССР). В настоящее время подготовлены фонетические карты атласа, однако, существуют сложности в составлении карт по морфологии, особенно по глаголу.

Для проверки текста ДАТЯ СССР необходимо участие представителей всех зон.

М. А. Бородина (Ленинград) выступила с докладом «Проблема лингвистического пространства в связи с изучением диалектов и их атласированием». Она остановилась также на вопросах, связанных с завершением работы над ДАТЯ СССР.

Заместитель председателя Советского Комитета тюркологов Э. Р. Тенишев выступил с отчетным докладом Комитета за 1982 год, а также информировал участников пленума о наиболее значительных тюркологических изданиях и публикациях 1982 года (библиографический перечень приводится ниже).

По тюркскому языкознанию было опубликовано семь авторефератов докторских диссертаций и более тридцати авторефератов кандидатских диссертаций (список приводится ниже).

В соответствии с планом работы Советского комитета тюркологов 8—10 сентября 1982 года в Уфе была проведена IX региональная конференция по диалектологии тюркских языков, которая поддела итоги за истекшее трехлетие и обсудила перспективы последующего регионального координирования диалектологических исследований, соответствующего совершенствования вопросников и программ диалектного обследования.

Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка было организовано при участии Комитета и проведено в сентябре 1982 года в Волгограде.

Конференция «Изучение диалектов Сибири» была проведена в мае 1982 года в Новосибирске. 1—4 февраля 1983 года в Томском педагогическом институте состоялись X чтения памяти А. П. Дульзона.

В 1982 году была продолжена коллективная работа над «Лингвистическим атласом Европы» (далее — ЛАЕ). В настоящее время продолжается работа над первым (малым) вопросником, охватывающим лексику атласируемых языков. Начата ра-

бота над вторым вопросником, отражающим все уровни языка; проблемам, возникающим при этом, посвящено совещание участников ЛАЕ в г. Риге (февраль—март 1983 г.).

Работа над вторым и третьим томами «Корпуса памятников древнетюркской письменности» велась в соответствии с планом.

Работа над «Корпусом эпиграфических памятников Поволжья» в целом завершена. «Корпус» был обсужден на заседании сектора языка ИЯЛИ КФАН СССР и получил положительную оценку специалистов как еще один документированный источник для комплексного исследования истории материальной и духовной культуры данного региона.

Работа над «Корпусом армянописьменных памятников кыпчакского языка XVI века» велась в соответствии с планом.

В целях активизации исследований по истории тюркских литературных языков Советский комитет тюркологов принимает участие в работе проблемной комиссии по теории и истории литературных языков при Институте языкознания Академии наук СССР.

Начата координационная работа по тюркской полевой, камерной и эдиционной археографии Урало-Поволжья: коллективом авторов составляется общая схема описания тюркоязычных рукописей.

В прошлом 1982 году археографической экспедицией Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН ССР обследовано 35 населенных пунктов Татарии; собрано 250 рукописей, в том числе 150 рукописных книг.

В заключение Э. Р. Тенишев отметил, что деятельность Советского комитета тюркологов за истекшее десятилетие вызывает пристальный интерес широкой общественности, о чем свидетельствуют публикации соответствующих материалов в таких периодических изданиях, как «Общественные науки» и «Вестник Агентства печати новостей».

По докладу ученого секретаря Комитета Г. Ф. Благовой (Москва) был утвержден план работы Советского комитета тюркологов на 1983 год (печатается ниже).

Б. Ч. Чарьяров (Ашхабад) информировал участников заседания о ходе подготовки к проведению IV Всесоюзной тюркологической конференции (далее — IV ВТК) в Ашхабаде в сентябре 1984 года.

З. Г. Ураксин (Уфа) рассказал о подготовке Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР к проведению в октябре текущего года рабочего совещания по вопросам каталогизации и описания тюркоязычных, арабоязычных и персидских рукописей.

М. З. Закиев (Казань) отметил, что до сих пор практически не изучается развитие тюркских языков в советский период и в частности — влияние на это двуязычия. В связи с развернувшимися исследованиями

<sup>1</sup> См. об этом: «Основные принципы подготовки томов серии „Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока“». Новосибирск, 1982.

балканского языкового союза (Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР) он отметил необходимость создания, по аналогии с палеобалканистикой, специальной дисциплины «палеотюркология». М. З. Закиев остановился также на вопросе о возможном влиянии грамматической концепции новой академической «Грамматики русского языка» (1980) на исследования в области тюркской грамматики.

*А. Н. Кочонов*, комментируя это выступление и доклад Н. А. Баскакова, сказал, что после завершения работы над «Сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков» инициативная группа тюркологов должна сосредоточить свои усилия на разработке принципов описания грамматического строя тюркских языков.

*Д. М. Насилов* (Ленинград) отметил необходимость развертывания теоретических исследований в области тюркской грамматики. При этом, однако, учет новейших достижений не только русской, но и всей лингвистики в целом нельзя сводить к некритическому перенесению новых теорий в область тюркского языкознания. Теоретическая работа в этой области должна исходить прежде всего из специфики самих тюркских языков и опираться на современный и исторический фактический материал.

Созданные в Узбекистане двухтомная грамматика узбекского языка и примыкающая к ней лексикология построены на широком использовании материалов кандидатских и докторских диссертаций. Подобное плодотворное использование диссертационных работ пока еще мало практикуется в тюркологии.

*А. С. Аманжолов* (Алма-Ата) отметил рациональность функционально-грамматического подхода к изучению частей речи в тюркских языках, предложенного в докладе Н. А. Баскакова.

*Х. Г. Нигматов* (Бухара) остановился на важной задаче выработки совокупности конкретных методических приемов, которые в наибольшей мере соответствовали бы целям описания тюркских языков.

К проблемам прикладной фонетики, находящим выход в кинематографе, в частности в мультитипликации, привлечение внимания собравшихся *С. С. Татубаев* (Алма-Ата).

Заместитель главного редактора журнала «Советская тюркология» *И. С. Сеидов* (Баку) отметил, что редакция все еще испытывает недостаток в теоретических и обобщающих статьях. Нерегулярно пополняется портфель редакции также рецензиями, информацией, сообщениями о научной жизни, хроникальными заметками и т. д. *И. С. Сеидов* просил докладчиков пленума прислать в редакцию возможно скорее доработанные тексты своих докладов для публикации в журнале. Он подчеркнул, что в поступающих в редакцию информациях о научных заседаниях сжатое изложение сути выступлений и обсуждаемых вопросов зача-

стую подменяется стенографическим изложением хода заседаний. Им было также высказано пожелание, чтобы тематика предстоящих конференций была максимально сужена и компактна, что сделает их научно и практически более эффективными. Он обратился к сектору тюркологии и монгольских языков Института языкознания АН СССР с просьбой прислать свое время в редакцию статью, посвященную исполняющемуся в этом году 90-летию расшифровки тюркских рунических надписей.

*И. С. Сеидов* подчеркнул актуальность координированной разработки в тюркоязычных республиках и областях наряду с вопросами культуры речи и вопросов культуры языка в целом. В настоящее время в исследованиях делается большой крен в сторону исторической тематики, тогда как актуальные, насущные проблемы современных живых тюркских языков, нормирование их различных аспектов, от разрешения которых во многом зависит их культура и дальнейшее успешное развитие, остаются несколько в тени.

*Л. С. Левитская* (Москва) остановилась на недочетах тюркской диалектной лексикографии. Из числа появившихся в последние годы диалектных словарей она выделила как наиболее удачные татарский и башкирский. Она подчеркнула важность регистрации семантических, лексических и фонетических диалектизмов. Между тем в современных диалектных словарях часто диалектизмы отражаются выборочно, толкование значений дается приблизительно. Русские переводы также не полны и не точны. Важно, чтобы диалектные словари были максимально полными, особенно для языков с ярко выраженным диалектным членением.

*С. К. Кенесбаев* (Алма-Ата) возразил против узкой этнической привязки памятников древности и указал на необходимость выработки критериев определения тюркских литературных языков древности и средневековья, на важность типологического изучения истории тюркских литературных языков.

*М. А. Хабичев* (Карачаевск) отметил, что до настоящего времени остается неизученным издававшееся в городе Темирханшуре в конце XIX — начале XX века богатое литературное наследие на северо-кавказском тюрки<sup>2</sup>. В основном это были перево-

<sup>2</sup> В связи с выступлением *М. А. Хабичева* необходимо отметить, что такое изучение начато в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР. См., в частности, имеющиеся публикации: *Г. М. Оразаев*. Лингвогеографическая характеристика тюркоязычных документов из архива Кизлярского коменданта. — «III конференция молодых ученых Дагестанского филиала АН СССР». Махачкала, 1980; *С. М.-С. Алиев, М.-Г. Д. Акаев*. Революциядан алаңгы кыумук адабият. Магачкыла, 1980.



ды персидских и арабских поэтических произведений, выполненные арабской графикой. Интересно, что, например, такие поэмы, как «Дахир и Зухра», «Лейли и Меджнун», «Буджигит и Сахиб Джамал», представлены в карачаево-балкарском и ногайском вариантах.

*И. А. Абдуллин* (Казань) указал на причину отставания текстологии и лингвистического источниковедения в тюркологии, заключающуюся, по его мнению, прежде всего в том, что эти дисциплины долгое время не были объектом систематического исследования. Свою роль сыграла также разобщенность усилий тюркологов-текстологов.

*Е. И. Убрятова* говорила о комплексном характере прозванных до 20—30-х годов XX века тюркологических исследований. В наши дни к подобным работам можно отнести историю якутов, написанную *А. П. Окладниковым*. Узкая специализация тюркологов делает подобные комплексные исследования редким явлением в отечественной науке. Говоря о тематике докторских и кандидатских диссертаций, *Е. И. Убрятова* поддержала экспериментальные исследования фонетики малоизученных языков народов Сибири. Здесь следует иметь в виду, что объектом исследования в таких диссертациях являются малоизученные языки. Темы типа «Звуковая состав... языка» явно не соответствуют уровню современного состояния фонетики, когда получили широкое развитие экспериментально-фонетические исследования. В дальнейшем с появлением новой аппаратуры будет развиваться и методика исследования, выдвинутые новые задачи. И чем тоньше будут возможности анализа, тем более частные темы он будет порождать.

*К. М. Мусаев* (Москва) рассказал об организованной в Хельсинки тематической выставке «Языковое строительство в СССР».

*И. Х. Ахматов* (Нальчик), оставившись на сложностях подготовки тюркологических кадров в вузах, поддержал включение в план деятельности Комитета проведение научно-методической конференции «Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузах» на базе Чувашского государственного университета.

*Н. К. Антонов* (Якутск) сообщил о состоянии обучения на национальном языке в дошкольных и школьных учреждениях городов Якутской АССР.

*Т. Д. Меликов* говорил о необходимости активизировать исследования в области тюркоского литературоведения за счет их комплексности, которая может быть достигнута путем совмещения литературоведческих и историографических изысканий.

Участники конференции были информированы о том, что дирекция Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР обратилась в Советский комитет

тюркологов с просьбой содействовать включению в запланрованную к изданию 60-томную серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» собрания фольклора сибирских татар. В Сибири проживает около полумиллиона татар (407100 человек по переписи 1959 года). Фольклор их в прошлом исследовали известные ученые: IV том десятитомного издания академика В. В. Радлова посвящен исключительно фольклору сибирских татар. К настоящему времени собрано и записано на магнитофонную пленку более 10000 единиц фольклорных произведений, среди которых имеются уникальные образцы. Материалы собраны ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова и Казанским университетом. Основная часть этих материалов остается неизданной. Составление тома фольклора сибирских татар мог бы взять на себя сектор фольклора ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова.

По докладу *Э. Р. Тенишева* о современном состоянии советской монголистики выступили *А. Н. Кононов*, *Д. М. Насилов*, заведующий отделом монголоведения Калмыцкого НИИИФЭ *П. Ц. Биткеев* и *Г. Ц. Пюрбеев*.

*А. Н. Кононов* обратился к монголоведам с предложением составить записку в Президиум АН СССР о современном состоянии монголоведения и перспективах его развития в ближайшем будущем. Развитию монголоведения необходимо уделять больше внимания.

*Д. М. Насилов* подчеркнул важное значение и актуальность подготовки кадров монголоведов.

*П. Ц. Биткеев* (Элиста), говоря о важности оказания помощи монголоведению, отметил в целом удовлетворительное положение в области изучения фонетики, а также лексикографии и диалектологии, упомянул о наиболее значительных мероприятиях, проведенных монголоведами, а именно о Всесоюзной научной конференции по алтаистике и монголоведению (Элиста, 1972), Всесоюзной конференции по эпическому творчеству тюрко-монгольских народов (Элиста, 1978). Директивными органами Калмыкскому НИИИФЭ было поручено проведение широких монголоведных исследований, для чего организован отдел монголоведения. В заключение *П. Ц. Биткеев* поддержал предложение создать при Советском комитете тюркологов секцию монголоведения для координации и кооперирования деятельности монголоведных центров страны.

*Г. Ц. Пюрбеев* (Москва), поддержав последнее предложение, высказался за организацию издания специального печатного научного органа типа ежегодника, который активизировал бы работу монголоведов в наиболее важных и перспективных направлениях.

Конференция приняла резолюцию (печатается ниже).

## НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ 1982 ГОДА

**А. Н. Кононов.** История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Издание второе, дополненное и исправленное. Л., 1982; **А. И. Богданов.** Федор Евгеньевич Корш. Ашхабад, 1982; **Е. И. Окопешников.** Э. К. Пекарский как лексикограф. Новосибирск, 1982; **Ш. Ш. Сарыбаев.** Библиографический указатель литературы по казахскому языкознанию. Алма-Ата, ч. 3, 1977; ч. 4, 1982; «В научном поиске. К 50-летию Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР». Уфа, 1982; «Наука советского Казахстана. 1920—1980». Алма-Ата, 1981.

**Д. Д. Васильев.** Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского региона. М., 1983; **Ч. Джумагулов.** Эпиграфика Киргизии. Вып. II. Фрунзе, 1982; **Я. Р. Дашкевич, Э. Трыяски.** Каменные бабы причерноморских стел. Коллекция из Аскании-Нова. Wroclaw, 1982. «Орхон-Енисей тексттери». Фрунзе, 1982.

**Г. Ф. Благова.** Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион). М., 1982; **Л. В. Реиштова.** Категория падежа в языках разных систем. Ташкент, 1982.

«Грамматика современного якутского литературного языка». М., 1982.

«Чувашско-русский словарь» (на 40 тыс. слов). Под редакцией М. И. Скворцова. М., 1982; «Опыт совершенствования алфавитов и орфографии языков народов СССР». М., 1982 (обширный раздел посвящен тюркским языкам).

«Теоретические проблемы восточного языкознания». Ч. 1—6. М., 1982 (ч. 5 — тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и дальневосточные языки); «Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР» (Сборник научных трудов Новосибирского госуниверситета им. Ленинского комсомола). Новосибирск, 1983; «Актуальные вопросы карачаево-балкарской грамматики и лексики». Нальчик, 1982; «Актуальные вопросы грамматики и стилистики татарского языка». Казань, 1981.

**Н. Д. Дьячковский.** Консонантизм якутского языка (Экспериментальное, сравнительно-сопоставительное исследование). Якутск, 1982. «Некоторые вопросы туркменского произношения и правописания». Ашхабад, 1982; **С. Эрнараров.** Туркмен дилинде сөзлөйүш ишликтери (денешдирме планда). Ашгабат, 1982; «Ифинишгине формы глагола» (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1980; **Ф. А. Ганпеев.** Образование сложных слов в татарском языке. М., 1982; **Н. Маматов.** Собственносложные слова в узбекском языке. Ташкент, 1982; **Н. Е. Петров.** О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск, 1982; **М. В. Зайнуллин.** Система лексических и лексико-грамматических средств выражения модальных значений в современном башкирском языке. Уфа, 1981; «Синтаксис алтайских и европейских языков». Новосибирск, 1981; **Р. Г. Сибигаев.** Основные признаки предложения (на материале татарского языка). Уфа, 1980; **И. Е. Алексеев.** Вопросительное предложение в якутском языке. Якутск, 1982; **Ф. Абдуллаев, Р. Ибраимова.** Управление в узбекском языке. Ташкент, 1982; **М. Давлетов.** Категория обстоятельства в каракалпакском языке. Нукус, 1982 (на каракалпакском языке); **Н. Т. Сауранбаев.** Проблемы казахского языкознания. Алма-Ата, 1982.

«Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка». Чебоксары, 1982.

«Алишер Навоий асарлари тилининг изоҳли лугати». I. Тошкент, 1983; «„Келурнаме“ Чинги». Ташкент, 1982.

«Қарақалпақ тилинің түсіндірме сөзлігі». Төрт томдық. I. А—В. Нөкис, 1982; «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі». 6. т., Алматы, 1982.

«Инструкция по составлению татарско-русского словаря полного типа (в трех томах)». Казань, 1982; **В. Месгутов.** Сөзлүктерде ишликтерин алыш в лексикографир-ленилиш принциптери. Ашгабат, 1982.

**К. Сейдакматов.** Кыргыз тилиндеги сөз маанисинин жана варианттарынын өңү-гүшү. Фрунзе, 1982.

**Туркан Әфәндијева.** Азербайжан дилинин лексик услубијјаты. Баку, 1980; «Лексика и стилистика татарского языка». Казань, 1982; **Ш. Жамбилев.** Қазақша мал атаулары. Алматы, 1982; **Н. В. Бикбулатов.** Башкирская система родства. М., 1981.

**Г. Атаев.** Туркмен дилинің хүнәрментчилиг лексикасының сөзлүги. Ашгабат, 1982; «Оба хожалық терминлериниң түркменче-русча сөзлүги». Ашгабат, 1979; «Орысша-казақша сөздік». II. т., Алматы, 1981; «Қырачай-мажар тилин орфография сөзлүгі». Нальчик, 1982; **Б. О. Орузбаева.** Қиргизская терминология. Фрунзе, 1982 (на кирг. яз.); *се же.* Словарь грамматических терминов. Фрунзе, 1982 (на кирг. яз.).

**Г. Х. Ахатов.** Фразеологический словарь татарского языка. Казань, 1982; **А. Г. Нещенов.** Глагольная фразеология якутского языка. Якутск, 1981; **Р. А. Юсупов.** Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань, 1980; «700 фразеологических оборотов русского языка». Ташкент, 1982 (в книге даны соответствия из узбекской фразеологии).

О. Т. Молчанова. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982; Т. Х. Кусимова. Башкирские имена. Уфа, 1982; «Татар һәм башкорт калыктарының антропонимнар системасы (Идел-Кама-Урал регионның кайбер лингво-ономастик проблемаларына кереш). Махсус курс программасы». Уфа, 1981; М. А. Хабичев. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982; Э. М. Мурзаев. География в названиях. Изд. 2-е переработанное и дополненное. М., 1982.

О. Нақысбеков. Қазақ тілінің оңтүстік говорлар тобы. Алматы, 1982; М. С. Воронкин. Саха диалектологиятын очерката. Фонетика уонна морфология. Якутскай, 1980. «Исследования по исторической диалектологии татарского языка». 2. Казань, 1982.

Х. Жұраев. Узбек тили турк-калтай тили шева сининг фонетик ва лексик хусусиятлари (Самарқанд, Жиззах, Сирдарё областлари маданийи масалалари асосида). Тошкент, 1981; Ш. Носиров. Узбек тилининг Қўқон шеvasи. Тошкент, 1980.

М. М. Копыленко, С. Т. Саина. Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения. Алма-Ата, 1982; О. Назаров. Түркмен дилинде рус алыма сөзлери. Ашгабат, 1981; сб. «Тюркско-дагестанские языковые контакты». Махачкала, 1982.

«Развитие национальных языков в связи с их функционированием в сфере высшего образования». М., 1982; «Обучение иностранным языкам в условиях билингвизма». Казань, 1982; «Узбек тили стилистикаси ва нутқ маданияти масалалари». Самарқанд, 1982; «Бадий таржима масалалари». Самарқанд, 1982.

Н. Оралбаева, Ф. Мадина, А. Әбілқайев. Қазақ тілі (Практикалық курс). Алматы, 1982; Ф. Абдураҳмонов, А. Рустамов. Қадимги туркий тил. Тошкент, 1982; Н. К. Антонов. Лекции по тюркологии (Среднетюркская эпоха). Якутск, 1981; Х. Бердиев, Т. Хужаев, Б. Иўлдошев. Умумий тилшунослик (лекциялар тексти). II қисм. Самарқанд, 1982; Б. Иўлдошев. Бадий нутқ стилистикаси. Самарқанд, 1982.

А. М. Щербак. Поэтические произведения предшественников Нава'и (по рукописи Ог. 8193, хранящейся в Британском музее). — «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1975». М., 1982; «Письменные памятники Башкирии». Уфа, 1982; И. М. Гвоздикова. Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа, 1982; «Старотатарская деловая письменность». Составление сборника текстов, переводы, комментарии и исследование выполнены Ф. С. Фасеевым. Казань, 1982; М. И. Боргояков. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981; С. М.-С. Алиев, М.-Г. Д. Акаев. Революциядан алдагы кўмүк адабият. Магъачкўла, 1980; сборник «Проблемы изучения башкирских литературно-публицистических и фольклорных источников». Уфа, 1982.

«Башкирское народное творчество. Эпос». Кн. III. Уфа, 1982; «Башкирское народное творчество. Байты. Песни. Такмаки. Советский период». Кн. II. Уфа, 1982.

«Алпамыш». Тошкент, 1982, «Маспатша», Нежис, 1982. На каракалпакском языке изданы также следующие монографии по фольклористике: А. А. Алимов. Идеино-художественные особенности каракалпакских лиро-эпических дастанов. Нукус, 1982; К. М. Маскетов. Каракалпакские народные сказителли. Нукус, 1982; Т. Н. Ниетуллаев. Каракалпакские народные пословицы и поговорки. Нукус, 1982.

«Туркменский эпос, дастаны и их связь с эпическим наследием народов Востока». Ашхабад, 1982; «Ставрополь туркменлеринин накыллары». Ашгабат, 1982; Р. Бердиев. Қазақ эпосы. Алматы, 1982; «Қазақ фольклорының типологиясы». Алматы, 1981.

«Чувашский фольклор. Специфика жанров». Чебоксары, 1982; «Работа в хоре над тофаларскими народными песнями». Методические рекомендации. Иркутск, 1981.

И. В. Стеблева. Семантика газелей Бабура. М., 1982.

См.: «Түркмен совет эдебиятының тарыхы». VI т., I китап. Ашгабат, 1982; А. Х. Вахитов. Жанр и стиль в башкирской прозе. Уфа, 1982; К. А. Ахмедьянов. Прекрасное и героическое в поэзии. Уфа, 1982; Н. Г. Юзеев. Мир поэзии. Казань, 1982; «Из истории татарской литературы средних веков». Казань, 1981; Л. И. Лебедева. Крутое восхождение. Заметки о киргизской литературе. Фрунзе, 1981.

«IX конференция по диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов и сообщений». Уфа, 1982.

«Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений». М., 1982.

Ниже в алфавитном порядке приводятся библиографические данные об авторефератах докторских (далее — АДД) и кандидатских (далее — АКД) диссертаций, полученных Комитетом: Л. Ш. Арсланов. Формирование и развитие островных языков и диалектов (на материале тюркских языков и диалектов Волгоградской, Астраханской областей, Ставропольского края и Калмыцкой АССР). АДД. Алма-Ата, 1982; А. М. Арсланов. Взаимодействие азербайджанского языка с другими языками на территории Азербайджанской ССР. АДД. Баку, 1982; Г. Ф. Благова. Тюркское склонение в реальном освещении. Юго-восточный регион. АДД. М., 1982; Р. Даниярзев. Формирование и развитие технической терминологии узбекского языка. АДД. Баку, 1982; Р. Кунгуров.

Семантико-синтаксические особенности формообразующих морфем имен существительного в узбекском языке. Автореф. докторск. диссерт. Баку, 1982; *Н. П. Петров*. Функциональное развитие и нормализация чувашского литературного языка в советскую эпоху. АДД. Баку, 1982; *В. И. Рассадин*. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. АДД. М., 1982; *Э. С. Акмоллаев*. Бессоюзные сложные предложения в современном литературном крымскотатарском языке. АКД. М., 1982; *Х. Алимурадов*. Морфология узбекских кыпчакских говоров низовья Сурхандарьи (Имя и глагол). АКД. Ташкент, 1982; *Л. С. Аркитская*. Сложные и составные глаголы кумыкского языка. АКД. Баку, 1982; *Х. Л. Башиев*. Фонетический строй цокающего диалекта карачаево-балкарского языка. АКД. Баку, 1982; *З. Бейсембиев*. Нормализация словообразующих аффиксов имен существительных в современном казахском литературном языке. АКД. Алма-Ата, 1982; *К. Н. Буракова*. Ритмомелодемы хакасских простых нераспространенных предложений. АКД. Алма-Ата, 1982; *А. И. Гамидов*. Азербайджанские заимствования в будучском и хиналугском языках. АКД. Баку, 1982; *А. И. Гелыева*. Категория залога в карачаево-балкарском языке. АКД. М., 1982; *М. А. Гусейнов*. Язык и стиль романов Мирзы Ибрагимова. АКД. Баку, 1982; *Я. Т. Джамалов*. Падежи имен существительных в говорах азербайджанского языка на территории Армянской ССР. АКД. Баку, 1982; *А.-М. М. Еримбетова*. Номинативные ряды со сравнительно-уподобительной семантикой в современном русском языке (в сопоставлении с казахским). АКД. Алма-Ата, 1982; *А. В. Есипова*. Определительные функции причастия в шорском языке. АКД. Алма-Ата, 1982; *Р. А. Закиров*. Язык древнеуйгурского памятника «Куанши им пусар». АКД. М., 1982; *С. А. Иванов*. Аканье и оканье в говорах якутского языка. АКД. Алма-Ата, 1982; *С. Р. Изидинова*. Фонетические и морфологические особенности крымскотатарского языка в ареальном освещении. АКД. М., 1982; *Е. Э. Кажибеков*. Тюркский лексико-грамматический синкретизм односложных корней-основ. АКД. Алма-Ата, 1981; *Б. Калимбетов*. Лирика Ажинияза. АКД. Ташкент, 1982; *Ч. М. Карашарлы*. Видовая характеристика глаголов в тюркских языках юго-западной группы. АКД. Баку, 1982; *М. У. Курбанов*. Русско-каракалпакские языковые контакты на лексическом уровне в условиях активного билингвизма. АКД. Казань, 1982; *Н. А. Мандрова*. Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). АКД. Алма-Ата, 1982; *А. Х. Маннапова*. Язык татарской деловой письменности XVII века (истоки и традиции). АКД. Казань, 1982; *М. А. Махмудов*. Разработка системы формального морфологического анализа тюркской словоформы (на материале азербайджанского языка). АКД. Баку, 1982; *Г. А. Медетова*. Модальность предположения и средства ее выражения в тюркских языках. АКД. Алма-Ата, 1982; *О. С. Оразова*. Туркменская лексика в произведениях русских писателей Туркменистана. АКД. Ашхабад, 1982; *Н. Г. Охарева*. Интерференция вокалических систем (на материале башкирского и русского языков). АКД. Л., 1982; *Т. Н. Тузужекова*. Особенности сочетаемости существительных, связанных с выражением понятия «человек», в современном английском и хакасском языках. АКД. М., 1982; *А. Ж. Умурзакова*. Тюркизмы в словообразовательной системе русского языка. АКД. Алма-Ата, 1982.

Для тюркологов представляют интерес также следующие авторефераты: *Н. В. Киладзе*. Философская лексика средневекового Востока (по основным материалам XI—XII вв. на арабском и грузинском языках). АДД. Тбилиси, 1982; *А. Насриддинов*. Толковый словарь «Шамс-ул-луғот» (Источники, лексика, лексикографические особенности). АКД. Душанбе, 1982 (наряду с арабскими, пехлевийскими и прочими словами приводятся также и тюркские). Анализ тюркизмов см. также: *Э. П. Здобнова*. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии (по данным лингвистической географии). АДД. Л., 1982; *Н. А. Кузнецов*. Топонимия Пензенского края. АКД. М., 1982; *Т. А. Максимова*. Образно-речевая система Чингиза Айтматова (творческий контекст). АКД. Алма-Ата, 1982\*.

#### ПЛАН РАБОТЫ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ, ПРОВОДИМОЙ СОВМЕСТНО С НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, НА 1983 ГОД

##### 1. Проведение рабочего совещания этимологов в г. Чебоксары.

Исполнители: ордена «Знак Почета» Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, Институт языкознания АН СССР.

Срок: июнь 1983 года.

2. Проведение совещания по вопросам каталогизации тюркоязычных, арабоязычных, ираноязычных и монголоязычных рукописей.

\* Информация подготовлена редакцией на основе материалов, представленных в журнал ученым секретарем Советского комитета тюркологов Г. Ф. Благовой.



Исполнители: Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (З. Г. Уражсин, И. Г. Галаятдинов).

Срок: октябрь 1983 года.

3. Подготовка IV Всесоюзной тюркологической конференции.

Исполнители: Институт языка и литературы АН Туркм. ССР, Отделение литературы и языка АН СССР, Советский комитет тюркологов, сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Срок: октябрь 1984 года.

4. Подготовка к проведению республиканской научно-методической конференции «Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе» на базе Чувашского госуниверситета им. И. Н. Ульянова.

Исполнители: Чувашский госуниверситет (И. А. Андреев).

Срок: сентябрь 1984 года.

5. Завершение работы над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР»: проверка текстов атласа, концентрация картографического материала на 200 картах, работа с картфабрикой.

Исполнители: сектор языков народов Сибири отдела филологии ИИФибФ Сибирского отделения АН СССР (Е. И. Убрятова, Н. Н. Широкова, Т. А. Андреева), научный консультант по лингвистическому картографированию М. А. Бородин.

6. Участие в разработке и составлении «Лингвистического атласа Европы» (тюркоязычные районы Европейской части СССР). Совещание исполнителей в Риге (февраль-март 1983 г.).

Исполнители: Э. Р. Тенишев, диалектологи Татарской АССР, Чувашской АССР, Башкирской АССР, Молдавской ССР, Кабардино-Балкарской АССР, Карачаево-Черкесской АО.

Срок: 1978—1987 гг.

7. Подготовка второго и третьего томов «Корпуса памятников древнетюркской письменности» — «Рунические памятники Монголии» и «Памятники тюркской рунической письменности Алтая».

Исполнители: II том — сектор тюркологии и лингвистики ЛО ИВ АН СССР (С. Г. Кляшторный), III том — отдел памятников письменности народов Востока ИВ АН СССР (Д. Д. Васильев) и Горно-Алтайский НИИ истории, языка и литературы.

Сроки: 1979—1985 гг.

8. Подготовка «Корпуса армянописьменных памятников кыпчакского языка XVI в.» (в двух частях, общий объем — 40 а. л.).

Исполнитель: ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (И. А. Абдуллин).

Срок: 1980—1985 гг.

9. Подготовка монографического описания словообразования команского языка.

Исполнитель: Карачаевский пединститут (М. А. Хабишев).

Срок: 1983 г.

10. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по языкознанию в академических научных учреждениях союзных республик.

Исполнители: сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Сроки: 1981—1986 гг.

11. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по литературоведению и фольклористике в академических научных учреждениях союзных республик.

Исполнители: секция литературоведения и фольклористики СКТ (Х. Г. Короглы).

Сроки: 1981—1986 гг.

12. Участие в совместной работе проблемной комиссии по теории и истории литературных языков при Институте языкознания АН СССР (руководитель М. М. Гухман) в целях активизации исследований по истории тюркских литературных языков.

Исполнитель: Э. Р. Тенишев.

Сроки: 1981—1986 гг.

13. Координационная работа по тюркской полевой, камеральной и эдиционной археографии Урало-Поволжья. Составление схемы описания тюркоязычных рукописей (объем — 5 а. л.).

Исполнители: ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (И. А. Абдуллин), ИИЯЛ Башкирского филиала АН СССР (И. Г. Галаятдинов), ЛО Института языкознания АН СССР (С. Н. Муратов).

Сроки: 1981—1985 гг.

14. Учет публикаций тюркоязычных рукописей и текстологических исследований. Исполнители: сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Сроки: 1981—1986 гг.

15. Координирование и кооперирование исследований тюркологов с использованием статистических, информационных и кибернетических методов.  
Исполнители: К. Б. Бектаев (Чимкентский госпединститут).  
Сроки: 1983—1988 гг.
16. Проведение IX Пленарного заседания Советского комитета тюркологов.  
Исполнители: Бюро СКТ (А. Н. Кононов, Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова).  
Срок: март 1983 г.
17. Подготовка очередного X Пленарного заседания Советского комитета тюркологов.  
Исполнители: Бюро СКТ (А. Н. Кононов, Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова).  
Срок: март 1984 г.

## РЕЗОЛЮЦИЯ

### IX ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

Москва, 11 марта 1983 года

IX пленум Советского комитета тюркологов, проходивший в Москве 10—11 марта 1983 года, совпал с десятилетием Комитета, что позволило подвести итоги его деятельности за истекший период.

При создании Советского комитета тюркологов главная его задача определялась как обеспечение координации научных исследований в области тюркологии.

Комитет в течение десятилетия участвовал в долгосрочном планировании тюркологических исследований в стране, кооперировал усилия специалистов в целях успешной реализации комплексных проектов.

В минувшем десятилетии тюркологи Советского Союза провели большую работу по многим направлениям в области тюркского языкознания, литературоведения и фольклористики, истории и этнографии тюркоязычных народов, историкографии отечественного тюркского языкознания и всей тюркологии в целом.

Заслушав и обсудив обзор деятельности Советского комитета тюркологов за десятилетие и за 1982 год, а также доклады об исследовательской и научно-организационной работе, ведущейся в Ташкенте, Алма-Ате, Новосибирске и других тюркологических центрах страны, IX пленум констатирует следующее.

В истекшем десятилетии в тюркологии явственно намечилось расширение исследовательской тематики.

В тюркском языкознании развернулось фронтальное сравнительно-историческое обследование тюркских языков. Завершается создание четырехтомной «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (Институт языкознания АН СССР), представляющей собою опыт реконструкции более раннего общетюркского языкового состояния, чем предыдущие реконструкции. Успешно продолжается работа над «Этимологическим словарем тюркских языков» (Институт языкознания АН СССР); в ряде союзных и автономных республик началось составление этимологических словарей отдельных тюркских языков.

В области истории тюркских языков вышли труды по исторической грамматике чувашского и башкирского языков, по грамматике языка тюркских рунических памятников (VII—IX вв.). При координирующем участии Советского комитета тюркологов подготовлены первый том «Корпуса памятников древнетюркской письменности», «Корпус эпиграфических памятников Поволжья», «Корпус северокавказских рунических памятников», продолжается работа над составлением двух последующих томов «Корпуса памятников древнетюркской письменности», а также «Корпуса армянописьменных памятников кыпчакского языка XVI века».

В основном завершен этап монографического обследования тюркских диалектов страны. Широкое развитие получает тюркская диалектная лексикография. Под руководством Советского комитета тюркологов заканчивается работа над таким актуальным и капитальным коллективным трудом, как «Диалектологический атлас тюркских языков СССР». При активном участии Советского комитета тюркологов ведется работа над «Лингвистическим атласом Европы». Диалектологи Сибири приняли на себя составление «Диалектологического атласа тюркских языков Сибири». Успешно развешиваются исследования в такой перспективной области, как тюркская ареальная лингвистика.

Были изданы новые академические грамматики ряда тюркских языков. Экспериментальными методами успешно исследуется звуковой строй ряда малоизученных язы-

ков народов Сибири. Появились исследования по лексикологии тюркских языков, в том числе — по вопросам тюркско-русских языковых связей (в основном на материале лексики). Новых достижений добились тюркская лексикография (составление и издание толковых словарей ряда языков, двуязычных, а также фразеологических и отраслевых словарей).

Изданы основополагающие труды по истории отечественной тюркологии, прежде всего — тюркского языкознания.

Большие успехи достигнуты тюркским литературоведением и фольклористикой, в частности по обработке и изданию образцов тюркского фольклора, изучению его жанров, стабильности, типологии.

Вместе с тем IX пленум Советского комитета тюркологов отмечает определенные недостатки в работе тюркологов страны. В грамматических трудах по тюркским языкам слабо использовались достижения современного теоретического языкознания, европейской и турецкой тюркологии, результаты диссертационных исследований. Применяемые ныне принципы описания грамматического строя тюркских языков, как правило, всё еще недостаточно учитывают как специфику этих языков, так и общетеоретические разработки в данной области. Мало уделялось внимания изучению грамматической семантики тюркских языков, исследованию истории формирования современных тюркских национальных языков и влияния двуязычия на их современное развитие.

Требуют серьезных уточнений в части методики те исследования по тюркской ареальной лингвистике, которые без должной теоретической подготовки стали проводиться ныне в республиках. Тюркские диалектные словари все еще страдают неполнотой охвата диалектизмом, неточностью толкования значений диалектного слова при переводе на русский язык.

Недостаточное внимание проявляют тюркологи к лингвистическому источниковедению, токтологии, к изучению средневековых грамматических трактатов о тюркских языках на арабском и персидском языках.

IX пленум Советского комитета тюркологов, одобряя в целом деятельность Комитета за отчетный период и намечая перспективы дальнейших исследований в тюркологии, постановляет следующее.

1. Обратит внимание тюркологов на ослабление интереса к теоретическим проблемам тюркского языкознания, литературоведения, истории. Руководителям научных учреждений, руководителям аспирантов ориентировать исследования на освоение достижений современной научной теории и на внедрение их в тюркологическую практику.

Пленум призывает тюркологов и редакцию журнала «Советская тюркология» организовать на страницах журнала дискуссии по актуальным вопросам тюркологии.

2. Считать необходимым совершенствовать методику атласирования диалектов тюркских языков, а также методику исследований по тюркской ареальной лингвистике в свете достижений отечественной и зарубежной лингвистической географии и ареаловедения. В этой связи одобрить и поддержать инициативу Ленинградского Отделения Института языкознания АН СССР по организации Консультативного центра по изучению лингвистического пространства при Географическом обществе АН СССР (Комиссия лингвоэтнографии).

3. В области тюркской диалектологии считать первоочередной задачей региональное атласирование тюркских диалектов поволжской, кавказской, среднеазиатских зон; на ближайшую перспективу — подготовку к региональному атласированию зон.

Считать необходимым для руководителей и исполнителей поволжской, кавказской и среднеазиатских зон ДАТЯ СССР визуальное участие в проверке текстов, включенных в корпус атласа.

4. Считать одной из актуальных задач тюркской лексикографии составление полных диалектных словарей, включающих лексические, семантические и фонетические диалектизмы, а также их строгую документацию (указания на территорию распространения).

5. Активизировать работу историков тюркских языков при постоянной проблемной комиссии по теории и истории литературных языков (Институт языкознания АН СССР, Москва) ввиду недостаточной методической оснащенности проводимых в республиках исследований по истории формирования тюркских литературных языков.

Еще раз обратить внимание на бесперспективность узко этнической трактовки древних и средневековых тюркских письменных памятников, непосредственной соотносительности их языка с современными тюркскими литературными языками.

6. Пленум считает актуальным усиление исследований в области проблем и практических вопросов современного тюркского языкознания и культуры тюркских языков.

В этой связи пленум обращает внимание руководства академических научно-исследовательских языковедческих учреждений тюркоязычных республик и областей на важность и своевременность активизации исследований в области насущных проблем и запросов современных живых языков коренного населения, в том числе таких, как упорядочение на научной основе, исходя из практики функционирования и нужд соответствующего языка, норм орфографирования, пунктуации, терминообразования, орфо-

этни, стилистики и т. д., а также роли и влияния двуязычия на развитие национальных языков, с целью выработки рекомендаций для внедрения их в учебную, издательскую, и иную практику. Пленум считает, что все эти вопросы могут быть наиболее успешно и эффективно разработаны и решены при условии тесных контактов и координации между тюркологическими научными центрами страны.

7. Ввиду актуальности проблем истории тюркских языков и истории формирования литературных языков войти в дирекцию Института востоковедения АН СССР с ходатайством об издании сборника избранных статей Э. Н. Наджиба под общим названием «Исследование тюркских языков XI—XVI веков» (20 а. л.).

8. Просить Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука» ускорить издание подготовленного перевода классического труда О. Н. Бётлингера «О языке якутов».

В связи со столетием выхода классического труда В. В. Радлова «Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. I. Teil. — Phonetik» (Leipzig, 1883) просить издательство «Наука» решить вопрос об издании русского перевода труда.

9. Обратиться в редколлегиям 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» с просьбой благожелательно рассмотреть вопрос о включении в издаваемую серию собрания фольклора сибирских татар (исполнитель — Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР).

10. В связи с предстоящим проведением IV Всесоюзной тюркологической конференции (Ашхабад, 1984 г.) считать целесообразным создание в центре рабочей группы в помощь Оргкомитету конференции.

11. Выполняя решение VIII пленума Советского комитета тюркологов о целесообразности научно-организационной кооперации монголоведов в рамках деятельности Комитета, войти в Президиум АН СССР с запиской о современном состоянии советского монголоведения и перспективах его развития в ближайшем будущем. Просить Президиум АН СССР об учреждении монголоведческого печатного научного органа (типа ежегодника), об увеличении численности монголистов (минимум до трех человек) в головном лингвистическом центре страны — Институте языкознания Академии наук СССР.

## СЕМИНАР ПРОБЛЕМНОЙ ГРУППЫ ПО ТОПОНИМИИ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ УРАЛА И СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

29—31 марта 1983 года в Свердловске в Уральском государственном университете им. А. М. Горького состоялся семинар, организованный Проблемной группой по топонимии Урала и Севера Европейской части СССР. В работе семинара приняли участие топонимисты Москвы, Таллина, Уфы, Петрозаводска, Тюмени, Челябинска, Горького, Кирова и Свердловска.

С 1961 года в Свердловске работает топонимическая экспедиция Уральского государственного университета, руководимая профессором А. К. Матвеевым. В экспедиции участвуют студенты и преподаватели университета, ежегодно выезжающие на Урал и Север Европейской части СССР. Выпущено уже пятнадцать книг межвузовского сборника «Вопросы ономастики».

На заседаниях Семинара были заслушаны доклады и сообщения, посвященные важнейшим проблемам организации и развития научно-исследовательских работ в области теории и методики современной топонимии.

Председатель Проблемной группы по топонимии Урала и Севера Европейской части СССР А. К. Матвеев (Свердловск) рассказал о достижениях группы и стоящих перед ней задачах.

В прочитанных на семинаре докладах говорилось о теоретических и практических проблемах, возникающих перед топонимистами региона и о полученных ими результатах.

Ряд докладов был посвящен тюркской топонимии, с которыми выступили ученые Башкирии.

В докладе А. А. Камалова (Уфа) «Некоторые проблемы изучения тюркской топонимии Южного Урала» были освещены вопросы изучения тюркской топонимии Башкирии, рассматривался характер функционирования географических терминов, границы их распространения и стратификация топонимии Южного Урала и Юго-Западного Приуралья.

А. Г. Шайхулов (Уфа) в своем докладе «Антропонимы Башкирской АССР (к по-



становке проблемы стратификации антропонимов) „дотюркского” периода» рассказал об анализе и этногенетической интерпретации наименований топонимических объектов БАССР, основу которых составляют антропонимы. На основе языковых и этнических данных докладчику удалось выявить стратификационные антропонимические пласты, подтверждающиеся фактически отономастическим материалом.

В совместном докладе *Р. Х. Халиковой, Р. З. Шакирова* (Уфа) «Ономастическая лексика башкирских народных песен» была дана характеристика ономастикона поэтического жанра, отличающегося, по мнению докладчиков, от аналогичной лексики других сфер функционирования языка.

В докладе *Ф. Х. Камаева* (Уфа) «Образно-смысловое функционирование топонимов в башкирском музыкально-поэтическом фольклоре» говорилось об отражении в народном сознании образно-смыслового содержания топонимов в виде символов, аллегорий, психологических параллелизмов, объединяющихся вокруг центральной темы — любви к Родине, защиты ее, воспевания красоты края и т. д.

В докладе *О. В. Вострикова* (Свердловск) «Об одной фонетической особенности субстратной топонимии и Среднего Предуралья» говорилось о корреляции субстратных топонимов Среднего Предуралья с начальными *б, в, л*. На основании линг-

вистических и исторических данных докладчик пришел к заключению, что наличие топонимов с начальным *б* указывает не только на тюркский, но и на угорский (южномансийский) субстрат, о чем свидетельствует соответствие начального южномансийского *б* начальному *п* в других мансийских диалектах.

Семинар показал возросшую роль специальных топонимических исследований названного региона, плодотворность научного сотрудничества и контактов топонимистов, активизацию сбора и изучения топонимического материала. Принятые Семинаром рекомендации касались первоочередных задач разработки методики сбора топонимов с фронтального изучения географических названий. Получили одобрение намерения кафедры русского языка и общего языкознания, а также топонимической лаборатории Уральского государственного университета создать формализованную картотеку топонимов Свердловской области в качестве практического вклада в дело сохранения народной топонимии.

Следующий Семинар Проблемной группы по топонимии Урала и Севера Европейской части СССР состоится в Свердловске в 1985 году и будет посвящен методике сбора и научной обработки топонимов региона.

*Р. Х. Халикова*

## ПАМЯТИ БЕКИРА ЧОБАНЗАДЕ

18 мая 1983 года состоялась объединенная научная сессия Ордена Дружбы народов Института литературы им. Низами и Института языкознания им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР, посвященная девяностолетию со дня рождения крупного советского филолога-тюрколога профессора Бекира Чобанзаде. Интенсивная научная деятельность Б. Чобанзаде приходится на 20—30-е годы. Им написано около трехсот научных и научно-методических работ по языкам и литературам тюркских народов СССР. Он был одним из основных зачинателей почти всех направлений азербайджанской филологии.

В своем вступительном слове директор Института литературы им. Низами А. М. Мирахмедов обрисовал основные вехи жизни и многогранной научной и педагогической деятельности Б. Чобанзаде, особо остановившись на вкладе ученого в азербайджанскую филологию, в подготовку научных филологических кадров республики. А. М. Мирахмедов подчеркнул, что многие видные

азербайджанские филологи — языковеды и литературоведы — были его учениками.

В докладах К. А. Талыбзаде «Литературно-критические взгляды Б. Чобанзаде», Ф. Р. Зейналова «Роль Б. Чобанзаде в развитии советской тюркологии» и Н. Бабаева «Вопросы истории азербайджанской литературы в исследованиях Б. Чобанзаде» были освещены основные научные заслуги Б. Чобанзаде в области тюркской филологии.

Б. Чобанзаде, посвятивший вопросам литературоведения и литературной критики около ста научных работ, был одним из основоположников марксистского литературоведения в Советском Азербайджане. Ученый утверждал, что при анализе литературного процесса как дореволюционного, так и советского периода исходным должен быть принцип единства содержания и формы, интеллектуального и эмоционального начал в художественном произведении. Центральным вопросом в эстетической концепции Б. Чобанзаде, исследовавшего творчество таких классиков восточной литературы, как

Фирдовси, Насими, Физули, Навои, Хатаи, был вопрос связи литературы с жизнью общества соответствующей эпохи. Он считал жизненную и образную конкретность основным требованием, предъявляемым к художественным произведениям. Б. Чобанзаде высоко оценил новаторские искания молодого тогда Назыма Хикмета. Он призывал молодых советских поэтов и писателей к созданию поэтической летописи и художественной панорамы революционного преобразования жизни общества.

Б. Чобанзаде горячо ратовал за глубокое и всестороннее изучение истории литературы, чтобы лучше постигнуть сущность новых явлений в литературе, правильно оценить современное состояние и перспективы ее дальнейшего развития.

В области языкознания Бекир Чобанзаде исключительно много внимания уделял проблемам происхождения и родства языков, морфологической и генеалогической классификации. Он внес значительный вклад в диалектологию и диалектографию, в разработку вопросов терминологии, алфавита и орфографии тюркских языков.

Своими воспоминаниями о Бекире Чобанзаде с участниками научной сессии поделились его бывшие ученики: М. Ш. Ширалиев, Х. Короглу, А. Агаев и О. Гасанов, говорившие о нем как о замечательном ученом, педагоге и человеке, сыгравшем большую роль в определении и становлении их научных интересов.

А. А.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Р. Г. Сибатагов* (Уфа). Один из способов выражения предикативного отношения . . . . . 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Д. С. Сетаров* (Шяуляй, Лит. ССР). Тюркские лексические элементы в русских названиях птиц . . . . . 11

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- Х. Г. Короглы* (Москва). Турецкая ашыкская поэзия . . . . . 22

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- М. Э. Закиев* (Казань). Актуальные проблемы сложных предложений в тюркских языках . . . . . 29  
*П. И. Кузнецов* (Москва). О происхождении инфинитива на -так . . . . . 39  
*Ж. М. Гузеев* (Нальчик). О принципах отбора ненормативной лексики в толковых словарях современных тюркских языков . . . . . 46

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- М. И. Исламов* (Баку). Об одной редкой древней форме местоимения в тюркских языках . . . . . 60  
*Ю. В. Шека* (Москва). Предложения назывные и с глаголом в нулевом выражении в турецкой разговорной речи . . . . . 64  
*А. М. Щербак* (Ленинград). Рукописный сборник Og. 8193 и его значение для узбекской филологии . . . . . 72  
*Ч. Д. Джумагулов* (Фрунзе), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Наскальная древнетюркская эпиграфика в Таласском Ала-Тоо . . . . . 78

РЕЦЕНЗИИ

- М. А. Хабичев* (Карачаевск). Ф. А. Ганиев. Образование сложных слов в татарском языке . . . . . 83  
*А. Бекбергенов, К. Пирниязов* (Нужус), *М. Даулетов*. Қарақалпақ тилинде пысықлауыш категориясы . . . . . 85  
*б. Уахатов* (Алма-Ата). «XV—XVIII ғасырлардағы қазақ поэзиясы» . . . . . 87  
*Ш. Ибраев* (Алма-Ата). Р. Бердібаев. Қазақ әпосы . . . . . 88  
*Д. М. Насилов* (Ленинград). Lars Johanson. Pluralsuffixformen im Südwesttürkischen . . . . . 89

## PERSONALIA

<i>А. Ишаев, Ш. Насыров</i> (Ташкент). Шаназар Шаабдурахманов . . . . .	94
<i>А. К. Алекперов, Р. Г. Тагиев</i> (Баку). Бекир Чобанзаде . . . . .	95

## ХРОНИКА

Девятое пленарное заседание Советского комитета тюркологов . . . . .	97
<i>Р. Х. Халикова</i> (Уфа). Семинар проблемной группы по топонимии и географической терминологии Урала и Севера европейской части СССР . . . . .	107
<i>А. А.</i> (Баку). Памяти Бекира Чобанзаде . . . . .	108

## CONTENTS

## STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>R. G. Sibagatov</i> (Ufa). A method of predicative relation expression . . . . .	3
---	---

## LANGUAGES IN CONTACT

<i>D. S. Setarov</i> (Shiauliay, Lit. SSR). Turkic lexical elements in Russian names of birds . . . . .	11
---	----

## PROBLEMS OF FOLK-LORISTICS

<i>Kh. G. Korogly</i> (Moscow). Turkish ashug poetry . . . . .	22
--	----

## DISCUSSIONS

<i>M. Z. Zakiyev</i> (Kazan). Urgent problems of compound sentences in the Turkic languages . . . . .	29
<i>P. I. Kuznetsov</i> (Moscow). On the origin of infinitive on -mak . . . . .	39
<i>Zh. M. Guzeyev</i> (Nakhik). On principles of irregular vocabulary selection in defining dictionaries of modern Turkic languages . . . . .	46

## REPORTS, SURVEYS

<i>M. I. Islamov</i> (Baku). A rare and early form of pronoun in the Turkic languages . . . . .	60
<i>Y. V. Sheka</i> (Moscow). Nominative and verbal sentences in zero expression in Turkish colloquial speech . . . . .	64
<i>А. М. Sherbak</i> (Leningrad). Manuscript collection Or. 8193 and its importance for Uzbek philology . . . . .	72
<i>Ch. D. Dzhumagulov</i> (Frunze), <i>S. G. Kliashtorny</i> (Leningrad). An early Turkic rock epigraphics in Talas Ala-Too . . . . .	78

## REVIEWS

<i>M. A. Khabichev</i> (Karachaevsk). Ф. А. Ганиев. Образование сложных слов в татарском языке . . . . .	83
<i>А. Bekbergenov, K. Pirniyazov</i> (Nukus). М. Даулетов. Қарақалпақ тилинде пысықлауыш категориясы . . . . .	85
<i>B. Uakhatov</i> (Alma-Ata). «XV—XVIII ғасырлардағы қазақ поэзиясы» . . . . .	87
<i>Sh. Ibrayev</i> (Alma-Ata). Р. Бердібаев. Қазақ эпосы . . . . .	88
<i>D. M. Nasilov</i> (Leningrad). Lars Johanson. Pluralsuffixformen im Südwesttürkischen . . . . .	89



## PERSONALIA

- A. Ishayev, Sh. Nasyrov* (Tashkent). Shanazar Shaabdurakhmanov . . . . . 94  
*A. K. Alekperov, R. G. Tagiyev* (Baku). Bekir Chobanzade . . . . . 95

## CHRONICLE

- The IX-th Plenary conference of the Soviet Committee of Turkologists . . . . . 97  
*R. Kh. Khalikova* (Ufa). The seminar of problems group on toponymy and geographical terminology of the Urals and the north of the European part of the USSR . . . . . 107  
*A. A.* (Baku). In memory of Bekir Chobanzade . . . . . 108

© «Советская тюркология» 1983 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Ф. М. Ханбабаева, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 12.5.83 г. Подписано к печати 30.6.83 г. ФГ 18416. Формат бумаги 70×108<sup>1/16</sup>. Тил. 1. Гарнитур литературный корпус. Офсетная печать. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Уч. изд. л. 9,4. Заказ 3531. Тираж 3200. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

1 р. 10 к.

ISSN 0131-677X

Индекс  
70927